VISIT…

Сигизмунд Дичбалис

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Москва • 2003

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ СИГИЗМУНДА ДИЧБАЛИСА

Гертруде,
моей дорогой жене и верной подруге,
посвящаю эту книгу.

С.Д.

This book is dedicated to my wife Gertruda,
our children and grandchildren.

S.D.

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО АНАЛИЗА
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
Выпуск IX

СИГИЗМУНД ДИЧБАЛИС

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Воспоминания

Москва
ИПВА
2003

УДК 94(47)"XX"+929Дичбалис
ББК 63.3(2)6
Д50

Серия основана в 1994 году
Ответственный редактор серии А. В. Попов

Под общей редакцией канд. ист. наук А. В. Попова

Дичбалис С. А.
Д50 Зигзаги судьбы. Воспоминания / Сигизмунд Дичбалис ;
Под ред. А. В. Попова ; Ин-т полит, и воен. анализа,
Центр по изучению Русского Зарубежья. – М.: ИПВА, 2003. – 272 с.:
12 л. ил. – (Материалы к истории русской политической эмиграции ; Вып. IX).
ISBN 5-93349-024-5

Жизнь С. Дичбалиса, автора книги, живущего сейчас в Австралии, полна приключений и трагических ситуаций. Его воспоминания помогают стереть некоторые «белые пятна» в истории России XX века, позволяют по-новому взглянуть на трагические и славные страницы её недавнего прошлого через призму судьбы одного человека.

© Дичбалис С. А. (А. Дубов), 1995
© Дичбалис С. А., 2003, с изменениями
© ПоповА. В., составление, вступительная статья, 2003

ISBN 5-93349-024-5

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга – удивительная история удивительного человека, который, несмотря на все трагические испытания, выпавшие на его долю, смог сохранить оптимизм и веру в себя.

Сигизмунд Дичбалис вырос в довоенном Ленинграде, который и считал своей родиной. Лишь в конце 1990-х годов уже в далёкой Австралии он узнал, что его настоящая родина – город Саратов.

В Ленинграде Сигизмунд жил в районе площади Казанского собора по адресу: ул.Казанская, д.6. Воспитывали его мать и бабушка. Первые уроки доброты, чести и благородства он получил от мамы Янины Николаевны. Главный из них – «Иди по жизни так, чтобы мог вернуться по своим стопам без стыда» – он запомнил и пронёс через всю свою жизнь. Когда Сигизмунду было 13 лет, он полностью осиротел. 22 июня 1935 года в возрасте тридцати пяти лет от роду умерла его мама. Своего отца Анатолия он не помнил: отец пропал без вести вскоре после рождения сына.

После смерти матери Сигизмунд остался один на попечении бабушки, которая не могла уделять ему необходимого внимания: она часто болела, затем её разбил паралич. Автор с детства привык полагаться только на себя. В последних классах школы он по ночам подрабатывал грузчиком в порту и на железнодорожной станции. На учёбу времени оставалось мало, тем более что главным увлечением Сигизмунда в те годы был спорт. Всё свободное время он проводил на гребной базе спортивного общества КИМ, где занимался греблей. Успехи С.Дичбалиса впечатляют: он неоднократный чемпион Ленинграда по гребле. Более того, участвуя в многочисленных соревнованиях, он ни разу не был на втором месте – всегда был первым!

После окончания школы в 1939 году Дичбалис устроился на работу обкатчиком мотоциклов на Ленинградский мотоциклетный завод. Участвовал в соревнованиях по мотокроссу и на всю жизнь сохранил любовь к мотоциклу.

Начало войны он встретил за рулём мотоцикла на соревнованиях. 22 июня 1941 года он записался добровольцем и вскоре был отправлен на фронт. Воевал в Финляндии, ходил в разведку, обеспечивал связь, развозя секретные пакеты, не

раз попадал под бомбёжки и пули финских снайперов. В начале осени 1941 года, находясь в окружении под Новгородом, он попал в плен. В прифронтовом лагере для военнопленных пережил весь кошмар и ужас немецкого плена, когда от голода, холода, издевательств ежедневно умирали тысячи солдат Красной Армии. От смерти Сигизмунда спасла молодость и физическая закалка. Спасительным оказалось и его приличное владение немецким языком, которое он получил от соседки по квартире немки Мэри Крих. Из лагеря он был переведён с группой военнопленных в бригаду лесорубов, а затем работал помощником машиниста на дизельной установке и кочегаром при штабе немецкой 18-й армии в Сиверской. Автор, в это время ещё искренний советский патриот, комсомолец, не оставлял мысли о побеге, ухода к партизанам. Он стал участником антифашистского подполья, передавая партизанам важные сведения из штаба немецкой армии.

В начале зимы 1943 года штаб 18-й армии вместе с двадцатью русскими военнопленными, обслуживавшими его, был переведён в Эстонию в г.Тарту. В это время Сигизмунд получил от партизан новое задание: вступить в антипартизанский отряд, возглавляемый старым русским эмигрантом-белогвардейцем капитаном Вермахата Феофановым. Весной 1944 года после многочисленных ходатайств он добился направления в отряд Феофанова. Вместе с отрядом автор прошел и проехал на мотоцикле пол-Европы, уходя от наступающей Красной армии на Запад. Связь с партизанами была потеряна.

В это время у него родились и первые сомнения в самом «прекрасном» и «гуманном» сталинском обществе. Большую тревогу вызывал и знаменитый сталинский приказ № 270 от 16 августа 1941 года, объявлявший всех пленных и членов их семей предателями Родины. Будущее было неясным и тревожным.

Зимой 1945 года отряд Феофанова примкнул к 1-й дивизии РОА и разместился в Мюнцинге. «Дело русских, их долг – бороться против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия – наша! Прошлое русского народа наше! Будущее русского народа – наше!» Эти слова всё глубже проникали в сознание автора, становились целью и путеводной звездой. В эти дни многое для него прояснялось в беседах с такими же солдатами-власовцами. Он узнал об ужасах коллективизации, сталинском терроре против собственного народа, зверствах НКВД. В ряды РОА многих

приводила не только ненависть к сталинскому режиму, но и надежда на новую жизнь и выстраданная мечта об освобождения России от бесчеловечной системы тоталитарного советского государства. Автор задаёт вопрос: «Кем были мы, собравшиеся тогда под бело-сине-красным флагом – тем же флагом, который развивается над нашей Родиной теперь – изменниками или патриотами?»

Однако довольно скоро солдаты и офицеры-власовцы стали понимать безвыходность своего положения. Драматическая судьба автора книги позволяет по-новому, без прежних предрассудков и стереотипов, навязанных пропагандой, прочесть трагические страницы истории Второй мировой войны. История нашей страны ещё полна чёрными и белыми пятнами, и поэтому так важны свидетельства очевидцев событий. При всём этом, разумеется, читатель не обязан некритически относиться к трактовке событий автором книги и к его рассуждениям об идейной подоплёке так называемого Русского Освободительного Движения.

Дальше начинались скитания автора по странам и континентам. Поиски своего жизненного пути и вечная вера в Россию...

Автору удалось избежать выдачи и неминуемой гибели в СССР. Он пережил все тяготы и лишения полной страха жизни перемещённых лиц в Германии. Но здесь он нашёл своё счастье и судьбу – Гертруду, немецкую девушку, которая бросила всё и ответила на любовь гонимого русского паренька. В июне 1948 года они поженились и остались верны друг другу на всю жизнь. Именно ей, своей дорогой жене и верной подруге, Сигизмунд посвящает эту книгу.

В 1949 году молодая пара решает начать новую жизнь и уезжает в далёкую загадочную Австралию. Очередной зигзаг судьбы! Жизнь иммигрантов была тяжёлой, но главное – они были вместе, они были молоды. И никакие трудности не могли их испугать. В эти годы автор начал профессионально заниматься фотографией, в том числе подводной, что в дальнейшем сыграло большую роль в его жизни.

В 1952 году молодая пара принимает смелое решение – уезжает в Новую Гвинею и проводит там полные опасностей и приключений, но незабываемые 17 лет. Сигизмунд открывает первую в Новой Гвинее фотостудию. Он работает по заказам австралийского правительства, много снимает туземцев, не устающих удивляться «колдовст-

ву» белого человека. Большой успех приносит и подводная съёмка. Дело идёт в гору. Фотостудия Дичбалиса заказывает самые современные подводно-дыхательные системы и аппаратуру для подводных съёмок. Сигизмунд участвует в съёмках фильма о редких птицах Новой Гвинеи и т.д. Увлекательным было его участие в поисковой экспедиции по Новой Гвинее, организованной компанией «Голд энд Петролеум». Новогвинейская эпопея заканчивается в 1969 году, когда семья автора (он сам, жена Труда, сын и дочь) возвращается в Австралию. Своим новым местом жительства они выбрали г.Брисбен в штате Квинсленд, где и живут до сих пор.

В многочисленных жизненных ситуациях буквально «на грани жизни и смерти» С.Дичбалису, казалось, чудом удавалось оставаться в живых. «Дуракам счастье!» – говорит сам автор книги о себе. Но дело, конечно, не только в везенье – дело ещё и в характере человека. В истории жизни автора нас подкупают его жизнелюбие, мужество, стойкость, предприимчивость, оптимизм... А ещё и русская широта души, которую столь редко встретишь в наши дни даже в самой России. И которую Сигизмунд смог сохранить в далёкой Австралии...

В 1992 году впервые после долгих лет, проведённых вдали от Родины, автор книги смог приехать в Россию. Но не как турист, а с грузом гуманитарной помощи, купленной им на свои средства. В дальнейшем он начинает часто бывать в России, помогать друзьям, да и не только друзьям. Незабываемы трогательные встречи с бывшими одноклассниками в Петербурге...

Но пусть обо всём этом расскажет сам автор книги. Я уверен, что она не оставит равнодушным ни одного читателя.

Но нужно сказать главное. Все эти годы Сигизмунд Дичбалис бережно хранил в своем сердце и душе память о России, вместе с ней переживал все её горести и страдания, радовался начавшимся переменам и первым росткам свободы. В его судьбе – со всеми её зигзагами – также отражена история России XX века, её славные и трагические страницы.

И его книга может нас научить многому – не только широко, без предвзятости, без идеологических шор смотреть на мир, но и прочувствовать нашу связь с той частью русского народа, которая в силу разных обстоятельств живёт сейчас за границами России.

А. В. Попов

Часть I. ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ (не по Льву Толстому)

КАК ЭТО ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ. ЗИМА 1922 ГОДА . 18 ЯНВАРЯ

Снежинки покрывали вчерашнюю гололедицу тонким покровом сухого снега. Высокий, стройный мужчина в военной форме и молоденькая женщина «в интересном положении», одетая в меховую шубку, петлички которой уже не сходились с пуговицами, осторожно шли по улице. Они возвращались домой после посещения врача, уверившего их, что всё в порядке и, что скоро их будет уже трое!

Молодая женщина весело говорила мужу, что их ребёнок просто обязан будет расти здоровым и крепким – ведь она недаром закончила 3 курса мединститута на диплом педиатра. И вот в этот-то момент она и поскользнулась!

Муж подхватил её ещё до приземления, но сам потеряв равновесие, как-то тяжело и неуклюже навалился на беременную жену. Он сразу же поднялся, но она, застонав, попросила его не поднимать её, чувствуя, что начались преждевременные роды.

На проходивших мимо санях, сам подгоняя лошадь, довез её муж обратно до госпиталя, из которого они недавно вышли. Сдав её в опеку врачам, рассказав им, что и как случилось, он стал заполнять анкету: «Пострадавшая – Янина Николаевна Дичбалис, 1900 года рождения, полтора года замужем. Сопровождающий – Анатолий Сигизмундович Дичбалис, её муж. Оба прописаны и проживают по адресу: Казанская ул., д.6, кв.44». История её беременности уже была в руках врачей. Написав короткую записку для матери жены, он завернул её в лист бумаги и, надписав крупными буквами: «Передник Валерия Антоновна, Казанская 6-44», отослал её с посыльным тёще.

Сев на скамейку в комнате ожидания и опустив голову в руки, он стал с тревогой ждать, чем всё закончится... В голове его проносились воспоминания несколько последних лет, когда он, будучи командиром батальона, защищал моло-

дую Советскую власть от всех тех, кто не был согласен с этой властью и её идеями и стоял на её пути. Попав в госпиталь после ранения, он познакомился там с молоденькой студенткой медицинского института, обходившей палаты вместе с врачами госпиталя.

Его высокий лоб, голубые глаза и интеллигентность, выделявшая его из массы больных, обратили на себя внимание девушки. Всё началось с обычных разговоров. Потом между ними возникла симпатия... Помолвка, свадьба... Так студентка мединститута Янина и красный командир-литовец стали мужем и женой.

Первое время мать Янины, Валерия Антоновна, не могла терпеть его. «Ну зачем нам в семье иметь какого то литовца?» – говорила она дочери. Но брак был давно зарегистрирован. Как-то удалось ему убедить тёщу, что он любит её дочь и будет ей хорошим мужем. Он был старше жены на пятнадцать лет. Любя горячо друг друга, несмотря на ужасные трудности тех лет, захотели они иметь ребёнка. Вот ещё пара недель – и их надежды и мечты превратились бы в счастливую быль. И вдруг случилось такое!

В своём безнадёжном забытьи не заметил Анатолий, как к нему подошла его тёща и, прикоснувшись к его поникнувшей голове, объявила с чувством сильного волнения: «Это хулиган мальчишка».

Этим «хулиганом мальчишкой», абсолютно не пострадавшим от отцовского веса, досрочного рождения и всего вокруг происходившего был я. Меня назвали в честь деда по отцу Сигизмундом, а мама обычно называла меня Зыгмусем.

Дожив до старости, задумал я изложить свои воспоминания на бумаге. Мои мемуары военных лет были изданы под псевдонимом «А.Дубов». Мои приключения в далёкой Австралии, куда занесла меня судьба, были изложены в виде письма на 46 страницах к моим одноклассникам в Санкт-Петербурге.

Но какое-то чувство незаконченности воспоминаний, побудило моих друзей настоять на описании истории моего детства и школьных дней. И вот, полувспоминая, полуповторяя то, что мне помогли восстановить в памяти найденные друзья детства во время моих поездок в Россию в 1992 и 1993 годах, я набросал ещё сколько-то страниц, с помощью которых уже легче создавался «портрет обыкновенного человека, но с необыкновенными зигзагами судьбы». Мои воспоминания вышли отдельной книгой в 1995 году в

петербургском издательстве «САТИС». Книга имела название «Детство, отрочество, юность не по Льву Толстому».

С тех пор прошло 7 лет, и мне предложили дополнить те воспоминания рассказом о жизни русской колонии в Австралии, проиллюстрировать их некоторыми документами, а также познакомить читателя со своими работами в области репортажной фотографии.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСКИХ ЛЕТ

«Хулиган мальчишка» – эти слова приходилось мне слышать от бабушки много, много раз. И события, отражённые в предисловии, которое вы только что прочли, тоже запечатлелись в моей памяти благодаря её многочисленным пересказам.

О моих первых шести месяцах жизни я знаю очень мало. В конце июня 1922 года случилось событие, о котором мне старались не рассказывать. Я пытаюсь восстановить его, собрав в своей памяти кое-какие отрывки из услышанного, но за абсолютную точность описания случившегося я не ручаюсь. Произошло же вот что.

Пришло письмо от адвоката из Литвы. Отошёл в лучший мир мой дед, оставив своим детям довольно солидное наследство. Требовалось присутствие моего отца для законного раздела оставленного. Отец оформил отпуск и, доехав до какого то пограничного пункта, ... пропал!

Письма шли из Литвы одно за другим с запросами, почему отец не приезжает и тем самым задерживает раздел наследства? На все запросы, адресованные в пункт перехода границы, приходили стандартные ответы:

«Такой-то пропущен через границу тогда-то. Место нахождения не известно».

Вот так и осталась моя мать в каком то подвешенном состоянии. То ли муж бросил её и сына, то ли его «шлёпнули» на границе и не говорят об этом, то ли он арестован и сидит где-то как изменник Советской власти, которую он так преданно защищал?

Об этом мать и бабушка, конечно, говорили между собой много раз, но если это было в моем присутствии, разговор шёл по-французски, и я ничего не понимал.

Я сам исключаю последний вариант – до самой смерти в 1935 году, несмотря на заполнение множества анкет, мать правдиво отвечала на во-

просы о местонахождении её мужа – «не известно» – и её никогда за это не беспокоили. Значит, он не сидел! Первый вариант, побег, тоже не подходит; – побег офицера из части не остался бы не зарегистрированным в местах всё знающих, и мать пострадала бы как соучастница. «Шлёпнули» по недоразумению и не признались в ошибке – таков мой вывод, основанный лишь на предположениях.

Как бы там не было, но отца своего, с тех пор я не видел. Как перебивалась мать, до самой смерти не выходившая замуж, сказать трудно. Младенцу и ребёнку жизнь представляется в радужных красках, независимо от того, что происходит вокруг. Да и память о тех временах увяла.

Первые подсознательные проблески о различных, не связанных вместе картинах в разных местах России и в самых разнообразных ситуациях, возникают у меня, как в каком то калейдоскопе.

Здесь надо объяснить, что маму к этому времени по приказу «вышестоящих» изъяли из медицинской профессии, и она оказалась, по их воле, в каком-то начальствующем положении в Управлении то ли Кировской, то ли Октябрьской железной дороги. Кажется, какое то время, вся семья жила в специальном вагоне, половина которого была превращена в контору. Вагон отцепляли на разных станциях, и мать проверяла работу местного начальства, приходившего в её «кабинет».

Вот, сижу я на подоконнике полуподвального помещения (почему-то мне кажется, это было в городе Саратове, на Волге) и повторяю без устали «Домой хочу, домой хочу, домой хочу...» Кажется, я жил у знакомых – у бабушки была какая-то то заразная болезнь.

А то, бегаю по перрону станции с местными ребятами между лотками со всевозможными лакомствами и яствами: урюк, кумыс, имбирь, кишмиш и другие восточные диковинки. Кажется, это было где-то за Алма-Атой!

Ездил я с бабушкой и по деревням в летнее время. Одна такая поездка чуть не стоила мне жизни. Где-то на юго-востоке страны подхватил я от комаров тропическую малярию и... уже «доходил до ручки». Температура выходила за пределы выносливости тела, а потом меня трясло, как будто я сидел голышом на льдине. Доктора поблизости не было, и бедная моя бабушка уже потеряла надежду привезти меня к матери живым. И вот, откуда-то пришла старенькая крестьянка и, передав моей бабушке пучок молодых листьев сирени

с наказом сделать из них крепкий отвар, исчезла, сказав на прощание: «Мальчик умирает. Пусть попьет заварку, может и выживет».

Я до сих пор помню ужасную горечь этого отвара. Но «мальчик выжил!»

В другой раз, был я в гостях у друзей нашей семьи, не помню у которых.

Было ужасно жарко по ночам. Я и их сынишка спали на полу в той же комнатушке, что и его родители. Я отчего-то проснулся... Там, на кровати, происходило что-то, о чем спрашивать не полагается.

Луна светила прямо в окно, заливая комнатку серебряным светом.

Притворяясь спящим, я следил за каждым движением взрослых и при свете луны впервые увидел совершенно нагое тело женщины. Почему такие вещи не забываются?

Не всё время разъезжала мать по пространствам Советского Союза, вспоминаю моменты, когда она и дома просиживала ночи напролёт за накопившимися отчётами.

Помогал и я! Перед глазами – стол, заваленный какими-то книжками. У меня в руке штамп, передо мною подушечка для печати, и я сосредоточенно луплю по отрывным листкам наваленных блокнотов, до тех пор, пока моя рука не начинала неметь от этой «непосильной» работы. И я, подсчитывая в уме, сколько ещё осталось, смотрю на мать, склонившуюся над горой других, уже больших книг.

Вспоминаются и приятные моменты.

Зимой катался я с мамой на санках. Однажды вернулись мы с ней домой, и я заметил, что, сдав меня на руки бабушки, она возвращается назад к своим друзьям, с которыми мы только что были вместе. Я устроил сцену: «Хочу с тобой!»

Мама объясняла, что уже поздно, пришло время идти мне в кровать, а перед сном почитать «Белый Клык» Джека Лондона. Уже возбудившись до злости, я, чтобы обидеть мать, заявил, что не только эту книгу, а вообще ничего с этого момента читать не буду! (Я был тогда дошкольного возраста, но уже научился читать так прилично, что потом меня приняли сразу во второй класс). Тогда, мама, уже почти за дверью, сказала: «Этим ты навредишь только сам себе» – и ушла, оставив меня с бабушкой и с нахлынувшими на меня философскими мыслями. Кончилось тем, что, не захотев «навредить сам себе», я прочёл всю книгу до конца и все ещё хорошо помню этот вечер.

Остался в моей памяти ещё один момент: у нас вечеринка – не то Новый год, не то день рождения мамы. Гости потягивают вишнёвую настойку домашнего приготовления (мне запомнилась огромная бутыль, в которой держали настойку), а мы, дети гостей и я, носимся вокруг стола, заставленного всем, о чём по будням даже и мечтать не положено. Поскользнувшись на повороте, я врезался лицом в угол стола и выбил несколько зубов, к счастью для меня, молочных. Не стоит объяснять, что я испортил всем этот вечер.

Однажды, где-то на даче, я ловил раков. Хорошо помню абсолютную прозрачность воды. Каждая деталь подводного ландшафта была как на ладони. Надо было медленно двигаться против течения и внимательно оглядывать каждый крупный камень под водой. Часто с теневой стороны можно было увидеть торчащий хвостик рака. Осторожно надо схватить его за шейку и, избегая его внушительных клешней, вытащить из-под камня, положить в сетку или сумку и затем искать следующего.

Первое осознание значения слова «смерть» я получил ещё в дошкольные годы.

Я был (опять с бабушкой) в тех местах, где прошли тяжёлые бои с «белыми». Помню, глубокий овраг где, в компании деревенских мальчишек, я занимался тем, что было нам строго запрещено. Мы вели «раскопки». То здесь, то там, находили мы патроны, пустые пулемётные ленты, штыки и тому подобные «реликвии» военных времен.

Как-то раз собрались мы, мальчишки и как-то случайно попавшая в нашу компанию девочка, на самом краю этого обрыва для своего рода состязания – кто сможет отличиться наиболее длинной струёй мочи. Участники выровнялись и по команде «дали залп». К нашему удивлению, присевшая на корточки девчонка выходила победительницей. Не веря своим глазам, один из мальчишек подошёл совсем близко к краю обрыва, чтобы заглянуть, нет ли тут какого подвоха. Под его весом земля поддалась, и он начал сползать вниз, хватаясь, чтобы удержаться, за что попало. Раздался ужасный взрыв, и никто из нас наверху не мог потом вспомнить, как мы добрались до деревни и рассказали о случившемся. Только на следующий день вышел я из хаты, в которой мы жили, и всё ещё потрясенный случившимся, зашёл с бабушкой в дом семьи убитого взрывом снаряда мальчика.

Открытый гробик стоял посреди комнаты. Проходя мимо, увидел я посиневшее личико бедного парнишки и, задержавшись на несколько секунд, чтобы проглотить ложку сладкого риса с изюмом, вышел на улицу, видя перед глазами изуродованное взрывом лицо.

Каким-то случаем очутился я под присмотром бабушкиной родни в Гатчине. Думаю, моим родственникам надолго запомнился хулиганистый мальчишка. Там я изрезал ножиком старинный кожаный диван, там я дергал за волосы разбитую параличом старушку, которая была прикована к креслу, там я поотбивал головы всем гномам в садике и там меня укусила собака – огромный бульдог с мёртвой хваткой...

Всё это мне хотелось бы забыть, просто стыдно за такое поведение, хотя и было это всё много-много лет назад.

Но вот, о чем я расскажу сейчас, случается довольно редко! Это тоже было в Гатчине.

Меня послали в магазин за какой-то мелочью и, так как не нашлось мелких денег, мне доверили целых десять рублей. Вышел я из калитки, зажав эту десятку в кулаке, но, когда дошёл до лавки минут через двадцать, в кулаке её не было. Потрясённый случившимся и обдумав ситуацию, решил я пройти назад тем же путём, которым я шёл в магазин. А надо сказать, это был путь не прямой! Как сыщик, заглядывая за каждый камень, столб и пучок травы, уже подходил я калитке, из которой вышел уже с час назад, и стал обдумывать, как объяснить пропажу денег. Что-то заставило меня повторить опять мою дорогу к магазину. По улице проходили люди, и мне стало понятно, что десятку мне не найти. Полный решимости сказать правду и принять наказание, я пошёл домой. Когда, уже открыв калитку, я в последний раз обернулся – чуть ли не под ногами лежала моя десятка! Пришлось опять бежать в лавку, купить, что было нужно и, придя домой, выслушать наставления за долгое отсутствие. Ух, ну и повезло!

Уже будучи в школе, в начальных классах, я всё же отличался отнюдь не образцовым поведением. Как-то раз дошло до того, что пригласили мою маму посидеть на уроках, и самой увидеть, как ведёт себя её сын. Этот случай запечатлел себя в моей памяти, как на снимке. Был урок русского языка. Нам надо было приводить примеры фраз с глаголами, наречиями, деепричастиями и другими «трудностями», которые и теперь-то ещё я не очень хорошо усвоил. А тогда? К недоуме-

нию всех моих друзей по классу и учительницы русского языка, я не дал повода маме за меня краснеть. Я приводил такие сложные и в то же время правильные примеры из детской художественной литературы, которую впитывал в себя под руководством матери дома, что мама рассказывала потом бабушке, как учительница призналась ей, что никак не может объяснить случившееся. К сожалению, на другой день я был опять и невнимателен и рассеян, без всякой на то причины.

Мать меня наказывала за шалости, но телесно ни разу. Однажды она пришла с работы, как всегда уставшая и с натянутыми нервами. Как мне удалось понять тогда из её домашних разговоров с бабушкой, происходила какая-то «чистка» на службе. Поступали доносы и клевета от старающихся выслужиться, каждый и каждая опрашивались какой-то комиссией и, как говорят, положение было серьёзным. А тут пришлось ей выслушивать жалобы бабушки на моё поведение. Она позвала меня в спальню, спросила меня, признаюсь ли я в том, о чём пожаловалась бабушка, и, взяв какой-то ремень в руки, приказала мне снять штаны и лечь на кровать. Пальцы мои не могли найти пуговиц. А когда нашли, не могли расстегнуть их. Когда штаны были уже на полу, мой умоляющий взгляд с надеждой был обращён к маме. «Ложись!» – грозно прозвучал её голос. Я забрался на кровать и всунул голову под подушки от чувства стыда и оскорбления и приготовился к ударам ремня, которых я ещё никогда не испытывал. Прошло несколько долгих секунд, потом ещё несколько. Я высунул голову из-под подушек – матери в комнате не было! Пролежав в ожидании наказания ещё немного, я оделся и вышел в комнату, бывшей нашей столовой и моим «кабинетом и спальней». Мать посмотрела на меня добрыми глазами и сказала:

– Мне жаль твоего самолюбия, не доводи меня до необходимости такого наказания.

Это на меня подействовало. До самой её смерти и потом я всё вспоминал эту унизительную сцену.

Не так сентиментальна была моя бабушка. Помню, как во время домашних занятий учил я какие-то стихи и, каждый раз, когда я забывал то слово, то фразу, кухонное полотенце в руках бабушки с завязанным узлом на конце опускалось на мою спину с довольно порядочной кинетической энергией! Но «избиением дитяти» назвать это было нельзя! Бабушка тоже любила меня, но по-своему.

Но, всё же, однажды заработал я от матери пощечину. Не оплеуху, свалившую меня с ног, а так, шлепок по левой щеке, которая горит у меня и сейчас от воспоминания о том случае. Было мне тогда лет восемь. Шли мы с мамой по улице, – это было где-то за Гостиным Двором – и я начал напевать всем тогда известную песню: «По улицам ходила, большая крокодила, она, она, голодная была...», но только с блатными словами. Мать остановилась и спросила:

– Кто научил тебя этой песне? Я почему-то заявил с гордостью:

– Я сам сочинил её.

Вот тут-то и шлёпнула меня мать по щеке, добавив:

– Всё прощу, но ложь – никогда! Эти слова были моим маяком до тех пор, пока я сам не понял, что врать можно, но только когда это просто необходимо для спасения своей шкуры. И без вреда для других!

Мама всегда старалась как-то наставить меня на «путь истинный». В один из выходных, после очередной жалобы из школы, привела меня она к одному «важному человеку». Это был друг семьи, но, увы, фамилию его я не могу вспомнить. Поднялись мы с мамой по лестнице, зашли в квартиру, и после традиционных приветствий с хозяйкой семьи мне предложили зайти в комнату – кабинет хозяина. С левой стороны были полки с книгами, за письменным столом, спиной к окну, сидел хорошо сложенный и с приятным лицом мужчина. Во всем его облике чувствовалась уверенность, которая вызывала чувство уважения[1]. Я стоял перед ним, переминаясь с ноги на ногу. Он задал несколько вопросов и под конец этой организованной мамой аудиенции встал из-за стола и, положив руку на моё плечо, сказал мне, что я крепыш, а в здоровом теле должен быть и здоровый дух – он уверен, что я исправлюсь.

Эти слова его, так меня «взбодрили», что по дороге домой, когда мать завела меня в какой-то садик со спортивной площадкой, я захотел показать перед мальчишками и мамой, как надо спускаться по отполированным столбам – по ним ребята соскальзывали вниз на спор, кто приземлится первым. Забравшись наверх и выждав, когда

---

[1] *Много позже мне удалось установить, встретившись с Виктором Сергеевичем Вавиловым, который гостил у меня в Австралии, что это был его отец – академик Сергей Иванович Вавилов.*

соперники приготовились к спуску, я расслабил хватку до такой степени, что просто упал по столбу вниз. Да, я был первым, но с вывихнутой ступней. Бедной матери пришлось взять меня на руки и нести до самого дома.

Мои последние воспоминания о матери – не совсем приятные, но это было!

Мать заболела чем-то, что скрывали от четырнадцатилетнего мальчишки. Ей делали операции, высылали в Алупку или Алушту на выздоравливание. Наши две комнаты были заполнены всякими кактусовыми растениями, сок которых должен был быть полезным ей для выздоровления. Все это проходило мимо меня, как что-то «нормальное». «Ну, заболела, теперь вылечивается», – думал я, так как никто не говорил мне о серьезности болезни матери. Но мать слегла в постель. Начали приходить доктора или медсестры и делать матери какие-то уколы.

Она стонала, но так тихо, что я всё ещё не принимал всю обстановку всерьёз. Пока, в один день, бабушка не позвала меня в комнату, где лежала мама, сказав, что мать хочет поговорить со мной. Я подошел к кровати. Мать лежала обессиленно и смотрела на меня своими большими глазами на исхудавшем лице.

Моя мама Янина Николаевна Дичбалис.
Фотография сделана за год до её преждевременной кончины.
Её автобиография приведена в Приложении 1.

– Обними меня, – попросила она меня.

Встав на колени, чтобы подсунуть руки под её подушку, я мог следить за движением материнских губ и ловить шелест её слов, произносимых ею с огромным трудом.

– Зыгмусь, – стараясь всё досказать до конца, проговорила мама, – иди по жизни так, чтобы мог бы вернуться по своим стопам без стыда.

Остановившись и через несколько секунд собрав последние силы, мать добавила вторую фразу:

– Если будешь в сомнении, что делать, подумай, а что сказала бы я...

Она вздохнула с трудом, на её лице показалось страдание, огромный сгусток крови выскользнул из её тела... и она умерла!

Покажется Вам это странным или нет, но мне уже за восемьдесят, а я всё ещё, когда в сомнении, вспоминаю её последний совет. И это здорово помогает!

Умерла мать двадцать второго июня 1935 года, тридцати пяти лет от роду.

Как в тумане, вспоминаю какое-то кладбище, ограду с уже находившимися там двумя могилами, какого-то попа с кадильницей и человек двадцать провожавших мать в её последний путь.

Чуть ли не на следующий день от учреждения, где работала мать, была выделена путевка для меня в санаторий, в Крым. Помню, как в городе Феодосия подчинялся режиму санатория. Вставал рано, делал зарядку, ходил по горам, спал после обеда и ложился спать рано. Всё остальное, до начала 1938 года, вспоминается с трудом и как бы в тумане.

О школьных днях помню мало. Потрясло всех, и нашу семью в том числе, сообщение, потрясшее весь Советский Союз в переносном и прямом смысле – убийство Сергея Мироновича Кирова.

Серое утро, нас собрали в коридоре школы, но вместо утренней зарядки последовало ужасное сообщение, которое оказалось роковым для многих честных и патриотически настроенных людей. Они погибли в последующей волне арестов, доносов, ссылок и расстрелов. Одна невинная жертва была вырвана и из нашего класса – Нора Вальцет. Она отказалась подписать донос на родителей.

Вместе с нами в квартире жили ещё две семьи. Юрист по фамилии Мессер с супругой и профессор немецкого языка Мэри Крих. Её муж, про-

фессор лингвистики, был арестован и сослан куда-то. Её брат, химик, тоже сгинул в безвестности. По ночам все прислушивались к шагам по лестнице, особенно, если поднимались трое. Но меня это как бы не касалось, ни мама, ни бабушка не объясняли мне их такое пугливое поведение.

Мне кажется, что меня просто оберегали от посвящения в истину происходившего. Только теперь я понимаю, что происходило.

С Мэри Крих я «познакомился» в семилетнем возрасте. Она, бездетная, обожала меня, и так как между нашими комнатами были широченные двери, которые не замыкались, я свободно ходил по её комнатам.

Её муж и брат коллекционировали почтовые марки. Это была бесценная коллекция в нескольких толстенных альбомах, которые мне часто показывали. И вот, выбрав день, когда семьи Крих не было дома, я прихватил самый толстый альбом и перетащил его в мою комнату и сразу же доложил об этом маме. Вот, де, какая удача! У них альбомов куча, никто не заметит пропажу нескольких тысяч почтовых марок, а нам они пригодятся – красивые, приятно на них смотреть... Это были мои оправдания на вопросы матери, объяснявшей мне, что мой поступок некрасив и может быть понят как воровство, а не «распределение красивых марок». К этому времени вернулась семья Крих. Мать заставила меня перенести альбом обратно и передать его собственникам со словами: «Простите меня, я – вор!»

Ох, помню, как было ужасно произнести эти слова! С тех пор я не тронул ни одной вещи, не принадлежащей мне. Хотя нет... Обстоятельства, о которых будет рассказано ниже, вынудили меня много позже воровать еду у немцев и кофе у американцев!

Одно из последних воспоминаний детства – это несколько недель, которые вместе с бабушкой я провёл во фруктовом питомнике под Алма-Атой.

Яблони, яблони и ещё раз яблони. В компании мальчишек моего возраста я переходил от яблонь одного сорта к яблоням других сортов. Земля была устлана, как ковром, упавшими с деревьев фруктами (трясти яблони или лазать по ним нам не разрешалось). Мы объедались сочными фруктами до такой степени, что откусывали только самые привлекательные кусочки спелых, как бы покрашенных в розовые, жёлтые и красные тона плодов. Неба было почти не видно, так как оно

закрывалось тяжёлыми ветвями деревьев. Мы бегали меж стволами – как бы в сказочном дремучем лесу – и наслаждались плодами, из-за которых произошло грехопадение Адама и Евы. Я думаю, что винить их за это нельзя! Это я понял, лёжа с раздутым животом под яблонями, на которых красовались плоды – один привлекательнее другого...

Но довольно о беспечном детстве, надо переходить к тому отрезку моей жизни, который называется отрочеством.

ПОСЛЕ СМЕРТИ МАМЫ

Теперь, в моих летах, уже трудно снова мысленно пережить этот драгоценный отрезок времени. Он бесценен, несмотря ни на какие переживания или даже страдания. Я был молод и не заботился о том, сколько у меня впереди лет, недель или только дней.

Отрочество – всё переносящее, всё прощающее, балансирующее, как на высоком канате, на надежде, грёзах и желании быть похожим на героев, приводимых обществом в качестве примера... но, увы, не всегда счастливое время нашей жизни.

Мое отрочество началось, как мне представляется, месяцев через шесть после смерти матери, когда я вернулся из санатория. Бабушка начала прихварывать, и я всё больше и больше оставался без надзора. Как шли мои школьные дела, увы, не могу вспомнить много, кроме троек, а то и двоек за поведение. Отдельные эпизоды, оставшиеся в памяти, не дают повода гордиться ими. Помню, как, чувствуя себя скверно, поднимался по лестнице и не дошёл до следующего этажа – меня стошнило на площадке к ужасному недовольству уборщицы, отчитавшей меня за пьянство в таком возрасте. Шёл же я в медпункт за разрешением уйти домой – меня трясло, мне было холодно, и внезапно поднялась температура. Кое-как дошёл я домой, благо было не очень далеко (мы жили на ул.Плеханова, д.6), и слёг с возвратившимися приступами тропической малярии, подхваченной несколько лет назад в Алма-Ате.

Болел я редко, любил уроки гимнастики и с помощью занятий спортом привёл своё тело в довольно крепкое состояние. Бегал на лыжах, катался на коньках, в каком-то спортивном клубе посещал занятия секций акробатики, бокса, джиу-джитсу и фехтования. Делал всё, чтобы быть дома как возможно меньше. Моё постоянное отсут-

ствие очень возмущало бабушку, здоровье которой становилось всё хуже и хуже. Потом её разбил паралич, и наша соседка по квартире, Мэри Крих, наняла для бабушки кого-то вроде сиделки. Она отдала ей маленькую комнатушку, служившую раньше для хранения книг и вещей её мужа и брата, всё ещё арестованных и находящихся неизвестно где. Помню, как заходил я частенько к этой крепкой, здоровой деревенской девице и жаждал дотронуться до её крепкой груди, руки или ноги. Далее «дотрагивания» дело не шло, но чуть ли не каждую ночь снился мне её многообещающий образ. Да, это было мое отрочество.

В школу ходил я исправно, не пропуская уроков, но как-то бесцельно. К чему были эти все уроки алгебры, физики и литературы? Считать мизерные карманные гроши, сэкономленные на папиросы из копеек, данных мне на обед кем-нибудь из жильцов нашей коммуналки, я умел, а читать я. мог и без всяких уроков и рекомендаций – дома была большая библиотека, собранная мамой. То ли дело – спорт! Уроки гимнастики шли более и более успешно. Я вертелся на снарядах лучше всех, исключая моего единственного соперника Гошу Уварова, вечная ему память! Он был более эстетичен в своих движениях, даже ходил он как бы с подъёмом на цыпочки, но там, где надо было «выжать» или провертеть «солнышко» на турнике или параллельных брусьях, равных мне не было. Часто, для привлечения внимания какой либо одноклассницы, я подходил к шведской стенке и безо всяких усилий, как бы потягиваясь, жал «флажок» и услаждался громко произносимыми «ох!» и «ах!». Эх, лучше б я «выжимал» логарифмы и запоминал бы формулы химии и физики вместо этого. Как это получилось – из всего класса, без высшего образования, остался только я один! Ну, об этом поздно плакать.

В качестве развлечения по дороге в школу я запрыгивал на подножку трамвая и спрыгивал с неё, пока на моих глазах не отрезало ногу такому же, как и я, хулигану. Это здорово подействовало на меня и повернуло в лучшую сторону. Помню, как азартно играл с другими в лапту во дворе школы. Прямо через окно во двор, пользуясь каждой секундой перемены, бегали мы за мячом, и, услышав звонок, запыхавшиеся и вспотевшие, садились за парты, в течение первой половины урока только приходя в себя.

Для бабушки у меня, к сожалению, времени было очень мало. Оставшись сиротой, я начал

жить самостоятельной жизнью без помощи кого-либо. Не помню, получали ли мы какую либо пенсию или пособие. Откуда у меня были деньги на обед в школе, я тоже не могу вспомнить. Но помню, что в 9 и 10 классах, подрабатывал я на еду, папиросы, редкое мороженое или ириски – в порту и на товарных станциях, через которые шли продукты и фрукты на экспорт. Работать приходилось по ночам. До школы добирался я перед самым началом уроков, и сидя за партой, мог подремать...

МОИ СПОРТИВНЫЕ УСПЕХИ

Втянувшись в тяжёлую работу грузчика, я окреп до такой степени, что, проходя однажды подворотню дома на углу Казанской и Гороховой улиц, дал такой отпор шпане, которая всегда задевала ребят из нашей школы, что с тех пор наши школьники проходили без опаски и туда и назад.

Вдохновлённый таким «уважением» к себе, когда я учился уже в 10 классе, задумал я навести порядок и в своем дворе дома № 6 на Казанской (ул.Плеханова). И здесь меня стали «уважать» – пригодились занятия боксом и джиу-джитсу. Но вот беда, нас задирали пацаны с площади Казанского собора. Уличные «бои» происходили регулярно.

Один из них описала мне Евгения Константиновна Трубач, которую я зову теперь просто Женя или «моя вторая мама». Дело было так: зашла она как-то в наш двор и увидела две группы пацанов в схватке «не за страх, а за совесть». В самой серёдке, стоял невысокий, но хорошо сложенный парень и дубасил и тех, и других, стараясь разнять дерущихся. Женя, будучи тренером по академической гребле, привыкла отдавать громкие команды с кормы «восьмёрок», как рулевая. Вот и в этой обстановке пригодился её громкий голос.

– Стоп! Разойдись! – пронеслась команда над головами дерущихся, которые действительно остановили свою рукопашную.

– А Вам что нужно? – недовольно спросил тот, который был в середине свалки.

Тут Женя и объяснила «качающим права», что если надо помериться силами – можно сделать это и более приличным способом. Она пригласила ребят посетить гребную базу общества «КИМ», где она работала главным тренером. Драка прекратилась, и Женя ушла.

Прошло несколько дней, и у неё на базе объявилась группа подростков, с удивлением разглядывавших разнообразные типы тренировочных клинкерных лодок и элегантных гоночных скифов. Они были из рядов «бойцов армии дома номер шесть». Привёл их тот самый, что лупил их тогда так беспощадно. Читатель, наверное, догадался, что им был я.

Женя, чтобы испытать характер ребят, дала им задание – вымыть все клинкера, прибывавшие с тренировок. Под конец дня, мокрый от воды и пота, только я один драил длинные каркасы, отмывая пятна нефти и полируя покрытые лаком днища. Остальные разошлись кто куда для более приятного времяпрепровождения...

Так началась моя спортивная карьера гребца. Опытная Женя, выбрала судно, наиболее подходящее к моему росту и телосложению, и посадила меня в тренировочную байдарку. За пару недель успел я не только научиться не перевёртываться на этом узком бескилевом устройстве, которое не напрасно называлось «торпедой», но и передвигать его без особой устали с утра и до захода солнца.

Подходило время гонок. Разряд «юношей», дистанция 1000 метров. У общества «КИМ» опытного «торпедиста» в этом разряде не оказалось. Женя выставила мою кандидатуру. «Терять нечего, пусть заполнит место в команде», – подумала она.

И вот, свежеиспечённый гребец, с ещё не совсем уверенным балансом в этой вёрткой лодчонке, погрёб на старт. Полуфинал – все линии заполнены бывалыми ребятами с выпуклыми мускулами и опытным стажем в таких гонках.

К моим воспоминанием и Жениным рассказам об этих гонках я могу добавить точные данные, полученные мною от Спортивной Ассоциации города Санкт-Петербурга в 1993 году. Архивы, к счастью, уцелели.

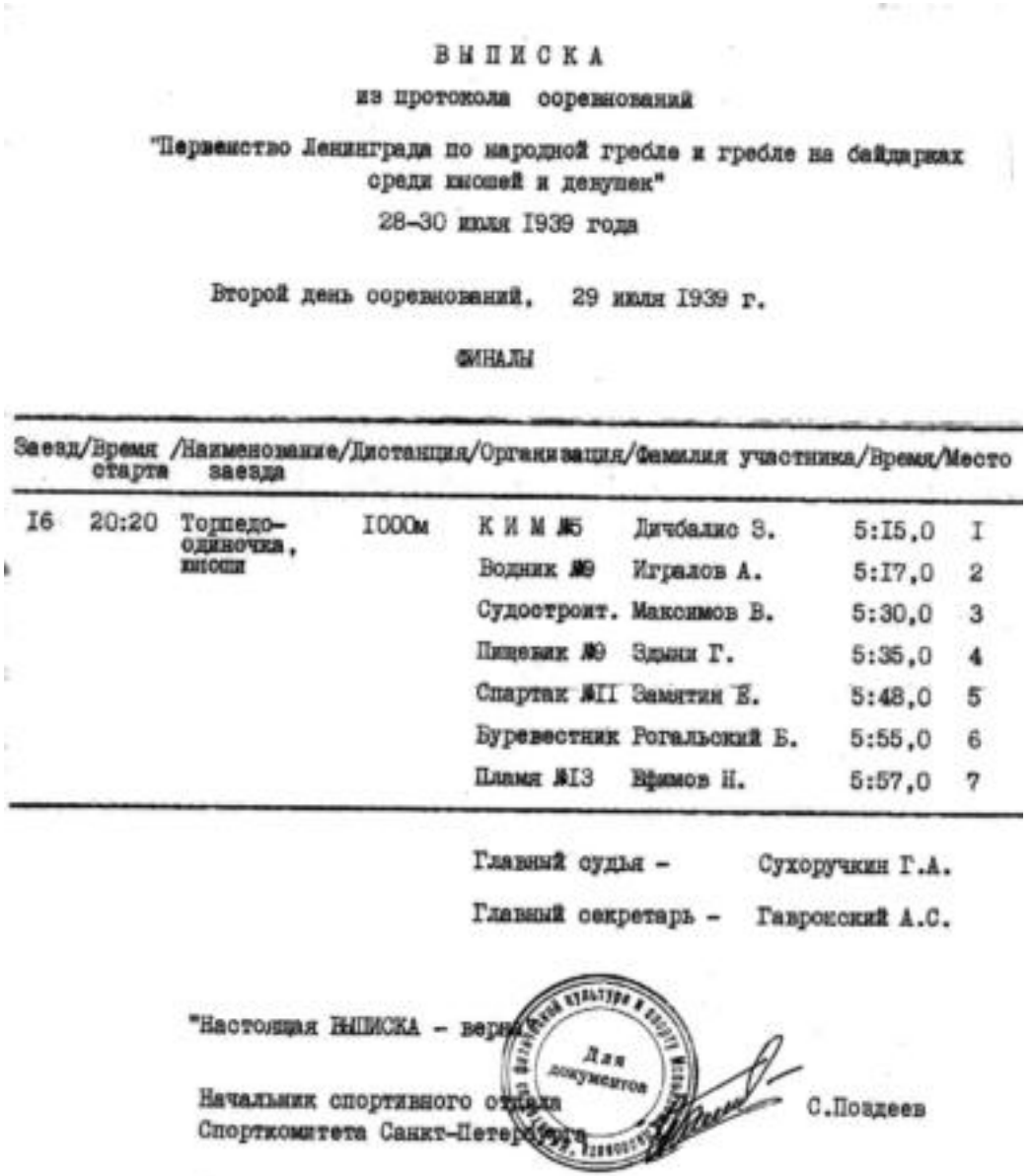
Прозвучал стартовой выстрел, и «торпеды» сорвались с места. Я был последним! Подавив волнение и оглядевшись вокруг, стал я поджимать одного за другим, пока не подошли к последним 250 метрам. Чувствуя, что я уже сравнялся с передовыми и могу держаться наравне довольно легко, я в первый раз подумал о том, что ранее казалось невозможным: «А давай-ка попробую обогнать?»

На мое усиление темпа и силы гребка, другие ответили тем же. Пришлось грести сильнее. Я стал выходить вперёд, и тут у меня появилось

чувство спортивной злости. «Ну, погодите!» – вертелось у меня в голове, и я, врезаясь в воду веслом, толкал мою «торпеду» вперёд, к выигрышу. Я шёл по пятой воде и пришёл первым в этой гонке со временем в пять минут и пятьдесят две с половиной секунды (5:52,5). Время второго места было – 6:09,3. Женя с удивлением похлопала меня по плечу, стараясь понять, почему опытные и сильные гребцы пропустили меня вперёд. «Да, наверно, просто не хотели терять силы в полуфинале», – решила она.

29 июля 1939 года. Первенство Ленинграда. Финал гонок! Уже как «опытный» участник, зашёл я в свою «четвёртую воду» (это полосы на старте для предупреждения мешанины в начале дистанции), с твёрдым намерением не быть последним. Нас было семь финалистов. Вспоминая, как всё происходило вчера, я «уцепился» за первых и обогнал их с помощью последнего рывка на целых пятнадцать секунд! Я выиграл личное первенство Ленинграда со временем в 5 минут 15 секунд.

Это просто ошарашило всех, не ожидавших такого «нахальства» от гребца со стажем всего в несколько недель.



ВЫПИСКА

из протокола соревнований

"Первенство Ленинграда по народной гребле и гребле на байдарках среди юношей и девушек"

28–30 июля 1939 года

Второй день соревнований, 29 июля 1939 г.

ФИНАЛЫ

Заезд/Время старта	/Наименование/ заезда	Дистанция/	Организация/	Фамилия участника/	Время/	Место
I6	20:20 Торпедо-одиночка, юноши	I000м	К И М №5	Дичбалис З.	5:I5,0	I
			Водник №9	Игралов А.	5:I7,0	2
			Судостроит.	Максимов В.	5:30,0	3
			Пищевик №9	Здани Г.	5:35,0	4
			Спартак №II	Замятин Е.	5:48,0	5
			Буревестник	Рогальский Б.	5:55,0	6
			Пламя №I3	Ефимов Н.	5:57,0	7

Главный судья – Сухоручкин Г.А.

Главный секретарь – Гавронский А.С.

"Настоящая ВЫПИСКА – верна

Для документов

Начальник спортивного отдела Спорткомитета Санкт-Петербурга С.Поздеев

Выписка из Протокола соревнований на «Первенство Ленинграда по гребле среди юношей» от 29.07.1939 г.

Последовали и другие победы. 17 и 18 августа выиграл я «Первенство Ленинграда» уже в разряде «Мужчины», на дистанции 1500 метров со временем в 7:36,7 (против ветра). Я позволил себе подтрунить над Женей. В разряде «Женщины», ту же самую дистанцию она прошла лишь за 8:17 (что тоже было очень сильно)!

Наступил сезон 1940 года. Месяц – июнь. Дело серьёзное! Открытие сезона, дистанция – 1500 метров. Мужчины, представители сильных спортивных обществ.

И вдруг, какой-то мальчишка из спортивного общества «КИМ», выходит вперёд и побеждает!

Теперь уже мне говорили: «Ну, погоди!» – до августа, вот где «мужчины» отличаются от «мальчиков»! Это Первенство Ленинграда! Мастера спорта и перворазрядники!

И действительно, это соревнование чуть не отодвинуло меня на второй план. Помогла остаться чемпионом «неудачная любовь». Да, была у меня очень милая девушка, с которой я проводил всё свободное время, и которая всегда, перед каждым заездом в гонках, целовала меня, говоря громко: «Смотри, чтоб мой поцелуй был первым на финише!» Ну, я и старался. А вот перед самым августом что-то вышло у нас не так (моя вина!), и никто уже не целовал меня при выходе на старт. Хуже!.. Я увидел её сидящей с каким-то военным в форме пограничника. Вот что разозлило меня ужасно!

Случилось так, что у общества «КИМ» не было «второго номера» для «торпеды-двойки», и Женя попросила меня как-нибудь «отсидеть» этот заезд – только ради общества «КИМ».

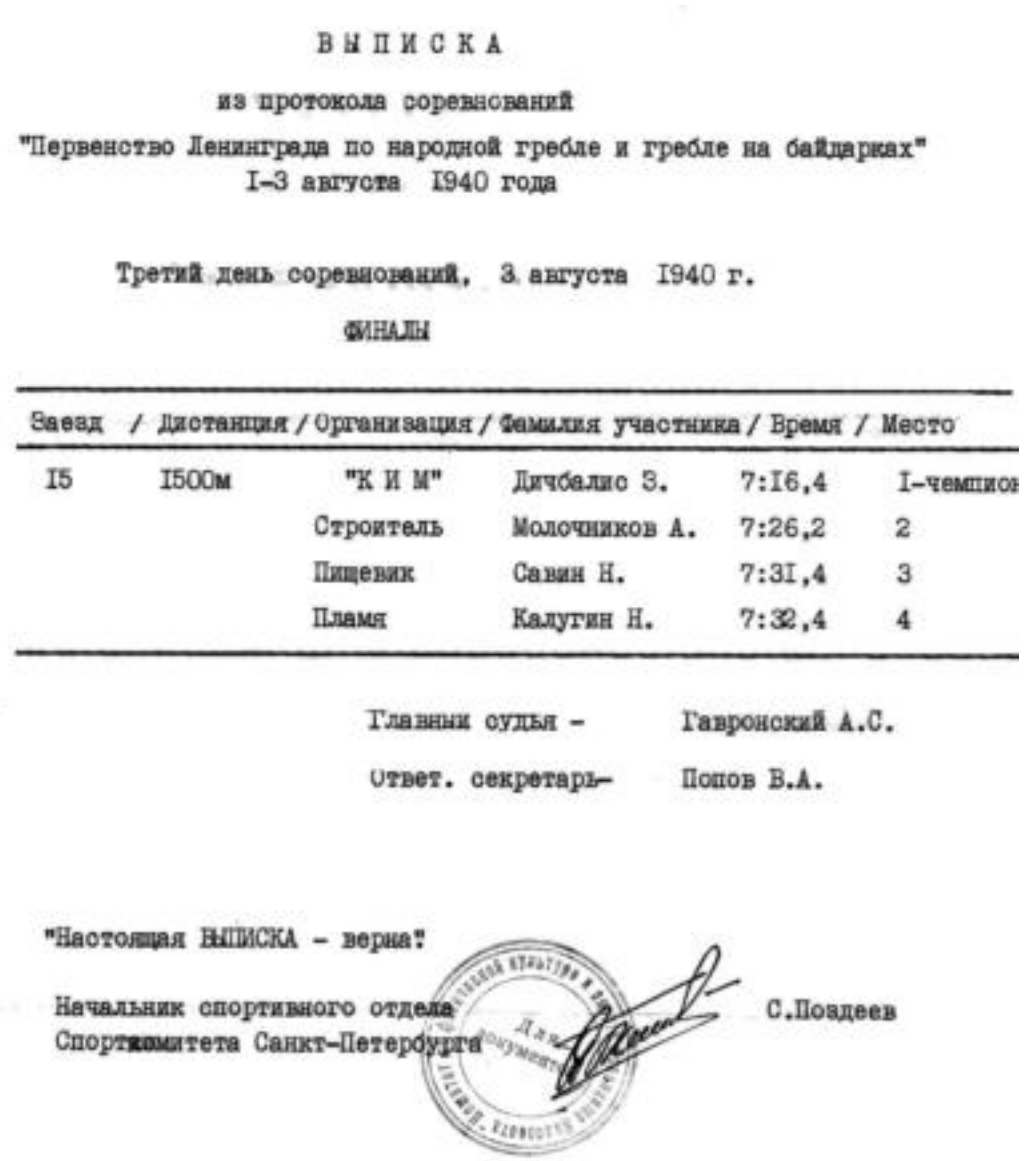
Моим напарником был здоровый парень по фамилии Паднас, и мы с ним выиграли заезд за 6 минут 59,2 секунды!

Но как только мы дошли до бона, мне надо было перелезть в мою «торпеду» и спешить на старт моего заезда! Усталый, догрёб я до стартовой линии, развернулся, и увидел, как поджидавший меня с нетерпением заезд рванулся и понёсся к линии финала на 1500 метров, у которой я уже был только час назад. Посмотрев на удаляющихся с каждым гребком мужчин-перворазрядников, у которых «кипела» вода под веслом, я загрустил. Но, вспомнив, как один из них успел перед стартом бросить мне в лицо полные сарказма слова: «Ну, посмотрим, как ты придешь без "поцелуя"», я стал загребать воду сделанным специально для меня веслом с широкими лопастями. Гребок за гребком, боясь сломать весло, догонял

я одного за другим ушедших вперед. Остался лишь один, перворазрядник Савин из общества «Пищевик». Он упорно не давал мне перегнать его. Осталось лишь одно – утомить его! Я «насел» на корму его «Торпеды» и не отпускал до последних ста метров. Потом рванул вперед и выиграл. Выиграл только на полсекунды, но выиграл!

Все остальные гонки сезона и личные первенства были моими победами. Об этом свидетельствуют находящиеся у меня на руках выписки из архивов спорткомитета Санкт-Петербурга – результаты соревнований на «Первенство Ленинграда по народной гребле и гребле на байдарках» 1939 и 1940 годов». Их достала для меня моя дорогая Женя, моя «вторая мама», которая не только тренировала меня, но и подкармливала бутербродами перед гонками, видя, что я живу только на булке хлеба и бутылке молока (а то и просто воды) в день.

Чтобы подчеркнуть этот период моих успехов на гребном «фронте», скажу ещё раз: за все время соревнований за эти два года, и в полуфиналах и в финалах, я ни разу не был на втором месте – всегда ПЕРВЫМ!



ВЫПИСКА

из протокола соревнований

"Первенство Ленинграда по народной гребле и гребле на байдарках"

I-3 августа I940 года

Третий день соревнований, 3 августа I940 г.

ФИНАЛЫ

Заезд	Дистанция	Организация	Фамилия участника	Время	Место
I5	I500м	"К И М"	Дичбалис З.	7:I6,4	I-чемпион
		Строитель	Молочников А.	7:26,2	2
		Пищевик	Савин Н.	7:3I,4	3
		Пламя	Калугин Н.	7:32,4	4

Главный судья – Гавронский А.С.

Ответ. секретарь – Попов В.А.

"Настоящая ВЫПИСКА – верна"

Начальник спортивного отдела Спорткомитета Санкт-Петербурга С.Поздеев

Выписка из Протокола соревнований на «Первенство Ленинграда по народной гребле и гребле на байдарках» от 03.08.1940 г.

На дистанции. Фото 1940 г.

Ну, конечно, не всё время проводил я на Малой Невке. Надо было и зарабатывать на жизнь и даж$ учиться – иногда. С помощью моих милых подруг по школе, помогавших мне подтянуться перед экзаменами, дополз я до выпускных экзаменов. Хоть и были мои отметки самыми низкими в классе, но школу я закончил.

Вспоминаю выпускной вечер и ночь после выпускного бала. Родителей у меня не было, родственников тоже. Танцевать с девушками я стеснялся – кроме шёлковой майки и спортивных рейтуз, в которых я выступал под аплодисменты присутствующих в начале этого вечера на сцене зала, на снарядах, вся моя одежда была поношенной. Мне было стыдно приглашать хорошо одетых девушек потанцевать. Недалеко от школы жил мой добрый и верный друг Володя Магалиф. Он был ещё в девятом классе и не присутствовал на выпускном вечере. Мы были почти одинакового роста, и мне пришло в голову попросить у него брюки на этот вечер, чтобы заменить мои, с заплатами.

Дошёл я до его дома, поднялся до квартиры, где он жил, но нажать на кнопку звонка решимости не хватало. Стыдно было как-то перед его родителями попрошайничать в такое позднее время ночи (было уже за одиннадцать). Так и вернулся я в залатанных брюках в школу и подождал, пока все собрались погулять по набережной Невы. Мы шли по Гороховой с песнями, с нами был и наш

«классный» Василий Васильевич Бакрылов (учитель математики). Белая ленинградская ночь и радостное молодое поколение, только что получившее на руки «путёвку в жизнь» – свидетельство об окончании школы. Это чувство может быть понятным только тем, кто сами испытали его...

«Мы разошлись, как в море корабли...» – так можно охарактеризовать мое расставание с классом. У каждого были свои дела, свои дороги в этой жизни, у меня тоже.

Я поступил в Морской техникум – учиться на штурмана дальнего плавания. Но уже вскоре, после нескольких недель, мне дали знать, что мой ответ: «Не знаю» – на вопрос в анкете, есть ли родственники за границей, исключает возможность какого-либо «дальнего» плавания. Каботажником быть меня не интересовало. Я оставил Морской техникум и, с помощью Жени, поступил в Институт имени Лесгафта, уже после начала занятий. Но и там я не долго выдержал. Подвела меня «стометровка». Сильный, но небольшой ростом, подходил я к линии финиша только после того, как остальные уже кончали «перекур». Не понравилось мне быть «последним», и я устроился учеником-обкатчиком на Ленинградский мотоциклетный завод.

РАБОТА НА ЛМЗ

Вот это была работа! Не только работа, а и вся жизнь на заводе! Во второй половине месяца прибывали долгожданные запасные части для мотоциклов марки «Л-8», которые мы собирали и обкатывали. Работа шла в три смены на сборке, а обкатчиков не хватало. Вот мы и спали в цеху, питались за счёт завода и обкатывали наши «Л-8» и днём, и ночью. Зимой, в овчинных шубах ниже ступни, садились мы в седло мотоцикла с уже заведённым мотором и выезжали для обкатки – сперва внутри завода на специальной площадке, а потом и на дороги. Мы были очень дружны, обкатчики помогали друг другу и с полевым ремонтом, и с запчастями, припрятанными для этой цели в карманах шубы или под седлом. Всё было лишь для того, чтобы выполнить месячный план и не отстать от других цехов. Я, как новенький, не был ещё посвящён во все «тайны» завода. Воровали ли другие запчасти и собирали ли себе мотоциклы, я не знал (и не знаю). Я сам не украл ни одной гайки или прокладки. Но это не знали в проходной завода, когда во время внезапного обыска при выезде на дорогу для обкатки очередного «Л-8» у меня нашли тряпочный сверток с какой-то мелочью (не помню, что там было), при-

вязанный прямо к баку. На мои объяснения, что это для возможного ремонта на дороге, здоровая, толстая баба в проходной заорала на меня, как на жулика. Я ответил ей той же монетой, и дело кончилось тем, что, вызвав кого-то, она отправила меня с докладной в отдел милиции на Дворцовой площади.

Передав меня, как преступника, в руки уголовного розыска, мой сопровождающий ушёл, и я остался сидеть на скамье в коридоре. Кажется мне, что тогда я не был объят страхом, только возмущением за то, что меня, невиновного ни в чём, привели в это место.

После какого-то времени вышел молодой ещё парень в гражданском и, выслушав меня тут же в коридоре, сказал мне, что он должен сделать обыск по месту жительства. Боже мой! Вот тут-то я и загрустил! Нет, не потому, что боялся обыска, а потому, что мне было стыдно, что все узнают о том, что меня обыскивали. Я взмолился ему не звать дворника в свидетели, а зайти в квартиру, как знакомый, и искать, что и где он захочет. Наверное, он понял мое состояние, и согласился. В моей комнате он, тщательно перевернув всё, и заглянув везде, не нашел ничего. В комнату с лежавшей бабушкой он только заглянул, написал записку, заклеил её в конверт, передал конверт мне и ушёл, успокоив меня, что всё будет в порядке. Вот как я чуть ли не получил «статью».

Казалось, что жизнь моя шла счастливым руслом. Молодость, интересная работа... Комсорг завода ставил меня в пример другим за мою преданность заводу и ударную работу. Эту бабу в проходной я больше не видел, и мне разрешали брать мотоцикл по выходным дням для специальной обкатки. Скоро у меня появилась подруга, Валя, с которой я ездил на Сиверскую к её бабушке. Во время этих поездок у нас были «передышки» в лесу по дороге домой. Тогда я впервые узнал, что такое женская ласка...

Дома, на Казанской, в углу моей комнаты жил студент какого-то института по фамилии Бурнос. У него были тоже друзья, и мы по договорённости ночевали в парках, когда одного из нас посещала подруга. Были у нас и интеллектуальные занятия. Мы много читали, и сидя перед печью-голландкой, часто обсуждали прочитанное вчетвером, потягивая кавказское вино не очень дорогого сорта, которое где-то доставал Бурнос.

1941 ГОД. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Наступило лето 1941 года.

Уже пару недель я подготавливал мой «Л-8» для гонок – к кроссу на стокилометровую дистанцию где-то под Ленинградом. Всё было проверенно, в особенности сцепление и тормозные колодки. Специальный запас презервативов – для изоляции карбюратора при прохождении через речушки на пути к финишу – был тоже не забыт. Всё обещало интересные соревнования. Надежды выиграть этот кросс у меня не было, я шёл только для опыта – моими соперниками были уж очень опытные гонщики.

В газете «Ленинградская правда» в номере от 22 июня 1941 года была помещена заметка следующего содержания:

Сегодня Ленинградский автомотовелоклуб устраивает интересное большое соревнование. Мотоциклисты примут участие в 100-километровом военизированном кроссе. Они должны будут 3 километра проехать в противогазах и поразить гранатами мишени. Старт и финиш кросса – примерно в 1 километре от железнодорожной станции Парголово. Начало в 11 часов утра.

22-го июня 1941 года. Мы стартуем по очереди, чтобы избежать столкновений на узкой тропе трассы гонок. То там, то тут обгоняю я других гонщиков, и, проехав уже почти четыре круга по 20 км каждый, иду к последнему, где нужно будет выжать всё, что можно, как из мотоцикла, так и из самого себя. Вдруг – отмашка флагом! Остановился я в недоумении перед группой людей на стартовой позиции и увидел всех, кто были впереди меня тоже среди толпы. В чём дело? Почему остановка?

Здесь нам объявили, что рано утром наша Родина подверглась коварному и неожиданному нападению со стороны гитлеровской Германии. Была отдана команда – срочно назад, на завод!

Вернувшись в Ленинград и сдав мотоциклы, я и ещё один парень из нашей группы пошли сразу в военкомат, чтобы записаться добровольцами для защиты Родины. Записав наши фамилии, нам велели прийти завтра опять для оформления и назначения в части.

Не помню, как мне спалось, но рано утром я уже был в приёмной военкомата, весь кипя от ярости против вероломного нападения фашистской армии.

Нас быстро зарегистрировали, пропустили через баню, наши личные вещи, включая комсомольские билеты и фотографии семей и родных, должны были отдать после бани. Но меня и ещё одного парня с нашего завода вызвали чуть ли не голыми, одели наспех в форму и предложили выбрать по мотоциклу из стоявших за оградой машин. Два командира связи ждали нашего выбора, и, как только мы завели моторы, нам приказали спешно ехать с этими командирами на заднем седле в расположение штаба части, находящейся в Финляндии. Мы не успели даже принять присягу!

Не могу вспомнить, была это 21-я или 27-я дивизия, но поздно ночью мы прибыли по назначению. Меня забрал к себе начальник штаба, а мой приятель по заводу попал к кому-то другому[2].

Без всякой передышки, не считая перекус с хлебом и водой, мне пришлось возить моего командира по холмам и дорогам Финляндии дня три безостановочно. Никто не обращал внимания на то, что я даже не умел отдать честь встречавшимся по дорогам командирам, все куда-то торопились. Вернувшись в штаб дивизии, мне удалось подкачать шины, пополнить масло и бензин и вздремнуть несколько часов. Я с горечью думал о том, как получить назад мой комсомольский билет и мои наручные часы, доставшиеся мне от моего деда по бабушке. Мне обещали навести справки, но это не было важнейшим в то время и гадать время приходилось по солнцу. Комсорг дивизии уверил меня, что билет будет в моих руках, как только он запросит его в военкомате, а теперь мне надо подумать о подаче заявления о приёме в кандидаты члена партии:

– Таким, как ты, надо подавать пример другим, – было сказано мне.

Ездил я по дорогам Финляндии от одного озера к другому, ходил в разведки, и подвозил всё – от приказов частям с ещё не налаженной связью и до пакетов первой медицинской помощи на один наблюдательный пост, устроенный на верхушке холма, куда попадали пули финских снайперов. Приходилось ездить и в тыл. Позволял я себе оставаться на несколько часов отдыха в местах, где «народное ополчение» рыло глубокие противотанковые рвы поперёк дорог. Бедные девушки и

---

[2] *В Приложении 2. приведены дополнения к этой главе воспоминаний автора, сделанные И.В.Бюлером, обкатчиком ЛМЗ.*

женщины, студентки вузов и технических училищ, копали, носили цементные блоки и сваренные рельсы. Всё это закапывалось на дне рва и должно было задержать враждебные танки. (Почему никто не подумал о том, как легко было объехать эти рвы со стороны?) Ни отдыха, ни подкрепления получить у этих замученных, голодных и холодных, в лохмотьях их собственной одежды, порою без обуви, работяг было нельзя. Я отдавал им те крохи, что были у меня в седле мотоцикла, как «неприкосновенный запас».

И вот однажды мой командир вызвал меня к себе и вручил мне конверт, адресованный начальнику штаба какой-то дивизии на Ленинградском фронте (вспомнить теперь не могу, так как мне не удалось достичь места назначения. Ну, об этом после).

Я должен был сопровождать грузовик с какими-то пакетами, завёрнутыми в плащ-палатки и крепко завязанными верёвкой. Ехать надо было через Ленинград, и у меня с шофёром было разрешение переночевать в городе на Неве.

Ехать пришлось нам несколько дней – то дорога разворочена, то бензина достать невозможно. В одном месте нас задержали, чуть ли не силой, заставив подвозить железнодорожные шпалы для бункера. Наконец, под вечер, остановил мой шофёр наш грузовик у парадного дома номер шесть по ул. Плеханова (б. Казанская), и я, расставшись с ним до утра, взбежал по лестнице на четвертый этаж, в квартиру 44.

В квартире было темно и холодно, была осень. Я встретил соседей по квартире – супругов Мессере. От них я узнал, что бабушка уже умерла и похоронена. Мария, та молодуха, смотревшая за ней, где-то копает окопы, а Мери Крих (немка по рождению) была арестована.

Я вышел на улицу, таща за собой мою винтовку, зашёл в подворотню следующего дома (№ 8) и постучал в дверь квартиры, где жила моя одноклассница Зоя Тимофеева. Это была чудная девушка с очень спокойным характером, в которую, как говорит песня, «все парни были влюблены...»

Позвал я её к себе, заварил чаю с помощью соседей и, поделившись с ними рыбными консервами, армейскими сухарями и сахаром из моего дорожного пайка, провёл всю ночь в разговорах с ними, а потом и с Зоей.

Наутро, услышав гудок машины внизу, расстался я с Зоей, договорившись встретиться с ней на фронте. Ни слёз, ни жалоб, ни вздохов, только возмущение и проклятья против напавшего на

нас врага, с полной уверенностью, что мы победим!

Должен сказать, что супруги Мессере в этих патриотических высказываниях не участвовали. Они ушли часов в двенадцать ночи, оставив нас с Зоей одних, продолжать нашу, абсолютно платоническую, встречу.

Грузовик с замаскированными фарами двинулся в путь. Опять, с многочисленными проверками, покрыли мы около двухсот километров пути и попали под ужасную бомбёжку в Новгороде.

Горели дома и избы, разбросанные обозы с развороченными телегами и машинами загораживали проезд. По обочинам дорог валялись туши убитых лошадей.

Налётов было несколько и, поставив грузовик под ветви плакучей ивы, шофёр и я разбежались по сторонам дороги. Он залез в железную трубу диаметром с полметра, а мне пришлось шлёпнуться наземь у стены бревенчатого дома.

Лежал я на спине и смотрел на пикирующие бомбардировщики с ненавистной свастикой по бокам. Можно высчитать угол падения бомбы, и, если по твоим расчётам, «вот эта может приземлиться близко», даже перекатиться или попробовать перебежать чуть в сторону. Ну, это, конечно, личная теория, а не по военному уставу.

Вот так оно и было, но не совсем! Чудовище в воздухе пикировало прямо на меня! Я смотрел на приближающее рыло «Штукаса» и вместо перебежки на другое место, просто «прилип» спиной к земле и затаил дыхание.

Ужасный взрыв, земля как бы сдвинулась подо мной, и в ушах зазвенело. Следующие бомбы падали за домом, у стены которого я лежал.

Через минуту или две, смахнув землю с лица и открыв глаза, я увидел, что лежу под куском стали, который врезался в стенку дома, а мои портянки на обеих голенях перерезаны и подпалены. Осколок бомбы срикошетил от большого плуга, стоявшего недалеко, и аккуратно проскользнул через обе мои ноги, застряв в стене. Сняв портянки, я обнаружил только по порезу кожи на каждой ноге. Кости были не тронуты! Повезло!

«Штукасы» улетели, и я пошёл искать шофёра и машину. В трубе его не было. Дальше по дороге слышался стон. Наверное, раненый! Подойдя ближе, я увидел лежащего поперек канавы уже немолодого красноармейца. Думая помочь, я нагнулся и увидел его развороченную спину. Я застыл на месте, не зная, что делать. Как его пере-

вязать, если у тебя в карманах только один бинт и всё остальное в грязи, а у него не осталось на спине ни кожи, ни рёбер. Он даже не стонал, а просто воздух выходил из его продырявленных лёгких. Я побежал искать шофёра. Найдя его у машины, вернулись мы назад к раненому. Но это был уже не раненый, а мёртвый! Шофёр поискал в карманах его документы; не найдя ничего, мы положили труп вдоль канавы и, засыпав беднягу землей, воткнули ломаную ветку с рогаткой. На ней мы укрепили его пилотку.

По разрытой бомбёжкой дороге, с тяжёлым сердцем и натянутыми нервами, поехали мы дальше. Благо, наш грузовик не пострадал...

Часть II. ИЗМЕННИКИ ИЛИ ПАТРИОТЫ?

Посвящается памяти того,
кто в его последние дни наказал нам:
«Если кто выживет, пусть расскажет о нас правду...»

Уважаемые читатели!

То, что изложено во 2-й части настоящей книги, не содержит каких-либо нравоучений. Я просто рассказываю о том, что произошло со мной, рассказываю без прикрас, преувеличений или искажений фактов. Я пытаюсь описать их со всеми подробностями, которые более полувека удалось сохранить в своей памяти.

Прошу не винить меня за некоторые неточности в датах, названиях мест и именах. Эти неточности были допущены с намерением сохранить инкогнито участников тех событий – некоторые из них еще, может быть, живы.

ОСЕНЬ 1941 ГОДА. Ленинградский фронт, где-то за Новгородом

В редком лесу, вокруг поляны, стояли машины медсанбата, к ним мы присоединились ещё вчера вечером. Наш грузовик стоял под высокой сосной недалеко от дороги, с которой мы свернули, доехав уже в темноте до этой санитарной части. Поднимался туман. То там, то здесь из палаток выходили, съёжившись, люди с полотенцами в руках и исчезали за построенным на скорую руку, из хвойного молодняка, забором, окружавшим полевые туалеты и умывальники.

Разбудив водителя, я вылез из кабины, чтобы размять затекшие от неудобного положения ноги. Заметив, что с дороги, а, следовательно, и с воздуха, наш грузовик легко заметить, я начал маскировать его ветками. Через четверть часа только

тщательный взгляд смог бы отличить от окружавшей зелёной хвои наш транспорт, служивший нам также и спальней, и складом провианта, состоявшего из двух ящиков сгущённого молока. Мы подобрали их вчера под Новгородом, проезжая там после бомбёжки города немцами. Мы, благодаря судьбу за такое везение, вскрыли банки штыком и утолили чувство голода, высасывая густую сладкую смесь через штыковые прорезы. Но после повторения процедуры через пару часов, мы стали жалеть, что вместо сгущёнки нам в руки не попала буханка хлеба.

Вот и сейчас наши глаза завистливо смотрели на замечательные, светло-коричневые сухари в руках проходившей мимо сестры медсанбата.

– Девушка! – услышал я не совсем строевое обращение шофёра-запасника из-за моей спины. – Тебе сладенького охота?»

В ответ на брошенный в его направлении сердитый взгляд он поскорее добавил:

– Нет, правда, у нас есть сгущёнка, а вот хлебушка нету, так вот, можем и поменяться.

В результате через пять минут мы жевали размоченные сухари, за которые мы с удовольствием вручили сестре две банки сгущёнки, от одного вида которой нам становилось тошно.

Ну, зачем мы ей это молоко предложили?! Уже прошло столько лет – более полувека, а всё ещё мне больно вспоминать ту сделку. Эта сгущёнка, должно быть, понравилась то ли ей, то ли её друзьям, так как в обеденный час она опять подошла к нашей машине, но на этот раз – с косынкой, наполненной не только сухарями, а и такими яствами, как свежий чёрный хлеб и вобла. Шофёр, хозяин нашего продовольствия, ушёл в штаб медсанбата и мог вернуться каждую минуту. Я предложил сестре залезть в кабинку и подождать его.

Буквально в тот самый момент завыл сигнал воздушной тревоги. С чистой совестью, зная, что машина хорошо замаскирована, мы продолжали сидеть, болтая на разные темы. Вдруг один за другим завыли пикирующие «Штукасы», и земля затряслась от взрывов. Инстинктивно каждый из нас выскочил из кабины, стремясь прижаться к земле под укрытие кузова. Взрывы раздавались со всех сторон, и с душой в пятках я почувствовал, как наш грузовик вздрогнул, словно от удара. «Вот это было близко», – подумал я и под рёв удаляющихся моторов поднял голову. Готовый ко второму налёту я вскочил и заглянул по ту сторону машины, чтобы проверить ветки, маски-

ровавшие борта грузовика. О, Боже! Перед моими глазами была сестра, не помню уже, как её звали, как бы приколотая к ободу колеса длинным осколком разорвавшейся вблизи бомбы. Не соображая, что делаю, я ухватился за этот осколок, стараясь освободить тело бедной девушки, нашедшей такую ужасную кончину, но только обжёг себе ладони о горячее железо. Обернувшись, я увидел несколько лиц, застывших в ужасе от раскрывшейся пред ними картины. Как в трансе, с чувством полной беспомощности, я отошёл... Забыть ту сцену невозможно...

Оставшись без машины, нам не осталось ничего другого, как искать нашу часть пешком, что затруднялось несоответствием путёвки, выданной на машину, на шофёра и связного. Её выдали нам в штабе дивизии ещё на финском фронте для переброски инвентаря дивизиона на Ленинградский фронт. Отремонтировать грузовик нам не удалось, так как это была не армейская машина, а мобилизованная ещё в первые дни войны гражданская. Частей в медсанбате не было даже для ремонта своих повреждённых единиц техники.

Погода ещё держалась. Наш предстоящий поход к фронту для встречи с дивизией выглядел беспрепятственным. Но не тут-то было. Был ранен водитель полевой кухни медсанбата, и мой приятель шофёр был посажен за руль, а мне пришлось отправиться в путь одному.

Точной линии фронта в эти дни не было ни на одной карте, так как она менялась не только по дням, но и по часам и даже минутам. Это было начало осени 1941 года.

Линия обороны зияла прорехами. Немецкие войска наступали, и в плен к немцам переходили целые подразделения и части – роты и полки, наспех сформированные в начале войны из уже немолодых солдат запаса. Многим до этого уже довелось испытать на себе ужасы сталинского режима.

Через два дня мне, добровольцу, полному патриотизма и верности к стране, партии и народу, пришлось столкнуться с этим массовым движением людей, надеющихся, что немецкая армия освободит их от коммунизма. Они переходили на сторону наступающего Вермахта без единого выстрела. Это была для меня жуткая действительность, понять которую я смог только много позже.

Штаба своей части мне так и не удалось найти. Я присоединился к какой-то стрелковой роте уже поздно ночью, с намерением утром доложить ко-

му следует о судьбе грузовика, шофёра и связного, то есть, меня. Нужно было также отдать какие-то бумаги в запечатанном конверте, почти распавшимся от пота в кармане моей гимнастёрки. Усталый и голодный я заснул мёртвым сном в углу крытого окопа, стены которого были обложены соломой.

На рассвете, дрожа от утренней прохлады и осевшего тумана, мне послышалось оживлённое шушуканье по окопу. И перед тем, как мне удалось совсем проснуться и открыть глаза, я почувствовал как моя винтовка зажатая, как обычно во время сна, между колен, зашевелилась, и я услышал довольно добродушный голос: «Эй, паренек, ты что? Спать на фронт приехал? Проснись!»

В окопе было ещё темновато, но приятное лицо уже не молодого командира подразделения, с доброй жалостливой улыбкой, осталось в моей памяти навсегда. Он сказал, что передовые посты доложили о приближающейся цепи немецких солдат. Уже ночью большинство роты, державшей этот участок, условилось сдаться без боя – ведь остановить немцев нельзя, да и зачем? Они сразу же освободят нас и дадут возможность нам бороться против сталинского режима и коммунизма. Командир подразделения предложил и мне уничтожить комсомольский билет, если он у меня есть, и ждать немцев или уйти, пока не поздно. Насиловать меня они не хотят. Для рассуждений на политтему времени не было. На моё первое движение взять винтовку в руки был получен короткий, но резкий окрик:

– Оставь! А то ещё начнёшь стрелять, и нас накроют миномётами.

Мне и в голову не приходило поблагодарить этого человека за его честный поступок в отношении моей судьбы, я кипел злобой за оскорбление, нанесённое предателем красноармейской чести и долга и всеми изменниками этой роты, молча слушавших его слова, обращённые ко мне.

Вылезти из окопа было нетрудно. Как только я увидел приближающиеся без единого выстрела фигуры в немецкой форме, то понял, что раздумывать некогда, и, прижимаясь к холодной земле под прикрытием ещё державшихся клочьев тумана, пополз к видневшимся кустам, невзирая на царапины, росу и срубленные деревья, через которые нельзя было перелезать, и приходилось их огибать ползком, чтобы не заметили.

Так я дополз до кустов, где смог обернуться. Немцы уже дошли до окопавшейся роты и без единого выстрела заняли рубеж оборонительной

линии. Выходившие с поднятыми руками красноармейцы были построены в три шеренги и под охраной отправлены в тыл. Эта задержка в их наступлении позволила мне проползти до следующего, более густого, кустарника, под прикрытием которого короткими перебежками мне удалось добраться до леска, утолить голод какими-то ягодами и обдумать только что случившееся.

Перед этим до меня доходили слухи о массовых переходах частей Красной Армии без боя к немцам. В большинстве случаев о наших солдатах, переходивших в плен добровольно или только после короткого сопротивления, говорилось лишь намёком, и сохрани Бог того, кто был схвачен за распространение слухов! Это обсуждалось лишь с глазу на глаз между друзьями. И вот сегодня я сам был не только опозорен потерей оружия, но и собственными глазами был свидетелем этого позорного факта. Должен я сказать о том, что слышал и видел? Кому доложить? Что будет со мной после моего правдивого рассказа? В моём сознании зашевелились какие-то сомнения в собственной безопасности – как личности, ставшей свидетелем до сих пор скрываемого факта, хоть и происходившего на деле. Судьба моя избавила меня от принятия какого-либо решения.

Боязнь попасть к немцам, да вдобавок и голодный желудок принудили меня искать своих. Но где? Впереди раздавались выстрелы, слева шёл миномётный обстрел, наступающие немцы могли оказаться рядом. Я начал заходить глубже в начинающийся лес. Ни компаса, ни часов у меня не было, и только по солнцу можно было примерно определить, где восток и где запад. Выбрав восточное направление как более безопасное, я шёл и шёл, подбирая попадающиеся ягоды. Стыдясь своего «бесчестия», я все ещё возмущался происшедшим в окопах.

Кусты, корни, пни и поваленные стволы деревьев затрудняли ходьбу, к тому же я потерял выбранное направление из-за посеревшего неба. Уже к сумеркам удалось выйти на какую-то дорогу, где повстречавшийся связист на велосипеде с испугом в глазах ответил на мой вопрос, где мы находимся:

– Нас окружают, но штаб полка находится в следующей деревне, в школе, если поспешишь, то застанешь наших там.

Несмотря на усталость, я зашагал так быстро, как мог, и примерно через полчаса подошёл к деревне, встретившей меня силуэтами изб. Было тихо, только где-то вдали трещал мотоцикл. Как

и объяснил мне связист, «четвёртое по правой стороне строение» оказалось школой. В окнах мелькал свет то ли от свечи, то ли от карманного фонарика. В кустах смородины стоял мотоцикл.

Перед тем как постучать или открыть дверь, я заглянул в окно. На фоне пламени свечи я увидел силуэты в касках и непромокаемых плащах – форма немецких мотоциклистов-разведчиков. Сообразив, что я попал в школу, уже занятую немцами, я ринулся в кусты смородины. Очевидно, за мной все это время наблюдали, так как я услышал окрик: «Хальт!» Затем последовала короткая очередь из автомата, и, когда я уже достиг кустов, раздался взрыв гранаты. Это была граната-бутылка (не осколочная).

В ПЛЕНУ

Я пришёл в себя в сарае, служившем как место сбора раненых командиров Красной Армии, в судьбе которых немецкое командование имело какой-то интерес. Но чем был интересен я? Вот тут-то мне и пришлось благодарить судьбу за конверт в кармане моей гимнастёрки.

Как только караульный солдат заметил, что я очнулся, он подошёл ко мне и стал задавать вопросы на ломаном немецком: «Иван! Ду нихт шлафен? Ду шпрехен дойч?» Лежавший со мной рядом на земле и под той же плащ-палаткой капитан инженерных войск, притворяясь, что он переводит мне вопросы караульного, сказал мне, что немцы проверяли моё состояние три дня подряд и по несколько раз в день. «Что ты за шишка?» – спросил он меня.

Мне принесли ведро воды, объяснив, что это – чтобы напиться и умыться. Слабость была ужасная, но силы постепенно возвращались ко мне. После того как умылся, я получил два ломтика «комисброта» – чёрного солдатского хлеба. Левая сторона моего лица вспухла, она была испещрена песком, порохом, кусочками земли и листьев. Несколько листиков даже застряли у меня между шеей и воротником, вот почему я знаю, что это кусты смородины спасли меня от пули.

Часа через два ко мне подошёл немецкий офицер, он спросил меня на хорошем русском языке, как я себя чувствую. Я ответил, что очень холодно и голодно. На это последовало приглашение следовать за ним. Мы вошли в помещение бывшего деревенского клуба, мне предложили сесть на скамью и дали кружку горячего чая и ещё несколько ломтиков «комисброта». Хлеб был проглочен мной без задержки, но горячий чай из

эмалированной кружки переливался по капле в мой пустой желудок, и каждый глоток был просто эликсиром жизни. Последние капли пришлось допить второпях – тот же самый офицер через открытую дверь поманил меня пальцем. Войдя в комнату, выглядевшую как контора с тремя столами, пишущими машинками, полевыми телефонами и ворохом папок с бумагами, не только на столах, но и на полу, я оказался перед молодым, в форме капитана, офицером. Сбоку стоял уже знакомый мне офицер-переводчик. «Откуда у вас оказались эти бумаги?» – спросил он, показывая на протёртый измятый конверт, лежавший в моем кармане ещё с финского фронта.

Вручил его мне начальник штаба стрелковой дивизии, которого я в качестве связного возил на мотоцикле по холмистым финским дорогам до тех пор, пока под весом его огромной фигуры не полетело сцепление. Я, как мог, сам отремонтировал диски. После этого его уважение ко мне сразу выросло: «Молодец Сашка, если б все так справлялись со своими обязанностями, как ты, мы бы фрицев уже прогнали назад». Но не долго пришлось мне возить его по финляндской земле ~ нашу часть, одно подразделение за другим, начали переводить на Ленинградский фронт. Мотоцикл остался у начштаба, а меня прикрепили к шофёру «Газика» наполненного документами дивизии с приказом сдать их по адресу в Ленинграде. А конверт, спасший мою жизнь, был доверен мне с наказом передать его в штаб стрелкового полка, к которому мы – шофёр, я и «Газик» – были откомандированы.

Я постарался как-нибудь выкрутиться, не нарушая военной тайны. «Ах, конверт», – сказал я, как бы припоминая, – да, его я получил от раненого товарища с просьбой доставить в штаб части, помещавшийся в той школе, где меня контузило». «Я думаю, он врёт», – сказал по-немецки переводчик. Поняв, что дело дрянь, я заговорил на моем школьном немецком языке. В старших классах десятилетки кроме официальных уроков немецкого я получал ещё (против своей воли) и неофициальные частные уроки от нашей соседки по квартире. Она преподавала немецкий язык в одном из институтов Ленинграда и, будучи немкой, старалась привить мне любовь к её родному языку, в особенности, после смерти моей матери. Спасибо, госпожа Крих! Вы спасли многократно мою жизнь, не зная того, а сами погибли в осаж-

дённом Ленинграде. Но это уже другая история, вернёмся к допросу.

Мое объяснение на немецком языке могло быть сочтено за дерзость, но капитан слушал меня внимательно – может быть, от неожиданности, Говоря медленно, подбирая немецкие слова, мне удалось убедить его, что это правда. Смешивая действительно произошедшие со мной события, вроде бомбёжки медсанбата, с выдумкой, пришедшей мне на ум, я вывернулся из ситуации. Я убедил ведущего допрос офицера, что я ничего не знающий солдат, потерявшийся во время переброски из Финляндии вместе с товарищем, передавшим мне этот конверт. А вот на вопрос, могу ли я расшифровать зашифрованные строчки, я действительно сказал правду, что шифр мне не известен.

Поговорив со мною ещё несколько минут, капитан дал знать переводчику, что я больше не нужен. Меня вывели из теплой комнаты опять в сарай с ранеными командирами Красной Армии. Этот сарай по сравнению с условиями, в которые я попал потом, мог бы показаться гостиницей со всеми удобствами. Мне повезло получить котелок баланды с картошкой и кусок свежеиспечённого хлеба. Следующие четыре дня в мой желудок не попало ничего, кроме дождевой воды из луж.

После почти свободной прогулки с разговорчивым конвоиром, я очутился в толпе наших военнопленных, попавших к немцам на этом участке фронта. Прямо под открытым небом, под моросившим дождем, без пищи или воды, пленные топтались с ноги на ногу, чтобы как-нибудь согреться. Знакомых среди них у меня не было и, не вступая в разговоры, я только прислушивался, к тому, что говорят.

Большинство говоривших старались заявить себя поклонниками немецкой армии (или и были таковыми).

– Ну, надо понять, что немцы не были подготовлены к приёму такого количества пленных, – успокаивали одни.

– Вот подождите день или два, и нас поместят в лучшие условия, накормят, напоят и предложат вступить в отряды для борьбы против Сталина, – уверенно говорили другие.

Звучали мнения, что нас пошлют убирать оставшийся на полях урожай, доверят восстанавливать разрушенный тыл, пошлют строить избы, сгоревшие при отступлении Красной Армии, что-

бы встретить ушедшее или угнанное население, так как конец войны не за горами.

Все эти надежды исходили от пленных крестьянского происхождения. Пленные из более интеллигентной прослойки, которые выделялись своими сорванными знаками различия, молчали, и на их лицах было выражено недоумение, тревога и недоверие к соседям и слева, и справа – у каждого по его собственным соображениям.

Нас проверяли несколько раз, искали командиров – политруков, коммунистов, евреев. Отобрали все документы, оставшиеся у пленных, и загнали в сарай без возможности отправить естественные надобности. На следующее утро, построившись в непривычную колонну по три, голодные, холодные и мокрые от моросившего дождя, мы отправились в западном направлении. Кто с радостью, кто с недоумением, а кто и просто с каким-то бессилием понять, куда он попал.

Вот уже третий день, как мы под конвоем шли в тыл германской армии. Моя попытка в первый день нашего марша притвориться больным с целью как-нибудь отстать и попытаться убежать чуть не окончилась плачевно для меня. Меня спасло то, что я смог объясниться с конвоиром по-немецки, и удивив его звуком языка его предков, исходившим от «унтерменша», мне удалось предотвратить исполнение его намерения, ставшего мне понятным после того, как он приказал мне:

– *Mitgehen, oder kaputt*! (Иди со всеми, или тебе конец!) – и щёлкнул затвором винтовки.

Не хочется вспоминать, в каких условиях находились несколько сот бывших красноармейцев, попавших в плен – кто по убеждению, кто по своей наивности, кто по судьбе – как случилось со мной. Без какой-либо пищи и практически без воды (лишь иногда удавалось из попадавшихся на пути луж почерпнуть несколько глотков мутной, грязной, но всё же воды) дошли мы до какой-то деревушки. Примерно в метрах 500–600 от неё стояла свежесрубленная изба с дежурной охраной. За двумя рядами заграждений из колючей проволоки ходила, сидела или лежала на сырой земле, в грязи тысячная масса людей, абсолютно не напоминавших мне моих фронтовых товарищей, с которыми я был вместе всего неделю назад.

Построенные в колонну по три, мы опять прошли проверку численности. Ребятам с горбинкой на носу или тёмными курчавыми волосами пришлось ответить на вопрос: «*Bist du Jude*?» (Ты

еврей?) Один из них, уже не молодой, глядя в глаза спрашивающего унтера, с улыбкой на лице разразился таким многоэтажным матом, что у стоявших рядом просто захватило дух. Судьба привела мне стоять вблизи, и наш конвоир, вспомнив, что я говорю по-немецки, поманил меня пальцем и спросил:

– *Was hat er gesagt*? (Что он сказал?)

Я повторил этот вопрос стоявшему с невинным лицом грузина, а то и еврея, человеку. С невозмутимым видом, улыбаясь, но без заискивания, он ответил мне:

– Переводи, как хочешь.

Мой перевод не сделал бы чести моему знанию немецкого языка. Я объяснил унтеру, что этот человек был очень оскорблён таким не подходящим к его особе вопросом, и он извиняется за свою болтовню. Унтер стал продолжать проверку без всякой реакции, но с этого дня меня иногда вызывали как переводчика, что и помогло мне выжить.

Промокшая, голодная, теряющая человеческий облик масса людей, сразу окружила нас с вопросами: «Есть покурить?», «Откудова?», «Кто из 21-ой?» «Есть ленинградцы?» и т.д. и т.п. Было уже под вечер и, так как кормили или утром или в обед, нам ничего не осталось, как оглядеться и найти место, где можно будет прилечь, присесть или, по крайней мере, попасть под навес на ночь. Посреди окружённой колючей проволокой площадки были два барака без стен, только с крышами. Две трети людской массы уже собрались под ними, а остальным, и нам – новоприбывшим, надо было как-то защитить себя от дождя и проникающего ветра. У многих были плащ-палатки и мы, разделившись на группы человека по четыре, подстеливши одну и укрывшись другими, как-то провели эту первую ночь в полусонном состоянии. Утром, чуть свет, мы были на ногах, приводя в действие окоченевшие конечности. У каждого, так мне казалось, на уме было только одно – когда дадут что-либо поесть?

Часам к одиннадцати, какие-то «командиры» из нашей же среды, построили нас снова в три шеренги. Дул холодный ветер, но небо прояснилось и, если бы не чувство голода, можно было терпеть. Мы, новички, уже знали – дадут хлеба и баланды. И действительно, около полудня в ворота лагеря въехала телега, нагруженная буханками хлеба, за ней вторая и третья. Проезжая мимо шеренги, сидевший на возу «повар» бросал буханку стоявшему в первой линии и тот, под го-

лодными взглядами стоявших во второй и третьей, делил её на три равные, насколько было возможно без ножа, части. Один из нас поворачивался спиной и говорил державшему хлеб: «Тебе», «Мне» или «Ему». Таким образом, каждый мог обвинять только судьбу, если ему не досталась та горбушка, которую он присмотрел первоначально. Такое «усиленное» питание продолжалось всего лишь несколько дней.

Всё больше и больше пленных прибывало каждодневно, и лагерная буханка не только стала делиться на четверых, а потом и на шестерых, но и качеством она перестала напоминать хлеб, а стала походить на смесь мелко нарезанной соломы и жмыха. Бывали дни, а то и пара дней подряд, когда и этого «хлеба» не было. К полудню привозили два котла, литров по 500 каждый, с жижей мутного цвета – то ли отвар картофельной шелухи, то ли остатки с армейской кухни, так разбавленные водой, что было невозможно установить происхождение содержимого ни по вкусу, ни по запаху.

Эту баланду переливали в несколько котлов меньшего объёма, причём вооружённый охранник держал всю толпу пленных на почтительном расстоянии от этих котлов с похлёбкой. Но как только повозка, привезшая эту муть, вместе с конвоиром скрывалась за воротами, ждавшая масса голодных людей бросалась к котлам и каждый, кто чем мог, старался почерпнуть что погуще. Что тут происходило, описать невозможно. Только видевший это нечеловеческое проявление чувств изголодавшейся массы, потерявшей чувство приличия, чести и разума от запаха горячей бурды, только тот никогда не забудет крики и стон ошпаренных, перевёрнутые котлы, затоптанных до полусмерти людей, а то и оставшиеся на этом «поле брани» тела затоптанных насмерть – после того, как обезумевшая толпа расходилась с пустыми котелкам, банками и животами.

Так продолжалось до того дня, когда мне удалось выйти за колючую проволоку, окружающую этот ад, о котором даже Данте не имел понятия. Что было дальше с оставшимися там умирающими от голода, полуживыми, еле двигающимися людьми, я знаю только по рассказам. От нескольких тысяч пленных осталась только треть. То были люди или только что прибывшие или, как я, у которых было написано на роду умереть другим образом и в другом месте.

Мои способности переводить с немецкого на русский и обратно давали мне возможность не

участвовать в «битвах» за баланду. Раза два, а то и чаще в неделю, дежурный немец из караульного подразделения заявлял первому попавшемуся на глаза пленному позвать «Иван дер дойч шприхт». По лагерю неслось: «Переводчи-и-ик!..»

Было ещё несколько ребят, говоривших по-немецки, и первый, кому удавалось быть на месте, докладывал о прибытии. Мне часто поручали подобрать одного, двух, а то и несколько человек, не только в состоянии держаться на ногах, но и имевших специальность сапожника или плотника, а то и портного или ювелира. Первый раз это был портной. Его увели в деревню, но вскоре пришли и за мной, так как договориться с «мастером» было невозможно. Меня привели в избу, где на нескольких столах был разостлан цветной материал, и стоял мой портной с ножницами.

Дело было в том, что он никак не мог понять, чего хотят немцы. А им понадобился костюм «Деда Мороза», скроенный по-немецки, конечно. Вот тут-то и понадобился переводчик. Заметив, что мой портной еле-еле жив, и по его словам, у него «в глазах темно, а они, сукины дети, хотят какие-то финтифлюшки вышивать», я объяснил работодателям, что он очень голодный и не может схватить все детали. Кусок хлеба и стакан воды помогут восстановить его силы, и задание будет выполнено к удовлетворению всех и каждого.

К моему удивлению, вместо ругани или пинков мы оба увидели перед собой хлеб с маслом, какие-то консервы, два кусочка колбасы и ... кофе, да, каждый получил по кружке сладкого кофе. Я уговорил портного кушать понемногу и с приличием, на какое мы ещё были способны, во-первых, чтобы не заболеть, во-вторых, чтобы не производить впечатления диких животных.

Костюм «Санкт Николауса» был почти готов, когда настало время сдать нас обратно в лагерь под охрану. Солдаты были очень довольны прогрессом шитья, опять подкормили нас, и велели нам быть у ворот завтра утром опять.

Портной не хотел расставаться со мной на ночь, дабы не потерять меня. У него была плащ-палатка, как и моя уже в клочьях, но всё же какое-то укрытие от ветра и снега. Мы оба, сжавшись в комок, задремали в ожидании завтрашнего дня и опять какой-то еды. Около полуночи мы оба проснулись от колик в желудке, нас распирало, как будто нас накачивали воздухом, словно резиновую автомобильную камеру. Кое-как уда-

лось нам дожить до утра и быть у ворот без опоздания. Костюм Деда Мороза был закончен, нас привели назад в лагерь после хорошего обеда. У моего сотоварища в кармане был большой кусок варёного мяса, а у меня в руках – двухлитровая банка с густым рагу. Вот как жили мы эти два дня!

С портным я расстался, пришлось расстаться и с рагу. Есть я уже не мог, вспоминая прошлую ночь, а сохранить его до завтра среди умирающих от голода людей – было не в моих силах. Я отдал всю банку моим друзьям, с которыми делил плащ-палатки по ночам. Не каждый раз удавалось так накормиться, но всегда, когда мне с помощью немецкого языка удавалось попасть за проволоку в качестве «часовых дел мастера», «точильщика ножей и ножниц» и т.п., мне удавалось сперва съесть что-нибудь, а потом отговориться от выполнения работы, к которой я был не способен. Простой немецкий солдат не был зверем и с удовольствием вступал в разговор на своем языке.

Ноябрь 1941 года. Погода жалеет пленных: дожди, снег, но сильных морозов нет. Немецкая армия под Ленинградом. Настроение у солдат-тыловиков хорошее. Спрос на «специалистов» понизился, и мы вымираем постепенно, но определённо. Однажды в лагерь привезли массу подгнивших овощей, смешанных с какой-то жижей. Весьма вероятно, что эта масса была результатом крушения машины с продовольствием где-то неподалёку, и кто-то распорядился привезти все это к нам в лагерь и разгрузить лопатами прямо на землю посреди лагерной площадки. Голодные люди, как муравьи, разобрали всю кучу – так что на следующий день не осталось и следа.

Началась дизентерия!

Лагерная уборная, – длинная яма с перекинутыми брёвнами – не могла вместить всех нуждавшихся в облегчении. Люди, сидевшие часами на корточках на бревнах, выглядели как мишени на ярмарках, по которым идёт стрельба. То там, то здесь, потеряв равновесие, обессиленные несчастные падали в яму, из которой можно было вылезти только с помощью товарищей и с трудом. По ночам иногда раздавались нечеловеческие вопли, затихавшие после того, как полузамёрзшая жижа засасывала ещё живую душу под свою поверхность. Через дня два кто-то из немцев распорядился сколотить две лестницы, которые были опущены в яму, но утопления в испражнениях продолжались.

Не все самоотверженно спасали жизни тонувших в яме. Были и другие случаи. Среди нас были и подлецы, за корку хлеба доносившие немцам о присутствии командиров, политработников или евреев в лагере. И вот одного такого, пойманного с поличным, когда он привёл конвоира охраны и указал на молодого парня, которого вывели за ограду, и тот больше не вернулся, окружили друзья пропавшего. Доносчика спросили, что и почему, а потом, подобрав подходящий момент, втолкнули в эту яму и, чтобы заглушить его крики о помощи, целые полчаса пели «Катюшу» и другие песни – к огромному удивлению часовых на вахте.

Дела пошли из рук вон плохо, холодало, и так много умирало от голода, что каждый день в лагерь заезжала кобыла, запряженная в сани, и вооружённый солдат приказывал четырём попавшимся первыми на глаза пленным, наваливать там и тут лежавшие трупы на сани. Их вывозили за ограду и сбрасывали в специально вырытую общую яму-могилу. Случалось, что среди наваленных тел двигалась ещё рука или нога, но никто не проверял, жив ли ещё человек. Сани опрокидывались, и снег запорашивал и мёртвых, и ещё живых.

Силы начали покидать и меня. Помню, был ясный день; облокотившись на столб навеса, я почувствовал, как вместе с холодом в меня вкрадывается и чувство безнадёжности. Я взглянул на голубое небо и вспомнил мою мать. «Эх, мама, выручай!» – вот так просто вырвалось у меня.

Чтобы не поддаться желанию лечь и задремать, а это было бы моим концом, я почему-то побрёл к лагерным воротам.

– «*So, gut! Ich brauche dich!*» (Ты мне как раз нужен!) – встретил меня голос унтера охраны. Он поручил мне выбрать двадцать человек – самых крепких.

Как мне удалось набрать двадцать человек из массы полуживых людей, я объяснить не могу. Мы влезли с нашими котелками, ложками, палатками, пустыми банками и прочим скарбом в подошедшую грузовую машину, спрашивая друг друга, куда мы поедем. Везли нас часа три и выгрузили перед воротами совсем маленького лагеря, только выстроенного.

Внутри было строение, где помещалась кухня, место для умывания и комната, в которой жили повар с обезображенным взрывом лицом – здоровенный детина, матрос в прошлом, судя по его тельняшке, и интеллигентно выглядевший моло-

дой парень в немецкой куртке, но без знаков различия. Это был бывший студент-ленинградец, теперь – наш «начальник».

Это было «Управление» нашего нового лагеря, в котором уже помещалась «Лесная команда» из прибывших ранее военнопленных, занимавшихся заготовкой дров для отопления штаба 18-й армии Вермахта, размещенного в здании бывшего туберкулезного санатория недалеко от станции Сиверская.

Почти рядом с кухней стоял барак длиной метров 60. В нем помещались человек 30 пленных, одетых во всевозможные одежды, но выглядевших в других отношениях нормально. Нам показали на левую сторону барака, где на цементном полу была наложена солома, и оставили нас самих разбираться, – кто, где и как устроится.

На нашей половине была выложена печурка, покрытая толстой железной плитой. Вскоре в этом камине запылал огонь, благо дрова были рядом, и наша группа начала буквально оттаивать. Через короткое время в барак вошло «Управление», которое, весьма по-человечески представилось нам. Как всегда, раздавались вопросы: «Откуда?», «Где попал в плен?» и т. п.

Вскоре появившийся повар предложил идти в кухню получать продовольствие. Было сказано, что нам полагается буханка на двоих, но, принимая во внимание наше истощение, сегодня мы получим только треть пайка и чаю с сахаром. Мы не могли поверить до тех пор, пока не съели эту дольку, запивая её подслащенной жидкостью, действительно похожей на чай. Становилось темно, и мы, зарывшись в солому, разморившись в сравнительной теплоте, заснули как убитые.

В семь утра, при всё ещё горевшей печурке, мы закусывали уже полным пайком, только вместо чая запивали его немецким эрзац-кофе. Наши соседи по бараку, бывшие здесь уже до нас, уходили строем на работу, под протяжное: «*Lo-o-os, lo-o-os!*» (давай, давай!). Нам было приказано растопить печку так, чтобы железная плита была бы красной, греть воду в вёдрах и посередине барака, бывшего свинарника или хлева, устроить что-то вроде бани. И вот мы мылись, даже с мылом, прожаривали вшей и не верили в случившуюся с нами перемену.

Мы провели в бараке на полном пайке целых четыре дня, устраивая, кто как мог, своё логово с помощью досок, предназначенных для топлива, отгораживаясь от соседей. Большинство разби-

лись на партии по два, три, четыре. Эти группы имели что-то общее – или по месту жительства, или по взглядам, или происхождению. Теперь, когда первая мысль – утолить голод – отошла на второй план, людям понадобилась и духовная поддержка земляка или единомышленника.

В понедельник нас разбили на рабочие группы. Самых крепких – в лес, тех, что послабее, – в деревню на работы по обслуживанию расквартированных там немцев, доходяг оставили подметать двор, барак, помогать на кухне. Я угодил в группу лесорубов. Роста я среднего, широк в плечах, и многолетняя спортивная тренировка сказалась в том, что я выглядел наиболее подходящим занять место подрубщика, только что угодившего под неожиданно упавший ствол спиленного дерева. Моя задача заключалась в подрубке ствола с противоположной пиле стороны, чтобы обеспечить падение ствола без отдачи назад. Двое здоровенных немцев управляли огромной двуручной моторной пилою, резавшей ствол с такой скоростью, что я только-только успевал несколько раз взмахнуть топором и отскочить в сторону. Первые дни я выдыхался и нуждался в подмене, но потом, приноровившись к особенностям лесорубной ухватки и немного окрепнув на казённых харчах, я мог легко продержаться целую смену, даже помогая другим, складывавшим брёвна в штабеля, во время затачивания пилы, или когда конвоиры делали перекур.

Это не было старанием отличиться, никто мне ничего за это не давал, я даже отказывался от предложенных мне недокуренных сигарет, которые равнялись в той ситуации ордену «Трудового Красного Знамени». Это просто была привычка выполнять задание «не за страх, а за совесть». Хотя, в конце концов, эта привычка и выносливость мне очень помогли.

В один неудачный день, наработавшись до полусмерти, мы возвращались в барак. У здания, где размещался штаб 18-й армии, нас остановили и построили в одну шеренгу. Земля ещё была покрыта снегом, стоять было холодно, ожидая, по словам конвоя, инспекцию заведующего хозяйством штаба, которым был нестроевой гауптман (капитан), владелец крупной сигаретной фабрики «Хауз Хинденбург». Чуть ли не через полчаса из здания вышел высокий, подобранный, уже пожилой немец в форме, пошитой мастером-портным, которая превратила его в образец офицера-аристократа Вермахта.

Подойдя к шеренге и выслушав рапорт конвоира, он стал медленно проходить вдоль линии полуразутых, одетых в уже разваливающиеся одежды пленных, своим обликом подходивших под определение «унтерменшей». Наконец, он остановился и спросил у конвоира, кто работает лучше всех. Стоявший все это время по стойке «смирно» верзила-конвоир с огромным лилово-красным родимым пятном во всё лицо, делавшим его просто отталкивающим, зашагал в моём направлении. Второй его достопримечательностью была привычка зудеть нас ни за что, ни про что, так что целый день было слышно его: «Ло-о-ось, ло-о-ось!», т. е. давай, давай! Он лез из кожи вон, с помощью сапога и приклада винтовки, выколачивая из нас дневную норму.

И вот он, чуть ли не подбежав ко мне, опять заорал свое «*Los*!», указывая мне сделать шаг вперёд. В это время стоявший в шагах трёх от меня гауптман открывал серебристую пачку своих сигарет. Взглянув на меня, он бросил одну к моим ногам.

– Лооось, лооось, Иван! – заорал опять конвоир, указывая на сигарету в снегу. – *Das ist fiir dich!* (Это для тебя!)

Я не трогался с места. Стало тихо. По нашему ряду пробежал шёпот – мол, бери, не оскорби гауптмана, а то пристрелят, как собаку. Сигарета продолжала лежать на снегу, в то время как меня трясло от унижения, и злоба стянула мои челюсти в судорогу.

Чувствуя, что вот-вот один из моих соседей по шеренге нагнётся и подберет сигарету, я сделал полшага вперед и вдавил её в снег своим полуразвалившимся ботинком. Почему я так сделал, до сих пор объяснить не могу. Это была не бравада, это было не подотчётное движение гордости... Это было результатом кипевшей во мне злости. Стоя на сигарете, я просто стоял и смотрел вперёд, ожидая развязки. Она пришла под гробовое молчание опешивших пленных и конвоира. Гауптман, подойдя ко мне, закрыл пачку и, вручив её мне в руки, повернулся и ушёл.

Конвоир сказал что-то вроде: «Боже, Боже! Какой же ты счастливый, русский!», перестроил нас в три шеренги и повёл все ещё недоумевающих пленных домой.

Эту ночь барак не спал до «петухов», начиная гордиться случившимся. Через несколько дней нам выдали крепкие, хоть и поношенные, солдатские ботинки и немецкую форму – чистую, но без

всяких нашивок. Тёплая одежда пригодилась всем, но некоторым было очень неприятно надевать немецкую форму. Мне повезло. Я дождался полного разбора одежды и, когда остались только куртки, в которые я просто не влезал с моими широкими плечами, выбрал себе лишний свитер, в котором чувство «продажности» меня так не беспокоило, как это было бы в полной форме. Может быть, наивно, но тогда, когда преданность существующему на Родине строю была ещё сильна, это что-то значило. К тому же наступала весна, и вместе с окрепшими силами между друзей начались разговоры о побеге к своим. Сдерживало одно – расправа, учинённая немцами над одним пленным, сбежавшим из команды лесорубов, находившейся здесь ещё до нашего прихода. Он попался после ночного блуждания по лесным тропинкам около станции «Сиверская». Кто-то из местных жителей донёс на него в полицию. Его поймали, выпороли и отослали в общий лагерь помирать от голода.

«СТАРШОЙ» – ЗАГАДКА

Перед самым началом войны, когда я работал обкатчиком на ЛМЗ, мне разрешалось брать мотоцикл для обкатки по выходным. С моей тогдашней подругой на багажнике мы заезжали иногда и под Сиверскую, где жила её бабушка. И вот, надеясь, что старушка вспомнит меня и поможет связаться через местных жителей с партизанами, я, набравшись смелости, попросил приставленного к нам зондерфюрера, говорившего хорошо по-русски, помочь мне достать увольнительную на три дня Пасхи для посещения знакомой мне бабушки. Мне был вручен «маршбефель» (отпускное свидетельство), и я, в отглаженных брюках и начищенных ботинках, отправился в местечко под Сиверской, надеясь, что бабушка ещё жива и в своём разуме. Нашёл я старушку в довольно хорошем состоянии ума и тела, признался ей, кто я, почему в немецкой форме и чего хочу. У неё в хате жила маленькая девочка, родственница, а может, и чья-то сирота. Её старушка послала к кому-то.

Прибыли двое односельчан, которым пришлось рассказать всё сначала. Я видел, что моя история не вызвала у них большого доверия. Меня увели за село и, когда никого не было вокруг, повели дальше, наложив повязку на глаза. Через короткое время по звукам я понял, что меня переняли другие люди и опять повели меня дальше.

Шли мы часа два. Я слышал окрик часового и перешёптывание моих провожатых с ним, голоса

нескольких людей, и почувствовал, как меня бесцеремонно пихнули в землянку, закрыв дверь на засов. Я снял повязку, но увидеть что-либо было невозможно, исключая слабый свет в щёлке двери.

Когда уже совсем стало темно, меня перевели в другую землянку, где за столиком с керосиновой лампой сидел в полутени одетый в ватник человек лет пятидесяти. Без всякого предисловия, после короткой паузы мне был задан вопрос: «Что тебе надо?» Чувствуя, что дело может кончиться плохо для меня, в сжатых фразах рассказав всю мою историю, я попросил остаться у них или в другом отряде, так как до фронта было далековато.

Ответив ещё на несколько вопросов, что я делаю у немцев, почему мне дали увольнительную, говорю ли я по-немецки, есть ли у меня родственники и т. п., я был доставлен назад в прежнюю землянку, там получил что-то вроде свечки и миску с едой. Я не задавал вопросов, со мной тоже не говорили, но дали закурить махорки, и, забрав свечу и миску, задвинули дверь на засов опять. Помню, как принесли ещё воды и выпустили оправиться, когда было совсем уже темно.

Следующий день я провёл в землянке, мне принесли ведро для природных нужд, но наружу не выводили. После полудня я встретился с тем, кто опрашивал меня вчера. Он предложил мне сесть на ящик, на котором был хлеб, кружка с водой и миска с чем-то горячим и жареным. Пока я ел, мне было сказано, что если я хочу помочь в борьбе против фашистов, то будет лучше, если я пойду назад в свою рабочую команду и буду ждать приказа от *«Старшого».* Как и где это случится я, мол, узнаю потом. Пожав мне руку, человек в ватнике передал меня двум другим, и после длинной прогулки с повязкой на глазах, меня передали молодой девушке, которая привела меня назад к бабушке.

Пришли мы к старушке не одни, а в сопровождении двух немецких патрульных, встретивших нас у села. Заметив нас, они подошли ближе и, увидев при свете фонарика мою не совсем уставную форму, начали проверять меня. У меня было разрешение на три дня отпуска, подписанное самим гауптманом из штаба немецкой армии, а девушку, местную жительницу, они даже знали по лицу. Не подозревая ничего плохого, они всё же не могли удержаться от покровительственного: «Фик-фик им вальд гут, руски?» Они проводили

нас до хаты бабушки, а затем, оставив меня, проводили девушку до её дома.

Надо сознаться, что те десять-пятнадцать минут мне хотелось бы продлить на многие часы. Увидев патрульных, моя сопровождающая, не потеряв присутствия духа, шепнула мне: «Обними меня!», а сама прижалась ко мне всей молодой гибкой фигурой и не отпускала меня от себя до самого порога. Несмотря на немцев, на её толстую куртку и на вопросы патруля, меня охватило чувство, какое я не испытывал во всё время плена. Выспавшись, помывшись и покушав рано утром, я без помех добрался до лагеря и всю следующую ночь, переворачиваясь с боку на бок, опять переживал всё, что произошло.

Первые дни я ожидал вести от «Старшого» поминутно, но проходили дни и недели, и я почти забыл о случившемся. Наш зондерфюрер сказал мне, что герр гауптман остался очень довольным, что я вернулся без опоздания (подразумевая, что я не сбежал) и приказал перевести меня на лучшую работу. Я получил «должность» помощника машиниста на дизельной установке, поставлявшей электричество в здание штаба 18-й армии.

Огромный дизель и такой же величины генератор занимали зал площадью примерно в 250 кв.м. Надо было наполнять масленки, вытирать разбрызганное масло и следить за стрелками-указателями напряжения и силы тока. Раз в сутки пополнялся бак с горючим. Работа была не тяжёлая и даже не очень уж грязная, сидеть бы, да «ждать у моря погоды».

Но нет, продержаться мне долго здесь не пришлось. Кроме меня в более «почётной» должности работал здесь и гражданский местный машинист, бывший на этой должности ещё до войны. Два ефрейтора и уже не очень молодой обер-ефрейтор составляли команду, охранявшую и отвечавшую за эту электростанцию, снабжающую весь штабной узел 18-й армии. Узнав, что я сносно говорю по-немецки и являюсь выходцем из Ленинграда, находившегося тогда в блокаде, они засыпали меня вопросами о красоте города, его истории и т. п. Однажды, с болью в сердце отвечая на вопрос о Зимнем дворце, что или кого представляют фигуры Растрелли на его крыше, я, к моему стыду, ответить на этот вопрос не мог. «Ну, ничего, – сказал один из молодых ефрейторов, – мы скоро будем в Ленинграде и сами на них посмотрим».

От его сарказма меня просто затрясло и, с ненавистью в голосе и взгляде, я предупредил их,

что если им и удастся на короткое время и случайно подойти к Дворцу так близко, эти фигуры будут прыгать на их головы и рассмотреть их не удастся. После этой вспышки я вышел на порог и стал поджидать конвой, который вел лесорубов из леса домой.

Только на следующее утро мой коллега, гражданский механик, рассказал мне, как старый обер-ефрейтор сумел уговорить двух горячих молодых патриотов не жаловаться на меня начальству. В общем, мне очень и очень повезло. Оба ефрейтора даже не смотрели мне в глаза, и на следующий день меня перевели на другую работу.

В подвальном помещении здания бывшего санатория, теперь штаба немецкой армии, помещался паровой котёл, снабжавший здание паром для отопления, горячей водой и служивший также мусоросжигателем из-за своего огромного горна. Сюда заходили иногда часовые после смены вахты в зимнее время, чтобы разогреть свои закоченевшие конечности, но обычно это пекло было пустым, исключая пожилого кочегара, по его словам, родившегося у этого горна. Туда забрасывались поленья длиной в метр, а то и длиннее. Эта работа становилась не под силу вымотавшемуся на ней кочегару. Вот здесь-то я и пригодился со своими свежими мускулами.

Работа была тяжёлой. Почти постоянно надо было загружать горн поленьями и их всё время шуровать. Свежеспиленные, горели они плохо. К тому же, жар, исходивший из открытого горна, обжигал брови, и наши лица выглядели, как у туристов, обгоревших на пляже в жаркий летний день. Не удивительно, что приходившие в наше помещение немцы всегда отдавали нам принесённые ими корзины с бумажными отходами для сжигания. В особенности было много возни с нескончаемыми километрами лент аппаратов Морзе. Они путались, разлетались перед горном, их надо было подбирать и забрасывать в горн опять. За эту работу мы часто получали или сигарету, или часть пайка от унтер-офицеров, благодарных за то, что им не надо лезть в это пекло. Эти подачки, хотя и были унизительными в какой-то мере, были также и необходимы для поддержания наших сил, так что мы старались не за страх, а за хлеб, совершенно не думая о содержимом этих корзин.

Однажды, захватывая очередную охапку ленты, я почувствовал в моей руке что-то вроде пистолета. Что делать!? Бросать в огонь или сохра-

нить для будущего? Но как? Немец не спускает глаз! Я спокойно передал маленький пистолет принесшему корзину и этим заслужил не только несколько сигарет, но и большее доверие в будущем, что очень пригодилось потом, тем более что моя находка оказалась пистолетом, очень ловко превращённым кем-то в зажигалку.

От санатория вели две дороги; одна шла в село, а другая в лес. По лесной каждое утро вели пленных на лесозаготовку. Проходить надо было между двух землянок-срубов с крышей-насыпью. В одной был склад картофеля, другая была пустой, но в ней был пол, стёсанный из брёвен, стоял столик и две скамьи. Там мы оставляли топоры, пилы и всякую утварь, нужную в лесу, дабы не таскать все это туда и назад в лагерь. В один, кажется, июньский летний день, лесная команда получила приказ нести всё домой, в лагерь. На крыше землянки плотники прорезывали то ли окно, то ли отдушину. Была вставлена дверь, у стены поставили кровать. Пошли слухи, что какой-то пленный генерал будет жить в этом срубе. И действительно, когда мне приказали принести дров и, натопив стоявшую там печь докрасна, высушить это помещение, сопровождавший меня немец, приложив палец к губам, сказал мне что, «очень высокий генерал», военнопленный, будет размещён в этой землянке.

На следующий день мой коллега-кочегар вёл себя как-то беспокойно. Он расспрашивал меня, как я отношусь к немцам, думаю ли убежать к своим при случае и т.п. Потом, как-то внезапно и важно, он спросил меня, помню ли я приказ «Старшого» – ждать его приказаний. Я чуть не присел, не ожидая от старика, всегда угождавшего немцам, такого вопроса. Не дожидаясь моего «да» или «нет», он вручил мне скатанную в трубочку записку, сказав в тоне приказа, что её надо доставить в землянку так, чтобы она попалась на глаза пленного – генерала Власова.

Меня трясло, как заговорщика, когда пополудни, увидев пленного, выходившего в сопровождении двух конвоиров из штаба после допроса, я схватил приготовленную охапку дров и побежал к землянке. Дверь была на замке, и я, переступая с ноги на ногу, поджидал конвоиров и очень высокого сухощавого человека, шедшего между ними.

Расстояние в 50 метров казалось мне целым километром, так медленно шло время. Как сделать чтобы «он» нашёл записку, втиснутую в специально для этого сделанную трещину в по-

лене, запрятанном в середине связки? Подойдя к землянке, и увидев меня с вязанкой дров на плечах, конвоиры приказали мне оставить дрова у порога и мгновенно пропасть самому. Они меня хорошо знали, но, наверное, был приказ не допускать контакты пленного с посторонними. Я все же рискнул. Обращаясь к конвоирам лицом и глазами, скороговоркой и по-русски, я выдавил из себя что-то вроде: «Не сожгите записку в одном из поленьев». «*Was?! Was*?!», –заорали на меня оба конвоира, и я тут же, как бы перепутав языки, объяснил по-немецки, что я не уверен, не длинны ли чересчур дрова для этой печурки. «*Schon gut, schon gut! Los! Raus*!» (Вполне хороши! Пошёл вон!). Повторять команду не было нужды, я просто «растворился» в воздухе.

Прочёл ли генерал эту записку, и что в ней было – я не знаю. Мой приятель-кочегар сказал мне, что он тоже не знает её содержания, и что ему её вручили ему в селе перед приходом на работу. (По ночам кочегарили немцы, только лишь поддерживая огонь в печи).

Сделав открытие, что мой напарник по работе находится в связи с партизанами и знает о моей попытке присоединиться к ним, я позволил себе быть более откровенным с ним. Мы говорили о многом, даже обсуждали, как взорвать котёл отопления, но решили, что этим мы немцев не победим, а только навлечём подозрение на местное население, и кары обрушатся на вовсе не виновных, подозреваемых в саботаже. «Старшого» мой кочегар не знал, всё делалось по длинной цепочке, каждое звено которой отвечало только за свой участок. Одно было ясно, – советская разведка предпочитала извлекать нужные сведения из штаба немецкой армии без лишнего шума.

Здание санатория окружал сосновый лес, за которым следили, как за парком. Эти сосны образовывали прекрасный камуфляж для целого ряда домиков-дач, в которых жили врачи до войны, а теперь в них располагались штабные офицеры. Гражданская прислуга, подобранная в селе, обслуживала эти домики. Из обслуги на себя обращала внимание одна молодая, грудастая, красивая, всегда улыбающаяся женщина. Она заведовала не только дачей коменданта, но и ещё несколькими домиками, где жили «большие шишки» командного состава. С нами, военнопленными, она почти не разговаривала, как бы презирала. Всегда хорошо одетая и стройная, она так бессовестно кокетничала с офицерами, что мы прозвали её «немецкая блядь». Свидетелей-

очевидцев по этому поводу у нас не было, доказательств, подтверждающих эту теорию, мы не имели. Мне кажется, это была просто человеческая ревность к красивой женщине, казавшейся так недоступной для нас. На мои вопросы о ней мой друг-кочегар предпочитал отвечать уклончиво, сказав только, что она не так плоха, как мы это воображаем. Я познакомился с этой красавицей и узнал её поближе вскоре после эпизода с запиской для генерала Власова. Произошло это по воле того же «Старшого».

Подходили первые дни осени 1942-го года. Пленный генерал исчез незаметно. Домики-дачи с комсоставом уже отапливались по вечерам. Пришёл приказ в кочегарку обеспечивать каждый домик по одной вязанке мелко нарубленных дров в день. Переглянувшись с усталым напарником, я взял эту новую нагрузку на себя. За два часа до конца рабочего времени начиналась разноска уже мелко наколотых и специально напиленных для этой цели лесной командой дров. У крыльца каждой дачи меня встречала наша «лагерная зависть», она с милой улыбкой, без какого-либо презрения или превосходства, показывала мне, где надо сложить вязанку. У меня кружилась голова, когда из-за моей неуклюжести я находился чересчур близко к её дышавшей здоровьем, обаянием и притягивающей силы фигуре.

Через несколько дней Мария, так звали её, поманила меня войти в дачу, в которой немцами был сложен настоящий камин с ячейками по обеим сторонам для дров. Сняв вязанку с плеча, я, было, начал складывать дрова и вдруг почувствовал, как Мария, присев рядом со мной, коснулась меня плечом. «Что ей, немцев не хватает?» – промелькнуло в моей закружившейся голове. Я взглянул на девицу, но вместо обещающего ласку взгляда, встретился со стальными глазами знающей своё дело женщины:

– Помнишь «Старшого»? Да? Теперь слушай!

Чёткими выражениями, не теряя ни секунды, она пояснила мне, что от меня требуется. Она добавила, что бояться кочегара не надо, так как он «свой», но если попадусь с поличным – должен или проглотить язык, или сказать, что меняю свою добычу на курево у немца, которого встречаю по дороге домой, в лагерь. Надо сказать, что к этому времени мне уже доверяли приходить и уходить без конвоя, так как наша работа заканчивалась позднее, чем у проходящей домой лесной команды.

Моё задание было простым: во время сжигания бумажных отходов утаить как можно больше ленты с кодом Морзе. Эти точки и тире что-то значили, и даже из отдельных коротких кусков ленты можно было извлечь какой-то смысл, с помощью которого устанавливалось изменение кодировки на данный день.

Есть такая поговорка: «сказано – сделано», но применить её мне на деле было не так просто. Ну как на глазах у унтер-офицера, принесшего корзину с лентами и ответственного за сжигание документов, можно было спрятать длинную, вьющуюся, запутанную бумажную ленту, которую и так трудно забросить в печной горн, а не только запрятать в карман или в рукава куртки? Как сделать это так, чтобы не быть заподозренным в шпионаже?

И всё-таки мне удавалось почти каждый день передавать Марии какое-то количество ленты при разноске дров. В корзинах почти всегда были пустые пачки от сигарет, коробочки, которые можно было напихать лентой, и при возможности засунуть коробочку в рукава свитера или куртки. Дневная добыча запрятывалась в пустой цилиндр из коры, снятой с полена, и маскировалась щепками для разжигания огня. Всё это доставлялось мной в указанный Марией домик. Вынув ленту при подходящем моменте, она отдавала назад цилиндр из коры, как непригодный для сжигания, – мол, только дымит и засоряет трубу.

Были и очень щекотливые моменты. Однажды, нащупав сигаретную коробку, я обнаружил, что она почти полна сигаретами. Что делать? Мять сигареты и затискивать ленту в коробочку, или забыть о ленте, и спасать сигареты, ценившиеся у пленных дороже хлеба? Стоявший рядом немец, заметив, что я замешкался, заглянул в корзину. Я показал ему сигареты и спросил его, можно ли мне их сохранить? Проверив каждую из них, он сказал: «*Ja, ja, schongut*» (Да, да, хорошо), и, убедившись в моей «честности», даже отошёл подальше от пылающего огня. Это было использовано для заполнения пустой теперь коробочки лентой и засовывания её в рукав.

Однажды, протягивая пустую корзину принесшему её унтеру, я заметил, что кусок ленты висит из моего рукава. Я постарался засунуть её назад, но было уже поздно – немец уже тянул корзину к себе. Прижав левую руку с лентой к телу по стойке «смирно», а правой отдавая салют, я гаркнул: «*Bitte schon*!» Унтеру это так понравилось, что он вынул свои сигареты и предложил

две мне. Всё ещё в стойке «смирно», прижимая левую руку к боку так, что она стала затекать, я принял сигареты правой рукой и опять откозырнул. С улыбкой от уха и до уха унтер повернулся и ушёл. Легче всего мне было прятать ленты, когда их приносил тот немец, которому я отдал пистолет-зажигалку несколько месяцев назад. Он просто отдавал мне корзину, а сам стоял у двери, следя, не подходит ли кто к кочегарке. Вот что значит – завоевать доверие!

Так прошло опять несколько месяцев, подошла зима 1942–43-го годов. Весь наш лагерь перевели вместе со штабом 18-й армии в Эстонию, в город Тарту. Здесь, по-видимому, немцы предполагали устроиться надолго.

Пленные, уже подкрепившиеся прошлой осенью на уборке картофеля и овощей, выглядели, как люди, и даже пользовались некоторым доверием штабных офицеров и конвоиров, прикреплённых к нашей группе. Хотя все ещё звучало «Ло-ось, ло-ось!», но без злобы и ненависти к нам, «унтерменшам». Это, конечно, было только локальное отношение к военнопленным, и, конечно, оно расходилось с политикой верхушки нацизма.

Наша группа, все 20 человек, работали как маляры, штукатуры, плотники, столяры. Был среди нас даже электротехник-водопроводчик, сочетавший в одном лице две такие разные специальности. Его звали Федя-инженер.

Интеллигентный, бывший артиллерист – командир орудия, а то и выше. Он никогда не распространялся о своём прошлом. Судя по скуластому лицу и косившим глазам, корни его были в далёкой Сибири. Он был в доверии у немцев, хорошо говорил по-немецки и вызывался на работу и днём и ночью, если того требовали обстоятельства. За это ему разрешалось посещать в свободное время городишко и вести знакомства с населением.

Мне пришлось работать с молодым немцем, маляром по профессии, сыном шахтёра из Рурской области. Молодой солдат очень интересовался историей России, её народом, культурой и политическим строем в данное время. Стоя рядом на ящиках или стульях, банка краски между нами, мы часами разговаривали на эти темы. Я должен признаться, что моя информация на «высшие» предметы разговора была ограничена школьными знаниями, но о политике и революции я говорил весьма пылко, с патриотизмом и

верой в ленинизм, заложенной в мою голову комсомольской организацией. Дискутируя однажды на тему, что хорошего принес нам коммунизм, я не заметил, как кто-то зашёл в пустой дом, где мы работали, и стоит, слушая мою лекцию, прямо за моей спиной. Оглянувшись, я увидел Федю-инженера и обомлел. Он смотрел на меня своими чуть косыми глазами и, после длинной паузы, произнес что-то вроде:

– Говоришь правильно, но надо быть осторожней, у стен есть уши.

Сделав в этом доме, что ему было надо, Федя-инженер ушёл и встретился со мной только пару недель позже.

Жили мы, пленные, в светлом теплом бараке, бывшем ранее казармой для эстонских солдат. Питались мы просто, но совсем не голодали. Очень часто запах поджариваемой картошки на свином сале раздражал ноздри, но не вызывал зависти, так как это блюдо удавалось поесть каждому хоть раз в неделю, а с теми, кому не повезло достать что-либо на работе, делились бескорыстно. С такими харчами появляются силы и идеи. Я достал через моего мастера-маляра пару лыж и стал тренироваться на находившимся вблизи замёрзшем озере. Моим намерением было – как только подокрепну и смогу пробежать всю ночь без отдыха в направлении на Восток, попрощаться со всеми благами и бежать к своим. Но, увы, это не удалось выполнить.

Федя-инженер пользовался у немцев не только доверием, но и свободой передвижения. Он даже посещал старых русских эмигрантов, проживавших в Тарту, и пропадал ночами без всякого подозрения. Ребята опасались его не потому, что он был плох, а потому, что он был подозрителен из-за своего такого привилегированного положения среди нас.

После того, как ему удалось услышать мою тираду о благах советского строя, мы ни разу не обменялись даже словом. Но однажды, возвращаясь после моей лыжной тренировки, я встретился с ним у дверей барака. «Хочешь бежать?» – спросил он. Стушевавшись, я ответил, что да. «Погоди, тебя "Старшой" ищет», – с нажимом сказал Федя. Дня через два я получил разрешение пойти на чашку чая вместе с ним к его знакомым в Тарту.

Там меня познакомили с молодой женщиной, женой местного пекаря, сыгравшей немалую роль в моей жизни. Для тех, у кого уже нет терпения дожидаться развития событий, скажу коротко, –

да, она была молода, пекарь был много старше её, а я чуть моложе... И в результате такого стечения обстоятельств мы часто встречались по вечерам в пустых дачах на берегу озера, на льду которого я тренировался к побегу.

Эти встречи носили сперва натянутый характер. Разговоры шли и о войне, и о немцах, и о наших жизнях до войны, чуть ли не со дня рождения, о наших планах. После того, как мы познали друг друга и душой, и телом, для меня совершенно неожиданно прозвучал её вопрос – помню ли я «Старшого»?

– Какого? – сразу насторожившись, спросил я.

– А того, который разговаривал с тобой в землянке, под Сиверской.

Так как этой детали не знал никто, кроме меня, я понял, что это не было ловушкой, и мы стали говорить откровенно. О себе она сказала мало под предлогом, что если я не знаю об её роли в этом деле, то, в случае промаха и отвечать мне за это не придётся.

Наказ «Старшого» был таков: поступить в антипартизанский отряд под командой старого белогвардейца, капитана Феофанова, который действовал неподалёку, и ждать инструкций. Но перед тем мне поручалось достать оттиск печати коменданта хозчасти штаба и передать ей.

Казалось, этот приказ был невозможным для выполнения, но выполнить его удалось даже очень просто. Как раз в то время двое немцев и трое пленных, я в том числе, обклеивали обоями канцелярию хозчасти. Мы работали вечерами, чтобы не мешать работе этих полуслепых, хромающих, заикающихся и даже обезображенных после ранений на передовой солдат Вермахта, которых собрали здесь как бы на отдых и с которыми мы, пленные, вели что-то вроде полуподпольного обмена товаров. Сигареты обменивались на яйца, трубочный табак на кондитерские изделия, которые нам удавалось специально заказать у наших эстонских друзей. Обмен шёл бойко, и к нам эти солдаты и унтера уже привыкли. Мы начинали работу с нашими обоями часа в четыре утра и продолжали её после шести вечера, пропуская, таким образом, нормальные рабочие часы. Сговорившись за день о доставке заказа, мы просто оставляли пакетик на том или ином столе, а вечером подбирали пачку сигарет, баночку табака или коробку сигар с того же стола. Никто никого не обманывал. Таким образом, мне удалось с первого раза подобрать подходящее пись-

мо с печатью и безо всякого подозрения доставить его моей соучастнице.

А вот с вступлением в антипартизанский отряд, несмотря на мое письмо, написанное под руководством зондерфюрера – выходца из старой эмиграции, дело шло медленно. Месяца три после подачи моего прошения самому гауптману – тому самому, который стал как бы моим покровителем после инцидента с сигаретой, мне пришлось выносить всевозможные намёки на мою «продажность» фашистам, обвинения в предательстве своим... Один раз дошло даже до драки, из которой я, к счастью, вышел победителем. Положение мое осложнялось ещё тем, что на меня донесли о том, что мое желание вступить в антипартизанский отряд есть не что иное, как уловка с целью перебежать к настоящим партизанам.

Меня вызывали на «дружеские» беседы с какими-то гражданскими немцами. Разговор шёл по-немецки с употреблением русской, но ужасно ломаной, матерщины – наверное, с целью войти в доверие ко мне. Меня угощали хорошими сигаретами и с одобрением выслушивали мои, должен признаться, очень пылкие уверения в моем антикоммунистическом настроении. Я рассказывал о выдуманных родственниках, якобы расстрелянных в 1937 году, говорил я о моих сёстрах (которых у меня не было), забранных в детдом, и о моем желании помочь Великому Германскому Народу освободить Родину от Сталина (чуть не поперхнувшись при этом).

Я уже потерял надежду попасть в отряд Феофанова и обсуждал на каждом свидании с моей подругой-эстонкой планы прямого побега.

– Подожди, ещё не всё потеряно, – убеждала она меня. – Нам нужен свой человек у Феофанова.

Она была права. Была уже весна 1944 года. Меня позвали прямо с работы. В штабе, «мой» гауптман вручил мне «маршбефель» и послал меня забрать мои шмотки, так как меня уже ждала машина дяя поездки в район операций отряда Феофанова. Каково было мое удивление, когда я увидел, что ещё один парень, да и хорошо знакомый к тому же, также пакует свой мешок, готовясь к отъезду вместе со мной. Помню только, что он был кларнетистом полкового оркестра. Его приняли как воспитанника из детдома.

Музыкальный талант его был известен немцам. Наш зондерфюрер достал ему кларнет, и моему знакомому приходилось часто играть по пригла-

шению-приказанию в «доме немецкой культуры» – так назывался маленький барак в соседнем селе.

В перерывах между музыкальными номерами Гришка, так мы назовем его для удобства, развлекал аудиторию весьма не обычными выступлениями. Ему подносили старую, но крепкую табуретку, стул или деревянный ящик из-под патронов, и наш маэстро, только что исполнявший сороковую симфонию Моцарта, короткими, метко направленными ударами ребра ладони превращал стоящую перед ним мебель в мелкие щепки.

Облагораживало ли такое его выступление немецкую культуру, мне было не известно, но эффект от только прозвучавшей мелодии, наверное, был совсем другим. Многим немцам, наверное, приходила в голову мысль: хорошо, что этот русский не встретился нам в рукопашной.

И вот этот самый Гришка стоял рядом со мной у выхода из барака и с видом, что его ничто не удивляет, протягивал мне одну из своих, заработанных или музыкой, или колкой дров душистых немецких сигарет. Пока мы ждали машину, мне пришла в голову ужасная мысль – ведь Гришка знает о моем намерении убежать при удобном случае, мы говорили с ним об этом, когда выделывали пепельницы из обойм снарядов для обмена у немцев на хлеб. Наверняка, он подослан ко мне как шпион. При первом подходящем случае он переломит мне все кости, заработав при этом целую коробку сигар, которые он очень любил.

АНТИПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД КАПИТАНА ФЕОФАНОВА

Немецкие солдаты высадили нас, своих будущих соратников, на перекрёстке дорог, заявив, что дальше они не поедут. «В лесу партизаны», – заявил один из них и указал нам дорогу, по которой нам надо следовать для встречи с Феофановым.

Полагая, что мне теперь просто нечего терять, я спросил Гришку прямо, куда он направляется. «Нам по дороге, кажется, я тоже иду к Феофанову», – ответил мой попутчик. На мои вопросы как это случилось, что никто из нас не знал о намерении другого, последовали малозначащие объяснения, которые сводились к морали – чего не знаешь, за то не отвечаешь. Точь-в-точь, как и слова моей эстонки, с которой мне даже не удалось попрощаться.

Дошли мы до стоянки отряда поздно ночью, чуть не попав под пулю часового, окликнувшего нас по-немецки. Вместо пароля, которого мы не знали, последовало длинное объяснение, кто мы и

куда идём, тоже по-немецки. Не будучи джентльменом, часовой уложил нас лицом в грязь и начал испускать какие-то птичьи зовы.

Ну, дурак немец или издевается над нами, или зовёт на помощь, – подумалось нам. Через несколько минут мы услышали, как кто-то спрашивает часового, с сильным украинским акцентом, в чём тут дело. На чисто русском часовой начал рапортовать, что вот два немца ищут капитана, и их надо обыскать на всякий случай. Тут, перебивая его и поняв, что мы у цели, мы повторили, уже по-русски, кто мы и зачем пришли. Нас отвели в какой-то сарай и мы, уставшие после длинного пути, заснули как убитые.

Проснувшись, мы начали стучать в закрытую на засов дверь и требовать, чтобы нас выпустили по делам личным. Было рано, но движения хоть отбавляй. Отряд уходил на задание. Было доложено о нашем прибытии, и после того, как мы умылись и хлебнули горячего кофе, нас привели к избе, стоявшей посреди хутора.

После ухода большой группы с тачанкой, пулемётами и миномётом, вокруг стало тихо. Гришка и я стояли, как зачарованные, обозревая русских людей, вооружённых, как нам казалось, до зубов, уходящих в лес без конвоя, или хотя бы одного сопровождающего немца.

«Ну, как, нашли нас без труда?» – послышался голос сзади. Обернувшись, мы увидели молодого парня в немецкой форме фельдфебеля, но в казацкой папахе. Пока мы решали, что ответить, он, совсем не по-уставному, предложил нам зайти в избу и доложить капитану о себе.

В маленькой комнате с картой на стене спиной к нам стоял пожилой коренастый человек с поредевшими, но аккуратно подстриженными волосами, одетый в безукоризненный мундир капитана Вермахта.

– Господин капитан! Два русских добровольца прибыли в Ваше распоряжение, – доложил я как старший по возрасту.

Капитан, а это был сам Феофанов, медленно повернулся, взглянул на нас, опять посмотрел на карту и, обращаясь к Гришке, спросил его, кто он и откуда. Выслушав его ответы, он перевёл взгляд на меня. Я доложил, что попал на фронт из института Лесгафта, умолчав, что пошел в армию добровольцем. Услышав название института, Феофанов поднял брови и, отчеканивая каждое слово, сказал:

– Из этого института выходят два типа людей: либо очень хорошие, либо полные мерзавцы. Ты принадлежишь к каким?

Не могу вспомнить, что я промямлил в ответ, но помню, что стало мне не по себе. Капитан взял Гришку к себе в денщики, а меня оставили в покое и как бы вообще забыли, что я «горю желанием громить партизан», как я уверял немцев в городе Тарту.

Недели через три в отряд прикатили два немца на мотоциклах. Один они оставили капитану, а на втором вернулись в штаб армии.

Знавший от Гришки, что я работал на ЛМЗ обкатчиком мотоциклов, капитан предложил мне испробовать машину. Это был одноцилиндровый «Цундап-400», с карданом. Простая, но очень крепкая армейская машина. С её вертикально расположенным цилиндром она была словно сделана специально для русских дорог с их ухабами и разбитыми колеями.

Должно быть, мое вождение понравилось Феофанову, так как я стал его шофёром, связным, разведчиком и посыльным.

Каждое утро старик-хуторянин привозил на телеге молоко капитану. Я счищал грязь с моей машины, когда он подошёл ко мне и тихо, оглянувшись по сторонам, сказал, что у местного кузнеца есть всё необходимое для ремонта проколов, добавив загадочно, что для меня будет очень важно посетить кузнеца сегодня же.

В багажнике мотоцикла была коробочка со всем необходимым для ремонта шин, была даже запасная шина, немцы позаботились обо всём. Пришлось эту коробочку спрятать и обратиться к капитану с просьбой разрешить навестить кузнеца, у которого есть резиновый клей для шин велосипедов.

Кузница помещалась в двух сараях, соединённых перекрытием, под которое я закатил мой «Цундап». В сарае слева кузнец занимался починкой «точных изделий» – так называл он велосипеды, швейные машинки, охотничьи ружья и тому подобные предметы домашнего обихода, которые нуждались в ремонте. Правый сарай был гораздо просторнее, но там было темно, всё покрыто копотью, и на земляном полу валялись части колёс, подвод и земледельческих машин всех моделей, когда-либо бывших в употреблении на этом свете.

Услышав ритмичный звон ударов молота по наковальне, вошёл туда и я. Молодой, но коренастый парнишка, держа в руках не очень тяжёлый

молот, равномерно ударял по ободу, подставляемому под удары самим кузнецом.

«Куй железо, пока горячо». Я знал эту пословицу, но не спешил подойти ближе, а стоял в дверях и обдумывал, как начать разговор, чтобы не попасть впросак. Почти все эстонцы понимали и говорили по-русски, здесь не было проблемы. Но для чего просить резинового клея, когда он мне не нужен, и что значат слова молочника, что «это очень важно»? Я не был уверен, что это не ловушка, устроенная Феофановым.

Кузнец видел, что я жду перерыва в ковке, чтобы заговорить, но не торопился с перерывом. Только после того, как обод был одет на колесо, он поднялся с табуретки, и, проходя мимо, бросил только: «Подожди!» Через короткое время, из дверей другого сарая, в который зашёл кузнец, вышел худой парень в очках и на костылях. Подойдя ко мне, он вручил мне маленькую бутылочку с клеем. Опешив, я спросил, сколько это стоит, и полез в карман за сигаретами, игравшими тогда роль валюты.

– Это подарок от «Старшого», – прозвучало в ответ.

Я сразу же понял, что жизнь идёт дальше, и что я опять «в работе».

С неподдельным московским произношением очкастый, даже не представившись, передал мне поручение моего начальника-невидимки. Каждый раз перед выходом отряда на задание, мне надо будет сообщать, куда и по какому маршруту он будет двигаться. На мой вопрос, кто меня оповестит об этом, парень сказал одно только слово: «Гришка».

Мне повезло, у меня были крепкие нервы и здоровое сердце, другой просто не выдержал бы такого сюрприза.

Передавать информацию надо было старику-молочнику или сынишке прачки, приходившей два раза в неделю к капитану за его бельём. Пока она раскладывала чистое и забирала грязное бельё, мальчуган, а ему было лет 13, всегда любовался моим мотоциклом, который я, не имея других обязанностей, всегда начищал до блеска. Вот тут то и было удобно передать названия мест и время выхода отряда.

Теперь я прерву хронологическое перечисление событий и углублюсь в раздумье. Прошу читателя с помощью догадок и путём подведения событий «к общему знаменателю прийти» к своему собственному выводу.

Антипартизанский отряд капитана Феофанова состоял не только из головорезов; были в нём и люди самых разных возрастов, вступившие в отряд из идейных соображений. Был там, например, девятилетний мальчик, сын обозника, вступивший в отряд после того, как где-то в Белоруссии партизаны убили его мать по ничтожному подозрению. Был там и 55-летний казак-офицер из группы Каминского, оперировавшей где-то на юге. Этот офицер всегда водил отряд на задания, и о нём говорили, что он не знает страха под пулями и ненавидит «красных».

История первых дней нашей группы, имевшей в своих рядах несколько десятков человек, мне неизвестна.

О ней не говорили, и я не спрашивал. Но вскоре в моей голове зашевелилось какое-то подозрение. Почему после того, как партизаны знали через меня наперед, где можно устроить засаду группе, не только засад или стычек, но и просто встреч с ними не было? Казалось, что они разрешали отряду выйти на прогулку, пострелять в воздух и вернуться назад для чистки оружия.

Почему никто не напал на меня – с капитаном на багажнике – во время наших многочисленных поездок в штаб за приказами? Возил я Феофанова по непроходимым дорогам во всякую погоду, часто был вынужден просить помощи на хуторах, вооружённый одним только пистолетом, но за все мое пребывание на территории Эстонии не встретил, или точнее, не опознал ни одного партизана.

Наш отряд не потерял ни одного человека, за исключением пятерых раненых. Но эти ранения были получены в дни отсутствия Феофанова. Я привёз его на несколько дней в немецкий полевой госпиталь к зубному врачу, где и мне, кстати, наложили коронку. У него было что-то с дёснами, и ему была необходима лёгкая операция. Вот как раз в эти дни заместитель Феофанова получил срочный приказ выйти на охрану железнодорожного полотна в соседнем районе.

Стрелявшим из леса партизанским снайперам удалось нанести нам урон – пять человек были вынесены из-под обстрела на носилках. Когда о случившемся узнал Феофанов, он только покачал головой.

Приказы штаба дивизии, к которой мы были прикреплены, выполнялись чётко. Наши «ударные» группы, численностью от пары разведчиков и до 30-40 человек были предназначены для специальных заданий, например, для прочёсывания леса перед размещением там немецких частей.

Мы всегда соблюдали все правила боевой подготовки: будучи в охране, выставляли часовых, пускали осветительные ракеты при малейшем шорохе и однажды подстрелили кобылу, не знавшую пароля. Но до встречи с партизанами дело не доходило.

За все эти процедуры, иногда проводимые в присутствии офицеров Вермахта, отряд заслужил похвалу от немецкого командования, а Феофанову дали какое-то отличие. Загадочный нейтралитет и невмешательство отряда в стычки с партизанами (а их было хоть отбавляй в районе нашей группы) вызывали мой интерес до такой степени, что я не удержался и спросил капитана об этом. Его ответ отбил у меня всякий дальнейший интерес к этой теме:

– Это благодаря тебе, Саша. С тех пор, как ты присоединился к отряду, нам везёт без границ.

Это было сказано с такой усмешкой, что я и до сих пор не могу понять, «где была зарыта собака». В придачу, и Гришка меня однажды обидел. Когда я задал ему как товарищу в нашем «шпионаже» подобный вопрос, ответ его был кратким: «Много будешь знать, скоро состаришься».

Уже после войны, в конце 1946 года, Феофанов, узнав от кого-то, где я проживаю, встретился со мной в городе Эрланген, под Нюрнбергом, с целью вербовки меня на работу для американской разведки.

Разговор зашёл об отряде, и он пообещал рассказать все при следующей нашей встрече. Но мне не хотелось опять «залезать в петлю», и та встреча не состоялась[3].

ОТСТУПЛЕНИЕ

Вскоре отряд Феофанова снялся с насиженных мест, и, как цыганский табор, начал долгий путь на Запад.

---

[3] *В № 4 за 1996 год журнала «Новый часовой» помещена статья о деятельности советской контрразведки на оккупированной территории Ленинградской области (см. Приложение 3). В докладной записке П.Н.Кубаткина указывается, что в составе антипартизанской группы под командованием капитана немецкой армии Феофанова А.А. находится «САША» (кличка), фамилия не установлена, из Ленинграда. Вот этот «Саша» я и есть. Привет и наилучшие пожелания! Сигизмунд Дичбалис (Саша Дубов).*

На мой запрос, что мне делать, невидимка «Старшой» прислал приказ: следовать с отрядом до следующего извещения. Оно не пришло и до сих пор, но тогда на душе стало легче – я не один, я вместе с «нашими»!

До Радома – через Мемель, мимо Варшавы (ещё до Варшавского восстания), по просёлочным дорогам, со всевозможными приключениями – прошагали мы около 700 км. Наиболее запечатлелось в памяти одно происшествие, чуть ли не покончившего разом с моей деятельностью в отряде Феофанова.

Ещё на литовской земле, посланный на мотоцикле впереди отряда на разведку дороги (а отряд передвигался только по ночам, чтобы избежать бомбёжки с воздуха), я заехал в темноте в противотанковый ров. Деталей не помню. Меня нашли без сознания и с вывихнутой ключицей по ту сторону рва. «Цундап» валялся внизу между вкопанными рельсами, а рядом со мной, обращённый в сторону следующего за мной отряда, стоял на земле включенным на красный цвет мой сигнальный фонарик. Как я его включил, остается загадкой. Потом, когда Феофанов вручал мне во время парада в Мюнзинге медаль «За отличие в обязанностях солдата», узнал я от него детали моей аварии. Когда Феофанов подошёл ко мне, лежавшему на земле, я вскочил, отрапортовал, что я заехал в противотанковый ров и... упал опять без сознания.

Меня положили на один воз, мотоцикл – на другой, и утром, в каком-то селе, меня оставили дожидаться завершения ремонта передней вилки «Цундапа», а в помощь мне дали мальчишку – сына обозника, о котором я уже упоминал, Как только отряд с обозом скрылся вдали, механик-кузнец положил свои инструменты и скрылся. Вернувшись под вечер, он заявил нам по-немецки, что мотоцикл будет готов завтра утром, и отвёл нас двоих к стоявшей на окраине хутора избе, где, поговорив о чем-то с хозяйкой-старушкой, оставил нас под её опекой.

Поделившись с хозяйкой и её внучкой нашим запасом провианта и приняв её приглашение откушать свежесваренной картошки с кислым молоком, мы отужинали и после безуспешных попыток поговорить с упорно молчавшей старухой, мы начали приготавливаться к ночлегу.

Бабушка показала нам единственную комнату, в которой стояла кровать с перинами, в которой уже лежала её внучка лет пятнадцати. Кровать

была широченная, и бабушка знаками указала, что места хватит для всех.

Я всё ещё был в разодранной при падении форме, мой напарник-мальчишка был не в лучшем состоянии, и мы решили, что белоснежная постель не для нас. Мы улеглись на полу, сняв с постели только толстое покрывало, а внучка, думая, что это из-за неё мы не хотим спать в постели, ушла к бабушке в кухню. Уснули мы, не раздеваясь, с нашими мешками под головой.

Сон был лёгким. Ранним утром, когда было ещё темно, мы услышали возбужденный разговор в кухне. Нам было слышно, как старушка уговаривала кого-то по-литовски, а ей возражали мужские голоса. Я только успел толкнуть локтем лежавшего рядом парнишку и вынуть пистолет из кобуры, как дверь стала медленно приоткрываться, и автоматная очередь прошила пустую кровать вдоль и поперёк. В следующий момент мы услышали слова: «Феофанов... Феофанов...», проклятия на литовском языке, и топот уходящих из избы ночных посетителей.

С воем и причитаниями вошла наша хозяйка, держа свечу и глядя на расстрелянную кровать. То ли с ужасом, то ли с радостью, не веря своим глазам, смотрела она на двух ночлежников встающих с пола, полуживых от страха, но живых и даже не раненных.

На скорую руку, вскипятив воды и подав нам краюху хлеба с куском масла, она дала нам понять, употребляя русские слова, что нам надо отправляться отсюда – и поскорее. Мы опять услышали какое-то движение во дворе, дверь открылась, и вошел наш знакомый механик-кузнец. Он не поверил своим глазам, увидев нас с хлебом в руке за стаканом чая. Обменявшись парой слов с бабушкой, он ушёл и скоро вернулся на моей машине. Хотя у меня от боли ныла ключица, но мы двинулись дальше по разбитой дороге в тумане искать обоз.

Вести двухколёсную машину, да ещё и с пассажиром на багажнике, по разбитой дороге, трудно. А вот с вывихнутой ключицей и распухшим плечом – ещё труднее. Вскоре я должен был остановиться у маленького хутора, где я заметил хозяина, впрягающего небольшую лошадку – что-то вроде пони – в двуколку. Человеком он оказался сговорчивым и согласился подвезти мой «Цундап» до следующей деревушки, где, по его словам, была расквартирована группа Вермахта. Подъехав к стоящим в стороне от дороги постройкам, мы увидели телегу, а около неё – отца

моего сотоварища по приключениям. Он остался, с ещё двумя парнями, в этом хуторе поджидать меня и своего сына. Встреча была радостной, обмен новостями шёл до глубокой ночи. Только рано утром мы вышли на дорогу. Да, вышли, а не выехали. Телега была без лошади. Её оставили здесь с поломанной осью.

Моё плечо распухло так сильно, что я не мог вести мотоцикл, а кроме меня водителей не было. Ребята попытались достать телегу и лошадь, но безуспешно, а брать силой было не безопасно, уж как-то чересчур подозрительно перешёптывались группы молодых парней, ходивших вокруг без дела. Было решено догнать отряд и вернуться за машиной.

Шли мы целый день по дороге, указанной хуторянами, и только к вечеру набрели на сгоревшую избу и сарай без единой души вокруг. Нам стало ясно, что мы идём в ложном направлении. Напившись воды из колодца и полежав под звёздным небом пару часов, мы продолжили наш марш по интуиции. Поутру мы вышли на тракт и знаками попросили остановиться проезжавшую армейскую машину. Нам сказали, что мы двигаемся к фронту и, выслушав нашу историю, предложили подвезти в обратном направлении. Под брезентовым покрытием лежали два тяжело раненых немца и сидели несколько легко раненных, которые потеснились.

Доехав до Мемеля, мы сразу же начали искать отряд. Комендант города заявил что, о Феофанове никто ничего не слышал. Вместе с ордером на провиант нам вручили приказ присоединиться к какой-то немецкой части. Переглянувшись, мы ответили: «Яволь!», получили на складе продовольствие и вышли из Мемеля на дорогу, по которой по нашим расчётам, должен был пройти наш отряд с северо-востока.

Немцы двигались на Запад. Кругом царил беспорядок. Суета, брошенные обозы... – всё это было так нетипично для Вермахта, но это было налицо – германская армия отступала, да ещё и впопыхах. Висела угроза окружения, и никто не желал очутиться в кольце. Дороги часто бомбили и обстреливали; горевшие машины, разорванные осколками бомб туши лошадей, брошенные телеги – всё это говорило о необходимости держаться отдельно от главного потока спешившей массы.

Поймав огромного битюга, бродившего без хозяина вдоль дороги, мы свернули на боковые пути и направились тоже на запад. Без седла, узды, или хотя бы верёвки, управлять нашей огромной

лошадью, даже несмотря на её спокойный темперамент, было трудновато. Поэтому мы обменяли её у каких-то монахов на колбасу, хлеб и сало, а в качестве особой благодарности за хорошую сделку нам была вручена бутылка незабываемо вкусного ликёра. Я забыл название на этикетке, помню лишь, что на ней была изображена голова оленя.

Долго ли, коротко ли бродили мы в поисках нашего обоза, но дошли почти до самого побережья, когда идущие навстречу люди известили нас о том, что впереди был заминирован мост и никого дальше не пропускали. Наша маленькая группа распалась. Трое решили делать обход, а я и ещё один разведчик задумали продвигаться дальше через залив. Мы нашли маленькую лодчонку, весло было сделано нами из доски, остатки продовольствия мы засунули под сидение и оттолкнулись от берега. Попутный ветерок помогал нам до тех пор, пока не превратился в крепкий ветер. Он понёс нас через водное пространство. Зыбь превратилась в холодные волны, заливавшие нашу посудину, и нам стало ясно, что надо покидать наш корабль.

Ужас охватил нас от мысли, что мы далеко от берега и не продержимся долго в холодной воде. К моменту, когда борт лодки сравнялся с поверхностью воды, нам было уже всё равно; промокшие насквозь, мы решили прыгнуть за борт и, ухватившись за лодку, продержаться до конца непогоды, стараясь не утонуть. Первым прыгнул я – и чуть не сломал ногу от внезапной встречи с каменным дном залива. Глубина воды была меньше метра. Да, мы не знали, что во время отлива это огромное пространство было покрыто водой только по колено, но сильный ветер поднимал такие волны, что эта необъятная лужа выглядела, как океан.

Через несколько часов, продрогшие и обессиленные, мы добрались с нашей лодкой до берега, забрали наши промокшие вещи и решили, что жизнь моряков не для нас. Выжимая нашу одежду, мы оба стали хохотать – так жалко выглядели мы оба, посиневшие от холода. Пришлось высыхать на ходу, так как наступила ночь, а о тёплом ночлеге думать не приходилось.

Шли мы ночью через поселки и леса, казалось, в юго-западном направлении. Выходя на опушку, мы увидели блеснувший фонарик, и шедший со мной парень окрикнул по-немецки идущие нам навстречу фигуры. В ответ ему ответила длинная автоматная очередь, буквально перерезавшая его

пополам. Даже не успев вскрикнуть, мой напарник осел на землю.

Наверно, я был в стороне чуть-чуть, и под укрытием куста меня, в темноте, не заметили. Четыре фигуры в советской форме, видимо разведчики, подошли к убитому, перевернув его труп, обшарили карманы и сумку, не найдя ничего, кроме пистолета и куска сала, (размокшие документы были выброшены им ещё у залива), и пошли своей дорогой.

Всё это происходило метрах в пяти-шести от меня, стоявшего за кустом в совершенно беспомощном состоянии. Мой пистолет, попавший в солёную воду, был разобран на части и ждал промывки в сумке, а больше у меня не было ничего для защиты или нападения. Говорили разведчики на одном из азиатских языков, который я понять не мог. Как они меня не заметили, знает только Всевышний. Помогли, конечно, и куст с темнотой.

Оправившись от пережитого, я понял, что иду к фронту, а не в тыл, и, подождав рассвета и захоронив моего бывшего спутника под ветками и камнями, я побрёл бесцельно на запад, все еще, как бы в бреду.

Вспоминается, что встретил на пути отступавших немецких связистов, накормивших меня и предложивших ехать вместе, я отказался, и опять остался один. Через несколько дней блуждания, разговорившись с фермером, которому я помогал грузить его скарб на телегу, я узнал, что отряд Феофанова останавливался у него на ночлег по дороге к г. Радому.

Всеми правдами и неправдами, не брезгуя даже воровством велосипеда, переехал я почти через всю Польшу, и догнал наш обоз.

Отряд Феофанова после множества приключений остановился в городе Радоме, в южной части Польши. Шли слухи, что немцы намериваются включить нас в состав фронтовых частей и что сам Феофанов делает всё, что можно, чтобы отряду удалось избежать такой участи. Гришка очень обрадовался, увидев меня. Он устроил так, что я смог остаться в казарме, где помещался распределительный продовольственный пункт для солдат, передвигавшихся по так называемым «маршбефелям» через этот городишко, а их было немало – большинство шли назад к своим частям на фронт после пребывания в госпиталях. Этим продпунктом заведовала немецкая часть, занимавшая казармы до нас. С её уходом на фронт за-

ведование им поручили Феофанову. Гришка и ещё один парень из отряда обслуживали, по требованию, нуждающихся в походном провианте, а Феофанов вел учёт, делал заказы на пополнение продуктов и лично обслуживал старших офицеров, проезжавших через Радом.

Случилось так, что Гришкин помощник был уличён в обвешивании и без того полуголодных солдат, и Феофанов выбросил его из отряда. Это произошло как раз перед моим возвращением. Выслушав мой доклад и посмотрев на меня с удивлением, как на вернувшегося с того света, Феофанов дружелюбно спросил меня, почему я не в рядах наступающей Красной Армии по ту сторону фронта. После моего видимого замешательства с ответом капитан с усмешкой на лице успокоил меня замечанием, что такого выхода для нас всех теперь нет – на нас лежит проклятие советской власти, которое нельзя смыть никаким переходом назад. По его данным, пленных, которым удавалось перебежать назад, ждала незавидная судьба – недоверие, презрение и заключение. Теперь их даже не посылали в штрафные подразделения, а отправляли в тыл на расправу. Пожав мне руку, Феофанов послал меня помогать Гришке.

Через несколько дней зашедший к нам за провиантом лейтенант-артиллерист подтвердил слова нашего капитана. Увидев на нём орден железного креста высшей степени, Гришка спросил его, за что он получил это отличие. Предложив ему кружку горячего супа, мы разговорились с ним. Оказалось, что лейтенант попал в плен под Сталинградом в 1943 году, и ему удалось через пару месяцев каким-то чудом удрать, выйти из зоны наступления Красной Армии, и, несмотря на мороз и голод, перейти фронт и присоединиться к отступающим немецким частям. Он рассказал, как однажды в сапёрную часть, к которой его, как пленного, владеющего немного русским языком, прикрепили для перевода немецких инструкций для обезвреживания мин новой конструкции, привели двух русских перебежчиков , работавших добровольцами (*Hilfsfreiwilligen*) у немцев.

Их посадили в холодную землянку, предварительно содрав с них немецкую форму, опросили и оставили под замком на ночь, не желая тратить на них пули. Наутро их замерзшие труппы просто выкинули в снег, воткнув рядом кол с надписью «Изменники Родины».

По словам лейтенанта, пленным немецким солдатам на русской стороне было гораздо луч-

ше, чем иногда попадавшимся русским, бывшим в плену у немцев.

Такая информация сеяла неуверенность в уже и так не очень-то ясные перспективы моего будущего. Связь с партизанами потеряна. Как её восстановить? Стараться попасть на передовую? Будет легче перебраться к своим. А потом? Пристукнут сгоряча, кто там будет разбираться, кто ты и кому оставался верным, работая у немцев, убивавших, сжигавших, вешавших и грабивших твой родной народ?

Примкнуть к полякам, смешаться с массой и ждать наступающую Красную Армию? Так и здесь же не будет никого, кто бы смог подтвердить и удостоверить мое запутанное прошлое, мою деятельность партизана-подпольщика, а не предателя, спасавшего свою шкуру.

Как доказать, что до этого момента ты старался быть полезным и верным своей совести, своему народу, даже не зная полного звания или фамилии того, кто распоряжался тобою все это время?

Да, моя совесть по отношению к русскому народу была чиста. Но был ли я всё так же лоялен господствующему строю, как и в тот роковой день 22-го июня 1941 года, когда прямо с мотоциклетных гонок я поехал в военкомат и вступил добровольцем в ряды защитников моей Родины?

Вот такие рассуждения завели меня совсем в тупик. За прошедшие три года пришлось наслушаться такого о Сталине и нашем партийном руководстве, о самой революции и самом коммунизме, что моя голова была полна противоречивыми мыслями.

Все больше и больше накатывало сомнение – удастся ли доказать, что я не лизал вражескую задницу за кусок хлеба, а каждодневно рисковал быть раскрытым. А наказание было бы одно – расстрел после допросов и пыток. «Старшого» я и в глаза не видел, а если и видел, то не знал, что он и был тот самый «Старшой», который руководил моей деятельностью как бы на расстоянии.

С Гришкой я до сих пор не решался поговорить по душам, не потому что не верил ему, а потому что ручаться за самого себя было уже трудно, а за двоих ещё трудней.

Так вот, эти все размышления привели меня к решению: или поговорить с Гришкой, или как-то покинуть отряд и «пропасть». Дальше же – будь, что будет, буду действовать по обстоятельствам.

Следующим утром, надрезывая немецкую колбасу на крошечные дольки марш-провианта, я за-

дал Гришке вопрос, что-то вроде: «А что будем делать дальше?» Вопрос был задан, как бы «вообще», но Гришка, который всё ещё был денщиком Феофанова и знал многое, чего остальные не знали, весьма серьёзно ответил, что дурить, мол, теперь нельзя, отряд скоро двинется на соединение с 1 -и дивизией РОА в городок Мюнцинген.

После раздачи пайков прибывшей группе раненых немцев, мы для прикрытия уселись за шахматной доской и впервые поговорили по душам.

Он рассказал мне, как ему было поручено партизанами, с которыми он был связан ещё до моей попытки убежать к ним, следить за каждым моим шагом. Как меня чуть не прикончили, подозревая в предательстве (я часто разговаривал с адъютантом нашего гауптмана, моего «покровителя» после случая с сигаретами). На самом-то деле те разговоры касались совсем других «дел» – я изготавливал пепельницы из снарядных гильз и менял их на хлеб и курево.

В ходе нашей беседы Григорий намекнул, что наш капитан не является фашистским холопом. Он просто спасает свою жизнь и тем самым – жизни доверяющих ему бывших военнопленных, крестьян и нескольких перебежчиков, бывших лагерников, которые, как только попали на фронт, без раздумья перешли на сторону немцев, держа в руках листовки, в которых говорилось о русских подразделениях на немецкой стороне.

Наш капитан был довольно образован, сдержан и вежлив. Никогда не выражал свои чувства вслух, не был антисемитом – вопреки немецкой пропаганде. Но одно мы знали о нем твёрдо – он ненавидел Сталина и большевизм.

Как удалось Феофанову сохранить в течение нескольких лет свою группу, избегая боёв с партизанами, но, в то же самое время, обеспечив полное отсутствие враждебной деятельности с их стороны не только против нас, но и против расположенных в наших районах немецких частей, останется неизвестным. Но кто знает, может быть, он оставил где-то свои мемуары? Было бы интересно почитать их.

Но вернусь к жизни отряда. Во время моих блужданий по Литве и Польше к Феофанову пришли представители формирующейся РОА и предложили отряду присоединиться к 1-й дивизии в городе Мюнцинген. Капитан собрал отряд, сказал всё, что сам знал о Русском Освободительном Движении, и предложил высказать свое мнение. Все, как один, согласились на этот шаг в неизвестное будущее.

ОСЕНЬ 1944 – НАЧАЛО 1945 ГОДА

Началась осень 1944 года. Одним дождливым утром к нам в кладовую зашёл немец в офицерской форме, без каких либо знаков отличия, кроме стрелок СС на воротнике мундира, которые были полузакрыты дождевым плащом. Он предложил мне и Гришке тихо закрыть нашу «лавочку» и следовать за ним. На наши возмущённые вопросы, куда, зачем и кто он такой, он разъяснил нам, что это не арест, а только лишь приглашение явиться к следователю для разбора какой-то жалобы на наше распределение продовольствия. Беспокоиться не надо; – это просто клевета, и мы вернёмся назад через полчаса.

Пройдя несколько кварталов, мы зашли в какой-то дом, прошли в комнату с несколькими стульями и были оставлены сидеть и гадать, в чем дело.

Открылась дверь, вызвали Гришку. Через часа полтора позвали меня. Гришки уже не было; наверное, его вывели через другую дверь. Передо мной сидел за столом опять тот самый офицер СС, очень мягко, почти «задушевно», заговоривший со мной о погоде, как бы испытывая мой немецкий. Потом он начал задавать мне вопросы о Феофанове. Они задавались так непоследовательно, что мне надо было сосредотачиваться перед каждым ответом, вспоминая разные мелочи, на которые мало обращал внимания раньше. Дурацкие вопросы о том, надевал ли наш капитан пижаму перед сном или читал ли он в постели, привели меня в недоумение, и я попросил допрашивавшего объяснить мне, в чём дело, где «собака зарыта»?

К моему удивлению, на мой нетерпеливый вопрос мне было сказано, что на капитана донесли – с обвинением в нелояльности к фюреру и Вермахту.

Вопросы пошли быстрее, более прямые, нацеленные на то, чтобы сбить меня с толку, проговориться, ответить без раздумья. Что он читал, с кем переписывался, имел ли много гражданских друзей или знакомых, о чем разговаривал с нами, был ли чем недоволен и т.д. и т.д.

Так продолжалось два с половиной часа. У меня уже горело лицо и кипела злоба на этого хитреца с улыбкой на лице, как вдруг он поднялся и подал мне руку. «Спасибо за ясные правдивые ответы, – сказал он мне. – Вы подтвердили репутацию вашего капитана, мы верим вам!»

Возвратившись в барак, я застал Григория, раздававшего пайки группе солдат. Как только

они ушли, мы закрыли кладовую и стали обсуждать то, что произошло утром.

Гришка открыл мне всю подноготную дела о доносе на Феофанова. Капитан сам посвятил его в происходящее. Виной всему было решение капитана присоединиться с отрядом к РОА, а не к частям Вермахта, как этого хотело бы армейское командование.

Его заместитель, тоже капитан, попал после пребывания в госпитале к нам в отряд из казацкой дивизии, воевавшей против Советской Армии на южном фронте. Он не только ненавидел большевиков, но и всех русских. Был очень фанатичен в борьбе против коммунизма и лоялен немцам в такой степени, что, узнав о предстоящем переходе под командование генерала Власова, запротестовал, обвиняя Феофанова и весь отряд в намерении уклониться от борьбы вместе с немцами на передовой против наступающей Красной Армии. Он написал рапорт в штаб 18-й армии, которому наш отряд подчинялся, и даже не скрывал этого.

Немецкое командование понимало, что Русская Освободительная Армия под командованием Власова является, может быть, последней надеждой на то, чтобы повернуть ход войны с помощью самого русского народа. Поэтому оно дало согласие на присоединение отряда к формирующейся 1 -и Дивизии РОА, и делу с доносом не был дан ход.

Пришёл день, когда наш отряд начал свой марш, направляясь к городу Ульм. Нам было приказано грузиться в товарные вагоны, размещая повозки и лошадей на платформах, даже не имеющих какой-либо ограды. Мы принялись за работу и погрузили всё и всех. Следующим утром наш поезд попал под обстрел и бомбёжку с воздуха. Потеряв несколько человек, мы разгрузились с разбитого состава прямо в поле и, не теряя времени, стали продолжать продвигаться на запад по окольным дорогам пешком.

Марш проходил без особых происшествий. Каждый из нас обсуждал будущее. О Власове знали мы понаслышке и мало. Циркулировали различные слухи, что он – советский шпион, что его заслало НКВД к немцам, чтобы собрать вокруг себя военнопленных и тем самым предотвратить их использование в помощь немецкому тылу, а то и напасть на немцев изнутри. Нет, – говорили другие, – это швейцарский Красный Крест поручил ему собрать нас, а потом перейти в Швейцарию для формирования армии на стороне американцев.

Однажды, на остановке в пути, наш капитан подошёл к разведчикам (а мы всегда держались особняком) и объяснил, что РОА формируется как боевая единица с целью морального влияния на Красную Армию. Это попытка пробудить в русском солдате чувство вражды и ненависти к сталинизму. Если эта попытка удастся, она повлечет за собой освобождение народа от власти коммунистов и заключение мира с Германией на подходящих для России условиях. Капитан Феофанов упомянул о Пражском манифесте, сам не зная подробностей его принятия. Обнадёживая нас, сам он при этом качал головой, повторяя, как бы про себя: «Поздно, поздно!»

Можно честно сказать, что мы шли на соединение с РОА вслепую.

РУССКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМИЯ

И вот мы в городе Мюнзингене. Недалеко от города казармы, ряды не разрушенных каменных зданий, много деревьев, хотя и с опавшими листьями, масса русских, одетых в немецкую форму со значком РОА на пилотках и с нашивкой РОА на рукаве. Большое оживление, но всё, кажется, идет с хорошей организацией и чувствуется какая-то независимость, и даже свобода и гордость этой независимостью.

Наш батальон разместился в самой задней казарме, почти на полигоне. Пустые койки-нары, но чисто и светло. Мы принялись за устройство уюта.

Одеяла были в кладовой, вода из крана была градусов на десять теплее воздуха, нас накормили тёплой баландой в столовой. Вернувшись в казарму, мы завернулись в одеяла и крепко заснули.

Начались серые будни. Паёк был скуден. От голода не умирали, но из столовой выходили с полупустым желудком. Были кое-какие строевые занятия, маршировка для упражнения и дисциплины, тактические занятия и стрельба по мишеням. В общем, нас, «видавших виды», оставляли в покое. Мы чистили наше оружие, убирали казарму, иногда приходилось присутствовать на «политзанятиях», которые проводили офицеры – выпускники школы пропагандистов в Дабендорфе.

Эти «политзанятия» были открытыми и прямыми. Неизбежная в тех условиях немецкая пропаганда пропускалась мимо ушей, и на наши вопросы нам объясняли без двусмысленностей идеи Русского Освободительного Движения и намере-

ния генерала Власова избежать кровопролитного столкновения между нами и Красной Армией. Генерал Власов считал возможным оттянуть момент встречи на фронте до тех пор, пока о Русском Освободительном Движении не станет хорошо известно по ту сторону фронта, пока Пражский Манифест не прольёт свет на причину его появления.

Пусть узнают, что мы не предатели народа, а враги сталинизма и кровавой сталинской клики, пусть поймут, что мы хотим воевать не против солдат Красной Армии, а плечо к плечу с ними против действительных врагов народа Союза. А освободив наш народ от ига хуже татарского, заключить выгодный для нас мир с Германией, уже ослабевшей и вынужденной искать выход из положения, в которое её поставил Гитлер.

На площади, во время парада, так, конечно, не говорилось, но по казармам пропагандисты и солдаты 1-й дивизии РОА обсуждали эти вопросы, доверяя друг другу. Сексотов среди нас почти не было, а те, которые по какой-либо причине были верны немцам, куда-то пропадали.

«Дело русских, их долг – бороться против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия – наша! Прошлое Русского народа – наше! Будущее Русского народа – наше!.. »

Эти слова давали нам цель нашей жизни, и идея Освободительного Движения становилась для нас всё более ясной и приемлемой.

Мы мало знали о переменах в Красной Армии, о её победе под Сталинградом, об отступлении немецкой армии и нашем безвыходном положении в скором будущем.

В эти дни все, что накопилось в душах людей, вставших на путь борьбы против Сталина и большевизма, стало выливаться наружу, как из переполненной чаши жизненного опыта.

Почти каждый рассказывал о себе – почему и как он очутился в немецкой форме. К этим историям у меня сначала возникало чувство недоверия. Потом, сравнивая факты из рассказов людей, совсем не знавших друг друга, я находил некий общий знаменатель, и не только ужасался тому, что им пришлось пережить, но и сам начал понимать то, что сохранилось в памяти ещё с детских лет.

Я понял, почему все в нашей квартире затаивали дыхание, когда ночью на лестнице были слышны шаги. Я сообразил, почему моя мать говорила с моей бабушкой по-французски, – чтобы

я не мог понять, о чём идет разговор, и проболтаться об этом в школе. Мне припомнилось, как однажды я подслушал разговор между мамой и её подругой. Та рассказывала, как ей пришлось провести пару дней совершенно нагой вместе с десятками людей, тоже нагих, которых подозревали в уклонении от сдачи спрятанного золота государству.

Всех арестованных – как мужчин, так и женщин – держали в маленькой камере до потери сознания, выносили в коридор, обливали холодной водой и втискивали назад в камеру.

Так до тех пор, пока мученики или не сознавались, что у них ещё остался нательный крест, кольцо или медальон, или же не приходя в себя, оставались лежать в коридоре. Их убирали и приводили новых.

Этот рассказ маминой подруги удивил меня в своё время не жестокостью вымогательства, а только фактом, что мужчины и женщины были нагие и все вместе. Мне было лет шесть-семь, и вымогательство как факт было тогда непонятно для меня, но вот нагота страдавших в этой камере людей запомнилась мне резко. И вот только теперь, услышав подобную историю от доктора нашего отряда, я понял, что я вырос под материнским крылом весьма наивным.

Мое двуличное существование стало меня беспокоить. С каждым рассказом об ужасах раскулачивания, голода, ссылок и исчезновения ни в чем не повинных людей моя лояльность и вера к догмам комсомола и коммунизма начала исчезать.

Кажется, в феврале 1945 года в Мюнзинген понаехало множество высоких и статных немецких офицеров высших рангов. Нас собрали на площади, и мы впервые увидели нашего главнокомандующего – генерала А.А.Власова. Выше всех присутствующих, в шинели без погон, в больших роговых очках, стоя рядом с командиром нашей 1-й дивизии генерал-майором Буняченко, Власов говорил о нашей предстоящей борьбе против Сталина и большевизма, назвав её «священной». Его речь, а также русский национальный флаг, развевавшийся рядом с немецким военным флагом, наполнили нас каким-то странным чувством.

Объяснить это чувство, особенно после стольких лет, трудно. Это было не столько гордость, как чувство принадлежности к чему-то большому и оправданному, это было чувство надежды, что не все ещё потеряно, что мы вернемся домой не

как собака с поджатым хвостом, а как солдаты, освободившие свою Родину от ига хуже татарского. Здесь, конечно, я говорю о чувстве, охватившем мою душу в момент, когда мы проходили маршем мимо наших генералов, которые как бы стояли впереди немецкой военной знати.

После парада в столовой нам дали по добавочной ложке какой-то размазни и по прянику, дабы отметить день официальной передачи дивизии под командование генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова.

Да, с этого дня мое последнее чувство долга к Сталину и его правительству исчезло из глубин моей души, где до сих пор оно ещё шевелилось. Перед глазами стояла новая задача – посвятить все силы, а если надо то и жизнь, делу освобождения Родины от советской власти. Одно лишь щемило сердце – как это сделать без кровопролития и стрельбы в ребят по ту сторону фронта. Ребят, как когда-то и я, запутанных сталинской пропагандой. Этот вопрос мучил и других, мы надеялись, что наше появление на фронте, на участке без немцев, произведет сильное впечатление на красноармейцев, и они повернут оружие против политруков.

Да, это было наивно!

Но всё же это была надежда!

Вот под такие разговоры, размышления и переживания подошло время погрузки в эшелоны. Куда поедем? На фронт? Какой? Развязка нашего неопределённого положения в Мюнзинге была встречена с волнением и одобрением. Наступал решающий момент!

Уже в начале 1945 года картина фронта очень изменилась. Красная Армия была у реки Одер, готовясь к наступлению на Берлин. Немцы уже не имели времени для создания крепкой боевой единицы из трёх дивизий РОА для встречи с Красной Армии на широком фронте, чтобы произвести сильное моральное впечатление на красноармейцев. Феофанов, будучи теперь офицером связи, при встречах с Гришкой и со мной повторял все те же слова: «Теперь уже поздно, теперь уже поздно». Он, видимо, не надеялся на пропагандистский успех нашей дивизии на солдат-красноармейцев, прямо высказывал мнение, что надо уклоняться от прямой встречи на фронте и держаться ближе к швейцарской границе.

Но ни Гришка, ни я, ни даже Феофанов не сочли возможным изменить РОА и А.А.Власову. Можно честно сказать, что и остальные 99 % солдат дивизии, несмотря на неуверенность по-

ложения, были верны идее РОА и всего Освободительного Движения.

В марте 1945 мы разгрузились на станции Либерозе. За день или два до этого наш эшелон был обстрелян, то ли советским, то ли английским истребителем. Каждый, у кого было подходящее оружие, открыл ответный огонь. Истребитель на бреющем полете скрылся за холмом. Мы чувствовали себя победителями.

Вспоминаю, дивизия двигалась на север и на восток и на запад, очутившись, в конце концов, в лесу около реки Одер. Мы начали закапываться для обороны.

Помню, говорили, что в дивизию приезжал генерал Власов, но нам, разведчикам, увидеть его не пришлось. Феофанов передал нам, что дивизии поручено взять плацдарм на этой стороне Одера, занятый Советской Армией.

Теперь уже много написано о короткой атаке 1-й дивизии на предмостное укрепление Эрленгоф на реке Одер. Тогда же нам не объяснили, зачем без какой-либо попытки провести пропаганду среди красноармейцев, державших это предмостье, нам надо было лезть на колючую проволоку и лежать под миномётным огнем, наткнувшись на стену артзаслона с той стороны Одера, теряя наших ребят.

Рано утром я и ещё один разведчик были вызваны к командиру отряда. Нам выдали бинокль, компас, планшет и одну снайперскую винтовку, после чего нам приказали отправиться в штаб дивизии для получения приказа от самого комдива генерал-майора Буняченко. Нам дали лошадь, телегу и возницу. На возу был какой-то ящик, который нам надо было доставить в штаб к полуденному часу. Ехали мы через лес, по ухабам и через корни деревьев. Сломалось колесо, мы срезали молодое деревцо и сделали из него что-то вроде лыжи. Вот на таких полусанях-полутелеге доехали до штаба, но с опозданием.

Буняченко уже вёл беседу с разведчиками из других подразделений. Выслушав мой рапорт, он подошёл ко мне почти вплотную, заревев звериным рёвом и обкладывая меня и моего напарника всевозможными эпитетами за наше опоздание. Глядя на него снизу вверх, я нащупал дверную ручку и ждал, когда он замахнётся. Генерал заметил это, спросив меня, почему я держусь за дверную ручку? Я честно ответил, что в случае замаха с его стороны намерен выскочить из комнаты, так как по морде меня ещё никто не бил, даже немцы.

Буняченко успокоился также внезапно, как и вспылил. Нам было поручено засечь все возможные командные точки, часто употребляемые тропы передвижения, места, где часто собираются офицеры и т. п., любым путём, который мы найдем подходящим для этой цели. На вопрос, что делать со снайперской винтовкой, последовал ответ: «В солдат не стрелять, выбирать политруков».

Мы побоялись спросить, как это сделать? Ведь до «политруков» было не меньше 500 метров.

Прошли четыре дня наблюдений за «той» стороной. Нас поместили в блиндаж с амбразурами, из которых были видны такие же амбразуры в укреплениях по ту сторону Одера. Наша позиция была чуть выше другого берега, так что можно было заглянуть за брустверы насыпи и обозревать кое-какое движение противника.

Да, противника, как не странно... Мы чувствовали душой и телом, что эти люди не будут смотреть на нас, как на братьев по несчастью, а уничтожат нас при первой возможности, попадись мы к ним в руки. Мой напарник и я одной ночью попробовали переплыть Одер и заглянуть в окопы с тыла. С помощью двух прорезиненных рюкзаков проплыли мы чуть ли не до середины реки, как вдруг мой напарник начал просить о помощи.

Его рюкзак сдулся и не поддерживал его на поверхности, мой напарник начинал захлёбываться. Наша возня посередине реки привлекла внимание дозорных с той стороны, по воде застрочил автомат. С нашей стороны пошли ответные очереди, ракета, потом вторая. Держась вдвоём за оставшийся рюкзак одной рукой, головы под водой, мы кое-как добрались до берега, от которого отплыли полчаса назад, мокрые, холодные и недоумевающие, как нам удалось остаться в живых.

Наша следующая попытка «сделать всё возможное», окончилась без драмы, но и без большого успеха. Мы залезли на высокие деревья, пока было темно, и начали ждать рассвета. Стали ныть все кости, затекли ноги и руки, часто менять позицию было опасно, так как снайперы с той стороны следили за нашим берегом добросовестно. Но хуже всего было от двигавшихся перед глазами ветвей. Для невооруженного глаза что-либо разглядеть было далеко, а через бинокль можно было видеть только качающуюся сеть из веток, увеличенных линзами, все остальное было как в тумане. Нам пришлось довольствоваться

замаскированной позицией на валу, окружавшем наш бруствер.

На следующий день нас отозвали. Мы сдали наши планшеты с заметками и были отосланы назад в отряд. Нас ждала та же телега, но с новым колесом, и приказ двигаться в тыл, охраняя тот же самый ящик.

Короткая, но жестокая стычка между солдатами РОА и советскими силами, державшими плацдарм, произошла 13-го апреля 1945 года. Через несколько часов, после того как наши подразделения, захватив и разрушив линию проволочных заграждений, были артиллерийским огнем с советской стороны буквально вжаты в болотистую землю рядом с застрявшими старыми танками, генерал-майор Буняченко отдал приказ оставить плацдарм и, подобрав раненых, продвигаться к югу.

Начались 50-60-километровые марши, они продолжались до конца апреля. Всем нам было известно, что генерал-майор Буняченко, не подчиняясь приказам немецкого командования, уводит дивизию от тех мест, где ею хотели заткнуть бреши в линии фронта. Мы все понимали, что если мы попадем на передовую, у нас будет только два выхода: умереть от пули или попасть в плен, что будет ещё хуже. Возможности занять участок фронта и оказать какое-то влияние на красноармейцев, наступавших на обессиленную немецкую армию, просто не существовало.

Почти у всех на уме был только один вопрос: как попасть в зону действий американских войск? О том, что делалось на высшем уровне, простые солдаты не имели представления, но вера в генерала Буняченко были неоспоримой. Солдаты шли за ним, как за отцом.

Мы верили в наших командиров, но чувствовали себя, как звери, загоняемые в ловушку. Мы шли и шли, позволяя себе лишь краткие остановки, чтобы проверить упряжку лошадей. Женщины и дети семей солдат и офицеров шли по обочине, только придерживаясь за телеги, чтобы не отстать, до тех пор, пока у них не подкашивались ноги. Тогда, обессиленных, их сажали на телегу со свежими лошадьми, конфискованными в безлюдных деревнях, брошенных немецким населением, уходившим на запад от Красной Армии.

Отступали и немецкие части. Мы же двигались к Чехословакии, как будто там было наше спасение. Безнадёжность положения была у каждого на уме, но, к чести нашего разведотряда, дисциплина у нас продолжала сохраняться на должном

уровне. Был приказ не трогать гражданское население и его собственность. Не вступать в стычки с отступающими немцами. Помню, как Феофанов платил за продовольствие, полученное с помощью бургомистров или прямо от населения, которое бросало все, уходя от наступающих советских войск.

Но были и отдельные случаи перестрелки с отступающими частями Вермахта, которых обстреливали чешские партизаны – это было уже в самом конце апреля и в первые дни мая 1945 года. Им было трудно разобраться, кто им идет навстречу.

Вот в эти дни и отстала от колонны телега с семьей доктора отряда. Мне поручили взять одного разведчика, мотоцикл, до этого ехавший на одной из телег для экономии горючего, и проверить дорогу сзади нас на случай поломки телеги или другого крайнего случая. Рано утром, с автоматами через плечо, мы поехали на поиск отставших. Вдали была слышна пулемётная и миномётная перестрелка, это могли быть партизаны и немцы, или даже наступающая Красная Армия. Остановившись и подождав, пока перестрелка затихла, я завёл мотор и предложил моему напарнику продолжать поиски.

Тот стал убеждать меня, что ехать дальше будет идиотизмом, что мы наверняка попадём в руки красных. Чувствуя, что я не могу вернуться, не сделав всё, что возможно, я предложил моему напарнику подождать меня здесь у дороги, а сам осторожно поехал вперед к повороту дороги. В тот же момент я услышал автоматную очередь и увидел, как пули взрыхляют дорогу возле меня.

Стрелял оставшийся позади мой приятель-разведчик. Крутой поворот спас меня от неприятных ощущений. Доехав до местечка, где на последнем отдыхе ещё видели телегу с женой и детьми врача, я заметил, что воздух был полон запахами гари недавнего боя. На другом конце села, не увидев ни души, я поехал тем же самым путем назад. К моему удивлению, поперек узкой улицы лежал забор, которого не было раньше. Вокруг стояла зловещая тишина, так как я катился вниз по дороге с выжатым сцеплением. Пришлось протискиваться между лежавшим забором и стеной хаты, и вот в этот момент спереди и сзади выскочили несколько немецких солдат. Заметив на форме знаки отличия «СС», я понял, что дело дрянь.

Мои объяснения, что я принадлежу к 1-й дивизии РОА и ищу потерявшихся, не привели ни к

чему. Мотоцикл остался у стены, а меня, обезоружив, повели к большому кирпичному дому выше на дороге, по которой я только что ехал. Мы прошли во двор дома, это была больница, мимо нескольких трупов в немецкой форме, аккуратно уложенных в ряд. После короткого разговора с офицером, стоявшим в дверях здания с рукой на перевязи, солдаты указали мне двигаться к огромной воронке, оставшейся от какого-то взрыва. Её дальняя сторона была метра на четыре ниже передней, у которой мне надо было встать.

С автоматами наизготовку, немцы ждали какие-то секунды, показавшиеся мне минутами, пока я дошел до края воронки-обрыва и повернулся к ним лицом. В моей голове было пусто. Безнадёжность положения была очевидной. Только мысль о моей умершей давно матери проскользнула через сознание. Почему-то немцы всё ещё не открывали огонь, и в этот миг я почувствовал, как песчаный грунт под моими ногами стал уходить вниз и я, вместе с большим количеством обрушившейся земли и песка, каким-то чудом оставшись не засыпанным землей, докатился до каких-то кустов.

Поднявшись, я побежал. Очутившись опять на той же улице и увидев свой мотоцикл, я пропихнул его мимо препятствия, включил скорость, мотор заревел, и через пару часов я был вместе с отрядом. На меня смотрели, как на вернувшегося с того света.

Дело в том, что мой напарник, возвратившись, доложил, что он стрелял по мне, но что ему не удалось предотвратить мое дезертирство на советскую сторону. Я уже хотел отрапортовать о моем бесплодном поиске, как мне сказали, что семья нашего врача сама догнала наш обоз вскоре после моего отъезда. Погрузив мотоцикл назад на телегу, и получив на полевой кухне что-то поесть и попить, я расстелил мою плащ-палатку и заснул.

Рано утром мы двинулись опять. На этот раз все говорили о том, что мы идем к столице Чехословакии, чтобы встретиться с американцами, наступающими тоже в этом направлении, но с юго-юго-запада. Всё чаще и чаще нам встречаются группы чешских партизан. Говорили, что пехотный полк, следующий за нами, разведчиками, ввязался в перестрелку с отступающей немецкой пехотой. Убитых было мало, но удалось захватить много оружия и патронов, так нам необходимых для вооружения большого числа присоединившихся к нам так называемых «остарбай-

теров», т. е. вывезенных из Советского Союза гражданских лиц, которых немцы распределяли по фермам или заводам как рабскую рабочую силу.

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА 1945 ГОДА

Пятого мая 1945 года мы остановились в местечке северо-западнее столицы Праги. Это село буквально кишело чехами, вооружёнными до зубов самым разнообразным оружием – что кому удалось достать для себя. В домик, где поместилась наша группа с Феофановым, зашли несколько чехов. Переводчицей была молодая красивая девица с темными волосами, бровями дугой, с глазами, как бездонный колодец, и такой очаровательной улыбкой, что все мы просто застыли, как зачарованные. Они притащили с собой тяжёлый пулемет для противовоздушной обороны, где-то брошенный немцами, и обратились к нам с просьбой установить, почему он не стреляет. Разобрав затвор, я заметил, что ударник спилен с целью вывести пулемёт из строя. Я послал одного из чехов к местному кузнецу оттянуть ударную шпильку и закалить её. Через час он вернулся, затвор был собран и пулемёт выпустил короткую очередь в стог сена. Всё было в порядке. Потом случилось то, что и до сих пор не изгладилось из моей памяти. Красивая девушка, её звали Лена, подарила мне на память свою фотографию и крепко поцеловала меня в губы.

В эту ночь нам стало известно что мы идем на Прагу. Восставшие чехи умоляли 1-ю дивизию РОА поддержать их оружием и тем самым сохранить дивную Прагу с её незабываемой архитектурой от полного разрушения.

По приказу наших командиров части дивизии двинулись скорым маршем и вошли в Пражские предместья почти со всех сторон. Рассуждать о моральной стороне наших действий было уже некогда. Бой завязался не только за аэродром, но и за главные улицы Праги, где засели части СС.

На следующий день, группе разведчиков, в которой были Феофанов, Гришка и я, было поручено командиром разведки, майором Костенко, следить за проникновением советских агентов в центр города.

Отличить власовцев было легко, каждый из нас носил нарукавную трёхцветную бело-сине-красную повязку. Каждый власовец был в этот день чуть ли не сыном города.

Та самая Лена, которая меня тогда поцеловала!

Чехи одаривали нас, чем могли, и ликовали вместе с нами за каждый взятый дом или при известии по радио о новой победе над частями СС.

Так прошёл день, аэродром был взят, почти все немецкие подразделения сдались или вышли из города. В боях за Прагу погибло более 300 солдат нашей дивизии.

Неожиданно Пражское радио начало передавать, что все мы, власовцы, являемся изменниками Советской власти и её врагами. Мы прекрасно знали, что город кишит советскими агентами. С одним нам пришлось беседовать лично, и когда мы его передали в штаб разведки, уже знали, что советские танки готовятся к прорыву в город. Отношение жителей к нам резко изменилось, исключая тех немногих, которые работали вместе с нами, и нам стало понятно, что надежды на приход американской армии раньше советской уже не существует. А мы ведь рассчитывали именно на это!

Ночью 7 мая Буняченко приказал уходить из Праги. Наша маленькая группа с Феофановым размещалась в одной из брошенных немцами квартир, в четырёхэтажном доме, недалеко от большого моста через реку Влтаву. Рано утром 8-го мая мы оставили её.

Феофанов приказал мне в последний момент снять с поста дежурного наблюдателя. Он объяснил наше положение, наш предполагаемый маршрут к месту встречи отряда и, посоветовав держаться отдельно и избегать встречи с вездесущими теперь советчиками, в сопровождении Гришки и ещё нескольких разведчиков вышёл на улицу.

Наблюдательный пост находился на крыше здания. Рассовав по карманам курево, кусок хлеба и два пакетика походного рациона, я обвёл глазами комнату, где мы провели последнюю ночь – не забыто ли что?

На тумбочке возле кровати лежала малюсенькая коробочка в форме Библии и внутри была миниатюрная фигурка Божьей Матери. Я рассматривал её ещё вчера вечером. За все фронтовые дни я не разу не присвоил себе чего-либо, кроме еды, – и то только, чтобы утолить голод. Так и в этот раз я вышел на лестницу, по пути на крышу, оставив всё на месте.

Но как только моя нога переступила порог квартиры, я почувствовал, что-то необъяснимое, какая то сила против моей воли, ну просто повернула меня и заставила вернуться в комнату, где лежала миниатюра.

Я взял её в руки, чтобы взглянуть на неё ещё раз. В этот момент за стеной прогремел сильный взрыв снаряда. С потолка посыпалась штукатурка и выходная дверь пролетела через коридор. Придя в себя от этой неожиданности, перешагивая через кирпичи, перила и другие обломки, я подошёл к месту, где была дверь на площадку лестницы. Зиял только большой пролом там, где я должен был быть, если «что-то» не заставило меня вернуться за фигуркой Божьей Матери.

Я храню эту фигурку до сих пор.

Фигурка Божьей Матери, спасшая мне жизнь

НА ЗАПАД!

Сняв с крыши наблюдателя, его звали Станислав Гутчас, он был литовцем по происхождению, мы оба через задний ход выбрались на улицу. Всё ещё была слышна отдельная перестрелка, и мы, не теряя времени, пошли догонять Феофанова и его группу.

Теперь я уже не помню, как и куда мы шли. Догнать нашу группу так и не удалось. По выходе из Праги, как и советовал наш капитан, мы держались просёлочных дорог, продвигаясь к юго-западу. Проходя мимо какого то амбара мы услышали окрик. За углом амбара сидел американский солдат на ступеньках, подзывая нас пальцем.

Ну, нам повезло, мы попали в расположение американских войск!

Но не тут то было! Без всяких эмоций, не обращая внимания на наши попытки объяснить ему по-русски и по-немецки, что мы не немцы, солдат указал нам направление, по которому нам предлагалось следовать. Мы подошли к селу, где нас встретили другие солдаты-американцы, на этот раз чернокожие. Они с видом, что им всё это уже надоело, разместили меня и Станислава по разным сараям. Автоматы у нас отобрали, но мой пистолет, который я носил без кобуры за поясом, остался при мне, нас не обыскивали.

В моем сарае уже было несколько немцев. Я чувствовал себя неловко в их компании, ведь у меня было «рыльце в пуху». На мне была форма со знаками различия РОА, а они знали хорошо, кто потрошил их в Праге. Наступила ночь. Немцы зарылись в солому, шёпотом переговариваясь между собой. Я задремал.

Часа в три утра, взглядом обмерив вентиляционное отверстие в задней стене, и вскарабкавшись с помощью вбитых в стену крюков и скоб к отверстию, я протиснулся в него и почти упал на земляной вал снаружи. Всё было тихо. Ни души и ни звука. Еле-еле разбираясь в густом тумане, где дорога, я отправился в путь опять.

Под утро, устав, как собака, от ходьбы в серой массе, обволакивающей меня, как мокрая простыня, я присел и не заметил, как уснул. Свежий утренний воздух заставил меня проснуться, когда уже начало всходить солнышко. Пожевав немного хлеба с шоколадом и оглядевшись вокруг, я стал прикидывать, куда направить мои шаги. Дороги не было. Я сидел в кустах.

Солнце уже взошло над холмом по ту сторону долины и, обогреваясь в его лучах, я соображал,

что вот здесь восход, а вот туда, на запад, надо двигаться, чтобы избежать встречи с Красной Армией. «Почему избегать? Ведь свои же? Русские! Среди них, может, найдутся старые друзья. Может быть, поймут, что я не против них, а только против этого проклятого, натворившего так много зла режима?» Эти мысли, как сон, прошли через мое сознание. Суровое настоящее унесло их, как сон. Вспомнилось, как в сарае, из которого мне удалось убежать, двое немцев, наверно, из сочувствия ко мне, шепотом предупредили меня, что мой нарукавный знак «РОА» необходимо удалить. Они шли через лес позади группы власовцев, откуда-то выскочили красноармейцы и окружили этих нескольких бедняг. Немцам удалось залечь. Перед их глазами последовала сцена, которую выдумать было нельзя. На власовцев посыпались вопросы, задаваемые молодым сержантом, тыкавшим дулом автомата в нашивку «РОА», затем последовали ругательства и пинки, и все они были пристрелены на месте.

Хотя тех солдат и можно было понять – ведь им, шедшим со своим автоматом, наверное, от Сталинграда до Праги, внушили, что мы враги, изменники и продажные шкуры, с которыми считаться нельзя.

Нарукавный знак РОА

Вот тот сержант, занятый своим делом в разведке, и прихлопнул «врагов Родины». Понять его можно, но попадаться ему под руку нельзя! Надо идти на запад! И тут мне вдруг вспомнился другой эпизод. Второй день в Праге. Все ещё идёт перестрелка. Из окна дома, где мы переночевали, я вижу, как через мост проезжает телега с

телами наших убитых, прикрытых плащ-палаткой, за телегой идёт группа пленных немцев. Все держат руки над головой. Внезапно с обочины выскакивает чех в гражданском и хватает шедшего с его стороны пленного, указывая ему снять с пальца понравившееся кольцо. Немец делает все усилия, но кольцо не снимается. Чех вынимает из штанины тяжёлый нож, что-то вроде нашей финки, и полурубит, полурежет немцу палец, стаскивает кольцо, а обрубок бросает ему в лицо. Хорошо помню, как ужаснувшись происшедшим, я успокоил себя мыслью, что, мол, в семье не без урода, чехи все же хорошие люди. Как я ошибался! Следующие дни показали что и у чехов, как и у людей других национальностей, много мерзавцев и садистов.

Поднявшись часа через два, я вышел к открытой поляне. На другой стороне у леса блестела вода в запруде, окруженной высоким камышом. Очень хотелось пить и, осмотревшись по сторонам, я перешел поляну и начал утолять жажду.

Поднявшись, я чуть ли не получил разрыв сердца – из камыша на меня смотрели в упор примерно десять винтовочных стволов, и за каждым торчала морда чешского партизана с красной повязкой на рукаве. А может, это друзья – подумалось мне, и я, стараясь улыбаться, выдавил что-то вроде: «Наздар, наздар», объясняя им, что я русский. Это, может быть, спасло мне жизнь, но не предотвратило грубое обращение их вожака, обыскавшего меня, забравшего мой пистолет, что я хранил за поясом, мой кошелёк, в котором были несколько военных немецких марок, и фигурку Божьей Матери, спасшую меня от снарядного взрыва.

Повертев фигурку перед своим носом, он отдал её мне, пробормотав что-то вроде: «Католикен?», и меня повели, как арестованного.

Мы шли около часа, дойдя до местечка с железной дорогой. Там, на вокзале, меня допросил хорошо говоривший по-русски чех, сказав мне, что я предал Красную Армию и что буду возвращён ей сегодня же вечером.

Меня выпустили на платформу. Не веря моим глазам, я увидел сидевшего у стены Станислава, которого я ранее потерял. Он, держа палец на губах, давал мне сигнал не опознавать его, а просто сесть рядом. Закурив, он предложил мне докурить и объяснил, что он променял у чехов зимнюю форму Люфтваффе, выброшенную немцами и подобранную им на дороге на гражданские брюки, рубашку и потертую на локтях куртку. В

то время как он переодевался в кустах, те же самые чехи позвали откуда-то партизан, арестовавших его. Его также привели сюда на вокзал, обозвав предателем, и оставили на платформе в ожидании отправки.

Надо было что-то предпринимать. Я горячился, но Станислав, старше в летах и хладнокровнее, советовал прикинуться дурачками и ждать подходящего момента. Такой момент подвернулся нам в полуденные часы. Мимо платформы стал проходить состав. Шёл он не очень быстро, и мы оба, только взглянув друг на друга, без слов, вскочили на подножку и на площадку поезда. Через несколько минут, показавшихся нам часами, когда состав проходил вблизи леса, мы соскочили с поезда и понеслись что было мочи в лес. Добежав до него и скрывшись за деревьями, мы отдышались и зашагали прочь от железнодорожного полотна.

Так шли мы до темноты. Переночевав под деревьями, холодные и голодные, мы обсудили наш предстоящий путь. Надо идти в горы и по хребту, вдали от плохих глаз, передвигаться в сторону Баварии. Но как быть с провиантом? У нас не было ничего из еды. Мы решили или выпросить чего-нибудь на хуторах, или украсть ночью под прикрытием темноты.

Легко сказать, а сделать труднее! Отдельные хозяйства, которые можно было видеть в долинах, или кишели людьми и собаками, или были так далеко от подножья гор, по которым мы шли, что нам не хотелось рисковать. Но настал день, когда нам стало уже невмоготу. Выбор был один – или спуститься вниз и достать еду, или умереть от слабости, замерзнув в этих горах, ещё покрытых снегом.

Мы решили попытать счастья на следующем хуторе. Время было к вечеру. Дом был в темноте. По жребию на долю Станислава выпало зайти в дом, а мне, вооруженному дубинкой, караулить у калитки и голосом или делом помогать ему в случае необходимости. Было видно, как Стас постучал сперва в дверь, потом в окно, заглянул в сарай, постучал в дом опять, но всё безответно.

– Не могу, – сказал он вернувшись. – Вором никогда не был, а взламывание двери поставит на нас печать грабителей.

Его чувства были понятны, и мы опять вернулись в лес для голодного ночлега.

На следующий день набрели мы на дом, стоявший прямо в лесу на склоне холма. Из трубы

приветливо вился дымок, на дворе хозяин играл с собакой. Стас вручил мне несколько немецких марок и я, предварительно обратив на себя внимание все теми же словами: «Наздар, наздар», пошёл навстречу мужчине лет сорока, несколько напряженно смотревшего на меня. Враждебности в его взгляде не было, и я стал объяснять ему наше положение, в протянутой руке предлагая плату за что-нибудь съедобное. Вроде бы сочувствуя, чех предложил мне следовать вместе с ним к порогу, позвал хозяйку и велел ей собрать еды для «брата». Денег он не взял.

Через пару минут эта женщина принесла мне свёрток с чем-то мягким и большую кружку молока. Думая с жалостью, что у нас некуда перелить его, запрокинув голову, я стал глотать молоко и в тот же момент почувствовал, как что-то вроде дула ружья довольно сильно воткнулось в мою спину между лопатками. Хозяин стал толкать меня к сараю. Без раздумий, перекинув мой левый локоть через дуло, повернувшись и ударив его прямо в челюсть правым кулаком, я завладел ружьём.

В тот же момент Станислав, наблюдавший все это из-за кустов, заорал во всю глотку по-немецки:

– Руки вверх, а то будем стрелять!

Женщина завопила, прося прощения, хозяин смотрел на меня, как загнанный волк, кружка была все ещё в руке, но молоко расплескалось. Подобрав свёрток с едой, я вынул патроны, ударил дробовиком по забору, и, засунув в дуло скатанные денежные купюры, бросил ружьё на землю.

Станислав ждал, будто бы с автоматом, за кустами. Мы скрылись в лесу. Поднявшись опять на верх горной цепи, мы решили, что с добытым провиантом, а это был кусок копчёной свинины, мы продержимся несколько дней и за это время будем уже в Баварии. Ножей у нас не было, и мы откусывали от куска копченки по очереди, запивая её холодной водой, струившейся почти из-под каждого камня. Хлеба у нас не было. Мы остановились переночевать в маленькой пещере, наломав хвойных веток для подстилки. С помощью чудом сохранившейся зажигалки удалось разложить уютный костер, и мы улеглись спать. Но сон не приходил. Переворачиваясь с бока на бок, мы, вспоминая прошедшие дни, начали рассуждать о нашем будущем. В тот момент оно было в наших руках – дальше на запад или назад на восток к «своим».

К своим ли?

Наши надежды вернуться на Родину как её освободители от сталинского режима развеялись уже давно. Но мы всё ещё не верили в то, что западные союзники сохранят дружбу с Советским Союзом, когда придет время делить Восточную Европу. Станислав был уверен в том, что начнётся спор, и нам только надо подождать, когда американцам будут нужны люди, преданные своей Родине и ненавидящие Сталина. «Пойми же, – говорил он мне, – ведь капитализм и коммунизм несовместимы».

Так, предсказывая политическую судьбу Европы, мы уснули в полном неведении о своем будущем.

Через пару дней, когда уже ничего не осталось от нашей копчёнки, мы перешли границу между Чехословакией и Германией. Мы увидели деревню, на улице были американцы и немцы. Американцы жевали жевательную резинку, а немцы, в большинстве своём в гражданской одежде, толклись вокруг полевых кухонь. Из огромных котлов выдавали постоянно прибывающим беженцам какую-то еду, организованную с санкции американского командования местным бургомистром.

Мы провели лето 1945 года в местечке Герцогенаурах, работая на американцев.

Станислав Гутчас. Фото 1945 г.

Станислав присматривал за кафетерием, а мне с помощью одного американского офицера, говорившего немного по-русски, удалось устроиться в спортивном зале, где я учил солдат и даже офицеров борьбе без оружия, штанге и гимнастике на снарядах. (Пришлось вспомнить время, проведённое в институте Лесгафта).

В ФИЛЬТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ СМЕРША

Одним утром всех, кто был зарегистрирован как русский, собрали, пересчитали, посадили в машины и повезли в Нюрнберг. Только там, за колючей проволокой, мы узнали, что нас отправляют в Советскую зону, для передачи Советам. Громких протестов не было, так как таких, как я, в этой группе не нашлось – все были насильственно угнанные немцами на работу в Германии.

Имея при себе клочок бумаги с фальшивыми данными о моей работе у фермеров, который я получил от бургомистра Герцогенаураха, я выжидал удобного момента для побега. Но не тут-то было. Погрузка в вагоны произошла тут же в лагере за проволокой, товарный вагон с двумя десятками людьми закрыли и заперли, и через несколько часов мы остановились на границе между американской и советской зонами.

В вагоне все приутихли. Была слышна русская речь (и даже иногда русский мат). Состав обыскивали как снаружи, так и изнутри. Кто-то вертел ключом в замке, дверь вагона приоткрылась, и молодой солдат зашел в вагон. «Оружие есть?» – спросил он, не глядя на нас. «Нет», – ответили мы. Но все равно пришлось открывать чемоданы, сумки и мешки для проверки.

Девчата заговорили с солдатом, – откуда он и т.д. «Разговаривать с вами запрещено», – ответил молодой красноармеец, поглядывая на дверь, за которой стоял на земле его напарник. Нам стало как-то холодновато на душе. Ведь говорили, что Родина ждёт своих сыновей и дочерей!?

Таких проверок-обысков было три, и каждый раз в наших чемоданах уменьшалось количество личных вещей. Ну, мой нож, подаренный мне американцами за мое усердие на спортивных снарядах, мог бы быть принят за опасное оружие, но моя зубная паста, зеркало для бритья, боксёрские рукавицы, тоже, к сожалению, были конфискованы как «оружие».

Ах, ведь едем на Родину, ну чего же там болеть душой за безделушки!

До Родины мы не доехали, состав остановился на запасных путях около вокзала города Хемниц. Нас выгрузили и поместили, женщин и мужчин вместе, в здание какого то склада. Отсюда вызывали по алфавиту на проверку в кабинет с тремя представителями СМЕРШа, о котором мы уже наслушались от прибывших сюда до нас.

Охрана была, если она была, очень слабой, но никто даже не думал о побеге, все, в том числе и я, были переполнены чувством радости, хоть и смешанном с чувством неуверенности, что мы возвращаемся на Родину.

На второй день нашего пребывания под крышей этого огромного здания ко мне подошел человек одетый по-гражданскии. Спросив меня, откуда я, он записал мою фамилию вместе с двумя другими, которых я не знал, и предложил следовать за ним.

На чём он основывал свой выбор и знал ли он о нас перед этим, не знаю, но я был зачислен командиром взвода пожарной охраны. Второй парень, с белокурыми волосами, был назначен старшиной, а третий, украинец, с очень печальным выражением лица, – связным между нашим взводом, который нам надо было сперва набрать, и командиром охраны лагеря, майором, имя которого я теперь уже не помню.

Начались занятия, проверка шлангов и оборудования, учебные тревоги и т.д. Состав людей взвода менялся чуть ли не каждый день. Люди вызывались в СМЕРШ, проверялись и назад не возвращались. Как ни странно, но меня эта проверка как-то обходила стороной, и я оставался на прежнем месте. Так продолжалось до тех пор, пока не остались только двое – мой связной и я.

Население проверочного лагеря состояло из нескольких офицеров СМЕРШа, нескольких гражданских, часто уезжавших куда-то на пару дней и возвращавшихся на короткий срок опять. Иногда в лагерь на машинах привозили новых возвращенцев, которые задерживались только на несколько дней перед отправкой на восток. Куда – не знал никто. Нам удавалось сдружиться с несколькими из них, они обещали написать письма после прибытия на Родину, но ни одного письма ни от кого не пришло. Одно из таких близких знакомств очень запомнилось.

Очень милая, и даже очень красивая, девушка, родом с Кубани, задержалась в лагере по болезни. Лежала она одна в углу склада, её трясло, как в лихорадке, какая-то сволочь украла у неё чемодан

с переменой белья, и несчастная, пропотевшая и изголодавшаяся, страдала как от голода, так и от невозможности сменить бельё. Такой я её нашёл во время одного из моих обходов для проверки пожарной безопасности.

У меня была возможность выходить за пределы лагеря, доставая спирт или что-то вроде самогона у немцев для офицеров СМЕРШа. Добывал я это у одного аптекаря в Хемнице, который вдобавок занимался также и проявкой фотоплёнок и продавал плёнки для фотоаппаратов, имевшихся в лагере.

Тем же вечером я появился в углу, где лежала больная, с литровой бутылкой дезинфекционной жидкости, коробочкой пилюль от малярии и едой.

С помощью двух женщин из лагерной среды, больная была обтёрта с ног до головы тёплой водой, смешанной с дезинфекционной жидкостью, и переодета в мою рубашку и кальсоны. Накормив её немного, я уговорил её принять пилюли и уложил на чистую солому. Бельё её было выстирано, и после повторения процедуры с обтиранием, пилюлями и едой, моя больная начала выздоравливать. Я проводил с ней каждый вечер, разговаривая о том и о сём, и как-то незаметно мы оба дошли до того положения, когда дружба вот-вот могла перейти в другое чувство, более пылкое и более интимное.

Однажды, вечером, мы находились рядом и в том состоянии, когда уже не рассудок командует действиями, а молодая кровь и влечение друг к другу требуют своего. Вот в этот момент я и заметил слезы, льющиеся по щекам Валентины. На мой вопрос, почему она плачет, чуть слышным шепотом она ответила мне: «Саша, милый, люблю я тебя очень, хочу быть твоей, но как я потом докажу дома на Кубани, что я не трепалась с немцами? Я голодала и терпела много, но сохранила мое девичество для того, чтобы доказать дома, что не спала с немцами за кусок хлеба».

Бедная благородная дочь кубанского казака, что с тобой случилось по возвращении на твою Родину? Помогла ли тебе твоя невинность оправдаться перед односельчанами? Ты была моложе меня, может, прочтешь эти строки и вспомнишь этот случай? Я так гордился тобою! И горжусь!

Валя уехала, а я всё ещё был в почти пустом лагере, и моя судьба была в чужых руках.

Однажды, пережёвывая кусок хлеба после весьма и весьма скромного обеда, я почувствовал чью-то руку на моем плече. Обернувшись, я вскочил из-за стола. Передо мной стояла женщи-

на в форме майора СМЕРШа, и даже с орденами. Перед этим я видел её только в здании, где нас проверяли. Туда я приносил заказанный спирт, раздобытый у аптекаря. Ей нужен был шофёр и переводчик, и ей указали на меня. Мы долго ехали на юг от Хемница, пока я не нашёл маленький госпиталь для больных венерическими болезнями. Он был набит офицерами Красной Армии. Как ни странно, но весь обслуживающий персонал и врачи госпиталя были немцами.

Майорша поручила мне узнать, где находится капитан такой-то, сама осталась в машине. После расспросов и объяснений мне указали на флигель постройки, предупредив, что там лежат безнадёжные, и доступ к ним ограничен.

Об этом я доложил моей пассажирке, сидевшей в машине. Немного обдумав ситуацию, она вышла из машины, и мы пошли опять к главному врачу за разрешением посетить палату, где лежал офицер, которым она интересовалась. Главврач сам пошёл с нами и через меня объяснил майорше, что он рекомендует не подходить к постели больного, а, как в родильном доме, посмотреть только через стеклянную стенку.

В маленькой палате лежало четверо. Когда мы подошли к стеклу, только один повернул голову в нашу сторону, другие были вроде как без сознания. Наша майорша, её звали Зоей, долго смотрела на кровать у окна. Что происходило в её душе, сказать трудно, но, после того как врач ответил на её вопрос о возможности выздоровления пациента отрицательно, пробурчав что-то вроде: «Так ему, сукину сыну, и надо», она повернулась и вышла из палаты.

Долго она молчала по дороге домой, потом, вдруг повернувшись ко мне, спросила, как меня звать. Я ответил. «Сашка, отвези меня куда-нибудь, где можно будет выпить без помех», – последовал приказ-просьба. Дело было уже к вечеру, и я не мог придумать ничего другого, как привезти Зою к аптекарю.

Опять она осталась в машине, пока я объяснял немцу, что от него требуется. Через пару минут он пригласил нас в свой кабинет с письменным столом, покрытым зелёной скатертью. Там уже стояла бутылка какой-то настойки, стакан и тарелка. Аптекарь вежливо уверял, что как только его жена управится на кухне, он принесёт закуску.

«Выпьешь со мной?» – последовал вопрос Зои, и она знаком дала понять аптекарю, что нужен ещё один стакан.

Вот так началось близкое знакомство между майором СМЕРШа и солдатом РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ.

Она пила, как лошадь, закусывая свининой, картошкой и кислой капустой. После второй бутылки она уже не замечала, что мой стакан остаётся полным.

С болью в сердце и слезами рассказала она, что умирающий сифилитик является её зятем, а её дочь, медсестра, инвалид войны, изувечена и изуродована. Зять – то ли с горя, то ли от распущенности – подхватил заразу в Польше, и, не решаясь признаться, скрывал болезнь, пока не стало поздно...

Майоршу я привёз на следующее утро домой, в лагерь. Выходя из машины, она даже не взглянула на меня, и мне остались только воспоминания о прошедшей ночи, да грязная машина, которую надо было вымыть и сдать в хозвзвод.

Помню, была назначена учебная пожарная тревога. Надо было приготовить в разных углах солому, опрыскать её керосином, запрятать несколько дымовых шашек, завалить подходы разным хламом и ждать тревоги ночью. Ну, конечно, каждый «пожарник» во взводе, был неофициально проинструктирован – ложиться под одеяло в полной форме, только расстёгнутой, и даже в сапогах. Надо было притвориться, что тревога застала нас врасплох. Каждому было указано, где находятся брандспойты, погруженные на тележки, лопаты, топоры и т.п. Моему старшине я ещё раз показал, где надо подключать шланги к водопроводной системе и, чувствуя себя жуликами, мы улеглись рано спать.

Минут через десять за мной пришел связной и вызвал в хозвзвод. Там стоял приготовленный «Опель», и в нём уже сидела Зоя. В руках у неё была путевка, в которой стояло просто: «Хемниц».

Отъехав какое-то расстояние от лагеря, она предложила заехать к аптекарю, сказав мне, что ей как-то невмоготу, и просто хочется выпить без лагерных дружков.

Не моту теперь припомнить все, слово к слову, о чём мы говорили с ней. Скажу лишь, что всё повторилось опять, с той лишь разницей, что аптекарь был так доволен двойной платой за его услуги и вино с закуской, что на диване появились чистые простыни и подушка.

Так прошла вторая встреча с женщиной старше меня лет на двадцать.

Наши тайные «рандеву» становились уже тягостными для меня, и я был очень рад узнать от майорши, что через несколько дней лагерь закрывается, и мы будем перебираться в Польшу.

Наша последняя встреча с Зоей была для меня большой неожиданностью. Во-первых, она поступила как-то отчаянно и без всяких мер предосторожности, к которым мы прибегали до сих пор, чтобы скрыть нашу связь и избежать осложнений.

Она пришла ночью в пустой дом, где я занимал комнату и ночевал, как король, в огромной постели с перинами. Перины я не любил и всегда сбрасывал их на пол. И вот, часа в два ночи, я чувствую, как кто-то не только укрывает меня периной, но и наваливается всем телом сверху. Услышав её шепот и почувствовав запах водки, я догадался, что произошло. В ночной темноте зарылись мы в перину, прикладываясь к горлышку бутылки, когда во рту становилось сухо. Задремав под утро, я был разбужен её рукой, гладившей мою щеку.

Она сидела уже полностью одетая на краю кровати и смотрела на меня каким-то материнским взглядом, даже сострадательно.

«Тебе нельзя ехать домой, Сашка», – сказала она вдруг.

На мой вопрос «почему?», я услышал слова, которые перевернули мою судьбу.

«Ты, Сашка, много видел, ты много слышал и много знаешь!» – сказала она и вдруг, не попрощавшись, встала и скрылась за дверью.

Спасибо, Зоя, кем бы ты ни была, за это предостережение!

Слова Зои ещё звучали в моей голове, когда я пошёл к начальнику лагеря, с которым у меня были хорошие отношения по делам продовольственным.

Сказав ему, что по слухам мы скоро покинем Германию, я спросил его, не разрешит ли он мне получить увольнительную на пару дней для того, чтобы подобрать нужное для нашего личного багажа перед отъездом. Эта идея понравилась ему. Что-то вроде командировочного удостоверения на три дня было в моих руках вместе с путёвкой на тот самый «Опель», в котором я возил майоршу.

ПОБЕГ

Первым делом остановился я у аптекаря, которому, с большой важностью, я объяснил, что нахожусь на специальном задании, для которого мне нужна гражданская одежда. Через полчаса я уже ехал, как гражданский с поддельными документами. Аптекарь был мастер на все руки. Меня пару раз останавливали советские патрули, но, проверив моё командировочное удостоверение, они пропускали меня без проблем.

К ночи мой «Опель» начал «чихать» – горючее кончилось. С путёвкой в кармане я спокойно переспал до утра и, пожевав что-то из своих запасов, пошёл «искать бензин». Из вещей у меня были только маленький фотоаппарат, сумочка с хлебом и сахаром да дюжина фотоснимков, проявленных аптекарем. Они были завёрнуты в носовой платок вместе с немецкими марками и запрятаны в носки. Всё остальное осталось в лагере, дабы не вызвать подозрения. На руках у меня было удостоверение, просившее немецкие гражданские власти помочь мне с поиском моей семьи. Для русских я мог быть немцем, для немцев – русским.

Не могу вспомнить, каким маршрутом я шёл. С помощью местного населения, помогавшего мне не только советами, но иногда и дававшего что-нибудь поесть и попить, я медленно продвигался к американской оккупационной зоне. В одном месте, поздно вечером, туман застлал дорогу так, что приходилось идти чуть ли не на ощупь. Я догнал четырёх немцев, тоже идущих к границе. Через короткое время, когда дорога проходила между насыпями как слева, так и справа, нас окрикнул советский патруль.

Забрав наши удостоверения личности, справки и другие бумажки, подделанные наспех, нас довели до большого дома и, с обещанием, что завтра утром офицер разберёт, кто есть кто, заперли на ключ. Я разговорился с молодым немцем, который, как он признался, был забран в солдаты только за несколько дней до конца войны. Ему было всего лишь пятнадцать лет и, приютившись у двух старушек в селе, ему удалось избежать плена. Теперь он пробирался в американский сектор, домой.

Моя душа была не на месте, я знал, как придирчивы будут вопросы офицера, и не надеялся, что мои печати, накатанные крутым яйцом, убедят его в моей невиновности.

Надо было бежать! Но как?

Заглянув в уборную, я заметил форточку, но она была слишком высоко, чтобы вылезти через неё без посторонней помощи. Я вспомнил о немецком мальчишке.

После короткого совещания мой мальчик-немец и я зашли вместе в уборную. Что подумали о нас остальные, мне, по крайней мере, было все равно. Так как он побоялся лезть первым, я взобрался на его согнутую спину, открыл форточку и стал протискиваться наружу.

Было ещё темно, густой туман покрывал всё вокруг. Я прислушался – кругом была тишина. Мне надо было вылезти, как-то перевернуться и подать руку ждавшему моей помощи немцу. Я смог вылезти и, держась за форточку, перевернуться лицом к ней. Но моя фотокамера зацепилась за что-то, ремешок резал мне шею. Отпустив форточку одной рукой, я начал освобождать себя от этой удавки, рванул ремешок и, не удержавшись на одной руке, соскользнул по стене дома вниз. Мои ноги встретили мягкое сопротивление гнилых досок, и я медленно, но уверенно, стал проваливаться в яму с человеческими отходами. Да простит мне читатель, но более нежного выражения для содержимого этой ямы, я найти не могу.

Провалившись до подмышек, мне удалось избежать полного погружения в ароматную гущу, ухватившись за оставшиеся целыми доски.

Всё же я, видимо, произвёл шум, и, чего я и опасался, дежурный часовой начал обход доверенного ему участка.

Я увидел его приближающиеся сапоги на уровне моих глаз, самого его не было видно, только его силуэт угадывался, как тень – так густ был туман. Вот это то меня и спасло. Не ожидая встретить любителя поутру поплавать в выгребной яме, сонный часовой прошёл мимо, шаги его затихли, и я начал выбираться из «окружающей среды».

Во имя эстетики, позвольте пропустить описание последующего часа. Скажу только, что я добрался до какого-то пруда, вымылся, выбросил одежду и, в нижнем белье, стараясь не дышать, пошёл, пока не дошёл до маленькой усадьбы. Хозяин уже хлопотал снаружи, и я рискнул обратиться к нему за помощью. Мир не без добрых людей, это так. Пришлось объяснить всю правду, и через полчаса я не только был одет в поношенную, но ещё крепкую одежду, но и накормлен, а в руках у меня был кусок бумаги с планом, как дойти до границы с американской зоной.

Граница была недалеко. Подходить к ней надо было осторожно, так как она охранялась день и ночь. На клочке бумаги были нарисованы стога сена, овраг, черная линия, обозначавшая границу, забор на той стороне оврага и стрелка, указывающая, где находятся две доски, висящие только на одном гвозде. Их надо будет раздвинуть, и я буду в американской зоне.

Казалось, это так легко сделать, что я даже начал колебаться – ведь я «сжигал за собой мосты». Уже в третий раз перехожу через границу. Может, правда говорят, что чёрт не так страшен, как его малюют? Может, что изменится, может, правители СССР образумятся? Но тут же я вспомнил, как однажды на мой вопрос, куда пропадают люди, прошедшие проверку СМЕРШа, моя майорша резко оборвала меня, сказав, что это не моё дело, все идёт по закону! Она предупредила меня, что такие вопросы могут довести меня до мест, «куда Макар телят не гонял».

Ну, что ж, уходить – так уходить!

От одного стога к другому переползал я, как показывали чёрточки на плане. Подполз к оврагу. Крутой, заросший кустами склон на этой стороне, ручей, забор. По ту сторону – молодые деревца, посаженные аккуратными рядами для предотвращения смыва почвы. Было бы неплохо сфотографировать такой удобный для перехода Рубикон, и сказать, как Юлий Цезарь: «Жребий брошен!» Жаль вот, что фотокамера осталась в той яме, которую я никогда не забуду.

Я начал спускаться вниз. Цепляясь за кусты, чтобы не соскользнуть и не полететь вниз на дно оврага, я осторожно спустился до большого булыжника, на котором можно было передохнуть. Тишина, никого вокруг. Я опустил правую ногу к корню куста и был готов спрыгнуть с камня, как вдруг в моих глазах что-то мелькнуло. Знакомая форма... Патрульный с автоматом наизготовку обходил свою зону. Застыв в неудобном положении – одна нога внизу, другая чуть ли не на уровне головы – я ждал, пока он дойдет до места, где овраг делает поворот. Да, он дошёл до поворота и... повернул назад. То же самое на обратном пути – поворот, и опять назад. Так продолжалось с час.

На тропинке появился велосипед, это ехал проверяющий посты на границе. Оба остановились прямо подо мной, и я молил судьбу спасти меня. Малейшее движение – начнет сыпаться галька, и я сразу превращусь в удобную мишень. Проверяющий посты тронулся, его велосипед

скрылся за поворотом, и я приготовился к худшему – больше выдерживать мое положение было физически невозможно!

Но шутки судьбы не всегда бывают злыми. Послышался зов уехавшего, и мой часовой-пограничник затрусил к зовущему и скрылся за поворотом. Не чувствуя онемевших рук и ног, словно булыжник, скатился я вниз. За ручьем был забор, в нем доска, которую надо было сдвинуть, и я сумел протиснуться в открывшуюся щель и начал подниматься по

склону, засаженному молодыми деревьями или кустами на американской стороне.

«Стой! Стой!» – раздался крик за моей спиной, несколько коротких очередей срезали кусты вокруг, но я уже достиг верха, и там, уже вне зоны обстрела, упал на землю, полностью обессиленный от всего, что только что произошло.

Если бы часовой рискнул подняться вслед за мной, он мог бы просто скатить меня обратно вниз без какого либо сопротивления с моей стороны. Я так лежал, пока не отошел от тонических судорог в икрах. Тогда только я смог подняться и побрести прочь от советской зоны.

Отойдя метров на сто, я остановился, повернулся и посмотрел на «ту» сторону. Там были «свои».

Пусть после победы над фашизмом они, перенёсшие всевозможные трудности и страдания от этой дьявольской силы, ненавидели меня за то, что я решил «из двух зол выбрать меньшее». За то, что я присоединился к людям, не согласным со Сталиным, не согласным с коммунизмом, готовым отдать свою жизнь за освобождение Родины от ига НКВД.

Пусть они и ненавидят таких, как я, в своём, может быть, временном ослеплении. Но всё же они СВОИ! Я принадлежал бы той стороне, даже в Гулаге, куда меня бы, конечно, сослали, если бы не расстреляли до этого. Там я был бы словно в своей семье, хоть и с плохими родителями.

У меня стоял ком в горле, и что-то вроде слёз стекало по моим грязным щекам.

Ведь не мог я знать, даже надеяться, что через 47 лет на таких, как я, будут смотреть по-другому. И что совсем по-другому будут оценивать роль в трагической истории России тех людей, против кого я хотел бороться всей своей душой и совестью.

КЕМ БЫЛИ МЫ, СОБРАВШИЕСЯ ТОГДА ПОД БЕЛО-СИНЕ-КРАСНЫМ ФЛАГОМ – ТЕМ ЖЕ ФЛАГОМ, КОТОРЫЙ РАЗВЕВАЕТСЯ НАД НАШЕЙ РОДИНОЙ ТЕПЕРЬ – ИЗМЕННИКАМИ ИЛИ ПАТРИОТАМИ?

Часть III.ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ.

ГЕРМАНИЯ (АМЕРИКАНСКАЯ ЗОНА)

Тысячи и тысячи людей стали «невозвращенцами». Невозвращенцы – это те, кто по каким-либо причинам не хочет возвращаться домой, в свои родные места, в районы под властью Советов.

Нас зовут «ДИ-ПИ» (*D.P.*) – по английскому сокращению термина «*displaced persons*» – перемещённые лица. Живём мы, по сравнению с условиями плена или принудительных работ как «унтерменши» под наблюдением иногда очень жестоких хозяев – просто прекрасно!

Люди разных национальностей, за исключением русских, почти все быстро устроились на работу в американской армии в качестве шофёров, поваров, уборщиков и даже заведующих подсобными хозяйствами (если они владели английским языком).

Русские же, вначале, чувствовали себя просто хозяевами положения как соратники по борьбе против нацистов, фашистов, Гитлера и т.п.

Американцы души в нас не чаяли!

Таким я был в послевоенной Германии

Снабжали сигаретами, пивом, одеждой, обувью и жильем в свободных казармах. Мы же друзья! вместе победили фашистского гада! «Папаша Джо» (то есть Сталин) – наш друг!»

Так продолжалось до того дня, когда по договору, подписанному в Ялте во время встречи Черчилля, Рузвельта и Сталина в 1945 г., началась РЕПАТРИАЦИЯ бывших советских граждан. Не мне, кому судьба помогла избежать репатриации, описывать её ужасы. Скажу лишь одно – многим русским пришлось поступиться своей национальной гордостью и превратиться с помощью друзей – кому в поляков, кому в украинцев – польских подданных, а кому и вовсе в «старых эмигрантов-нансенцев» (т. е. в лиц без гражданства).

Все мы ждали чего-то! Образовывались разные группировки, с разными идеями. Мне кажется, что сумевшие уцелеть офицеры и солдаты РОА всё ещё не теряли надежду на возможность примкнуть к американцам, как только они убедятся, что им с Советами не по пути!

В 1947 или 1948 году группа бывших власовских офицеров организовала «Союз Андреевского Флага» («САФ»), и я вступил в Союз. (Моё членское удостоверение под номером 00077, сохранилось у меня до сих пор!)

СОЮЗ
АНДРЕЕВСКОГО ФЛАГА

УДОСТОВЕРЕНИЕ

№00377

ФАМИЛИЯ Дубалис

ИМЯ Зигмунд

ОТЧЕСТВО

ДАТА РОЖДЕНИЯ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

ЧИН Лейтенант

НАША ЦЕЛЬ — свобода и процветание нашей Родины.

НАШ ВРАГ — коммунизм во всех его проявлениях.

НАША СИЛА — в идее, организованности и подчинении личных и национальных убеждений делу борьбы и победы.

НАША ЗАДАЧА — бороться с коммунизмом всегда и везде словом, делом и если нужно — оружием.

НАША ТАКТИКА — бить врага всем вместе, в одно время, дружно, согласованно и крепко.

ГОЛОС ПОГУБШИХ ЗОВЕТ НАС НА ПОДВИГ.

Моё удостоверение члена «Союза Андреевского Флага»

Мы собирались у одного из активистов САФ на его квартире в предместье города Эрлангена, обсуждая наше возможное будущее. С помощью его супруги, переводившей с английского на русский язык радиопередачи для американской армии, мы знакомились с новостями мира. Увы, в них не было ничего утешительного для нас. Мы

уже давно были заклеймены нашей Родиной как предатели. На Родине нас ждали только для суровой расправы.

Для того чтобы отметить годовщину «Союза Андреевского Флага», мне поручили найти подходящее помещение, где могли бы собраться более двухсот человек.

Вспомнил я, что в Эрлангене была гостиница «Золотое сердце». Там я познакомился с очень миловидной девушкой восемнадцати лет. Знакомство с ней произошло при интересных обстоятельствах. Одной из моих обязанностей у американцев была доставка всевозможного продовольствия для базы из армейского склада в городе Нюрнберг.

На шеститонной машине раз в неделю, а то и чаще, отправлялся я с заказами на склад. Там работали русские или украинцы, говорившие по-русски. Они нагружали мой грузовик всяким добром. Я за него расписывался и вёз на базу.

Надо упомянуть, что у американцев было всё, что можно только себе вообразить, кроме свежих яиц. Их было слишком канительно привозить из Америки! В столовой жарили замечательную яичницу из порошка, но для солдат это было «не то». И вот одной из моих хозяйственных функций стал обмен сигарет и шоколада на свежие яйца. Получив несколько блоков сигарет «Лаки Страйк» или «Кэмел» и коробку или две шоколада, я отправлялся в близлежащие деревушки и обменивал всё (или почти всё – ведь у меня тоже были знакомые и подруги!), на коробки с яйцами – их заранее готовили к моему прибытию. И вот, в один из визитов на склад, намекнул я ребятам, погружавшим товар, что парочка цилиндров из нержавеющей стали, наполненных сливочным мороженым, могут быть мне полезны. При проверке груза заметил я, что не пара, а целых шесть таких цилиндрических посудин, по двадцать литров каждая, не упомянутых в накладной, приютились в углу кузова грузовика.

Что с ними делать?! Растают же!!!

Вёл я грузовик домой и перебирал в уме возможные варианты, как отделаться от этого мороженого, чтобы не «засыпаться».

Посещая часто Эрланген, заходил я в ресторан «Золотое сердце» поиграть в шахматы с местными любителями этой игры. Очень милая, но абсолютно не доступная официантка (дочь владельцев ресторана), привлекла мое внимание. Вот и созрел у меня коварный план – как повысить мои шансы в этом знакомстве. Остановив грузовик

прямо в воротах, ведущих во двор ресторана, без лишних объяснений я выгрузил четыре цилиндра с мороженым и уехал. Оставшихся два были отгружены у знакомого фермера, а то, что положено, – на базе.

Дня через два я посетил «Золотое Сердце» снова. Жена владельца ресторана сразу же обратилась ко мне с вопросом, что делать с мороженым – оно стоит на льду в подвале. После моего объяснения, что это просто подарок, она пришла в недоумение – с какой стати такой подарок? Пришлось уверять, что мой дар бескорыстен. «Ну, спасибо, – проговорила, наконец, рестораторша. – Это будет как раз кстати. Мы отмечаем день рождения нашей дочери на следующей неделе. Просим Вас в гости».

А, вот это-то мне и надо было!

В столовой, на базе, работал немец-кондитер. С разрешения шефа столовой для меня был приготовлен торт, какого я в жизни не видел! Что-то совершенно неописуемое по величине, красоте и содержанию!

На празднование дня рождения я не попал. В тот день мне пришлось везти команду американцев-футболистов в город Нюрнберг. Когда через несколько дней забежав в тот дом, куда меня давно уже тянуло (по причине, мне самому не совсем понятной), меня угостили ломтиком торта, сохранённого специально для меня на льду вместе с мороженым. Тогда я понял – случилось то, чего я и добивался! Устоять перед таким лакомством не смогла бы ни одна девушка. Труда (то есть Гертруда) – так звали девушку, взаимности которой я добивался – стала смотреть на меня более благосклонно!

Несколько месяцев ухаживания были мне очень непривычны, но, каждый раз, когда моё самолюбие говорило мне: «Бросай, найдёшь себе другую!», что-то заставляло меня опять встречаться с этой милой девушкой, совершенной недотрогой.

Однажды, потеряв терпение и набравшись решимости, я сделал отчаянный шаг. За чашкой чая, так, словно между прочим, я спросил Труду, согласна ли она стать моей «*Hausfrau*», то есть женой? После двухминутного раздумья она хладнокровно ответила: «Да!»

Этот лаконичный обмен словами связал меня и Труду на всю жизнь. Кажется, только после брачной ночи сказали мы друг другу: «Я люблю тебя!..» Хотя и до этого мы и так знали об этом.

Труда в юности

Вот только как быть с её родителями? Согласятся ли они?

Тут я пошёл в обход! Отец Труды был сильным шахматистом и играл в шахматы регулярно, как принято у немцев, по пятницам, когда местные игроки собирались померяться силами в этой благородной игре за кружкой пива.

В одну из таких пятниц, глядя через его плечо, заметил я подвох со стороны его противника и (игра была неофициальная) посоветовал ему ход, который защитил бы его позицию. Гордо отказавшись от помощи, он потерял партию. После очередной кружки пива мне было предложено сыграть с ним. Бой был нелёгким, но я выиграл. По правилам игры проигравший ставил пиво. Его подала Труда, она сверкала глазами от гордости, что я победил.

Это придало мне решимости и я, неожиданно, попросил у отца руки его дочери. Опешив, он спросил, что на это скажет Труда? Когда я его заверил, что она уже согласилась стать моей женой, ему не оставалось ничего другого, как сказать, что он готов обдумать эту ситуацию.

Теперь я поставил мое условие: «Жена должна принести в семью столько, сколько принесу я». «Ну, этого я не могу обещать, не зная Вашего со-

стояния», – с облегчением сказал отец Труды. «Папаша! – серьёзно объявил я, – у меня нет ничего!»

Несмотря на протесты родителей против моего условия и на категорический запрет выходить замуж за русского её очень богатой тетки, проживавшей в Швейцарии (после нашей свадьбы она вычеркнула Труду из завещания), была назначена свадьба – на 22 июня 1948 года. Это роковая для меня дата: день смерти матери, день начала войны и... день потери мной «самостоятельности».

Всего за две недели до свадьбы, как снег на голову, на всех нас в оккупированной Германии свалился закон о денежной реформе. Все деньги, накопленные мной с помощью моей коммерции (обмен сигарет, кофе, шоколада и т. п.), превратились в кучу бумажек, на которые купить чего-либо к свадьбе уже было нельзя!

Всеми правдами и неправдами удалось организовать стол на несколько гостей, пусть и довольно-таки скромный. У нас у всех было по сорок «новых» немецких марок. За церковную церемонию заплатил отец невесты из своих сорока марок (сумма, которую получил каждый взрослый или ребёнок после реформы), а обручальные кольца были подарены нам моим другом Эрнстом Штреземаном, который стал моим шафером.

Эрнст отказался носить оружие во время войны по своим убеждениям. При этом он был санитаром на фронте в 1944–45 годах и бесстрашно выносил раненых из-под огня.

Он вообще принимал участие во многих моих отчаянных предприятиях. Мы подружились с ним у американцев. Он, будучи студентом-медиком, работая библиотекарем в армейской библиотеке, развивая, по мере возможности, умы американских солдат.

Не подумайте, что солдаты стояли в очереди за книгами, у них превалировали другие интересы. Бар, бильярд, кино и кафе с уймой белокурых женщин, готовых на всё ради того, чтобы заработать на еду для своих голодных детей (это было до денежной реформы)...

Имея много свободного время, Эрнст буквально «закапывался» в свои учебники, готовясь к экзаменам. Зайдя однажды в библиотеку, увидел я его, бледного как смерть, распростёртого на столике, за которым он всегда сидел... Как я потом убедился, несмотря на его уверения, что он только задремал, молодой студент просто изголодался до такой степени, что у него не хватало сил вы-

сидеть положенное время в библиотеке. Раньше это мне и в голову не приходило – права пословица: «Сытый голодного не разумеет!»

Понемногу я начал подкармливать этого молодого человека, спасшего мне жизнь лет через двадцать. Но об этом позже! Став приятелями, мы часто беседовали у него в библиотеке. В одной из бесед, рассказывая о мотоциклах, на которых я ездил до и во время войны, я высказал надежду достать такую машину. Оказалось, что у Эрнста было много влиятельных знакомых, его дядя Густав Штреземан был рейхсканцлером и министром иностранных дел в период Веймарской республики. Один из родственников Эрнста был владельцем завода в Нюрнберге, выпускавшего для германской армии мотоциклы марки «Цундап». Созрел план! Хотя завод и был временно закрыт американцами, но на нём оставалось ещё довольно много запчастей, из них можно было собрать мотоцикл с коляской.

В те дни настоящий кофе был на вес золота. У моих американцев его было – хоть отбавляй. Но как его вывезти с базы, чтобы не быть пойманным и уволенным?

Голь на выдумки хитра! Мне помогла моя русская смекалка! Мой план операции «Кофе за мотоцикл» был обдуман тщательнее, чем все знаменитые ограбления пирамид египетских фараонов.

Эрнст приезжал на работу на маленьком мопеде – велосипеде с маленьким мотором. Проезжая через КПП, он приветствовал дежурного солдата на английском языке, иногда обменивался с ним шутками. При выезде – то же самое. Солдаты пропускали его без проверки, только махнув рукой.

Утром, в обед и после ужина, под моим руководством заваривался свежий кофе для солдат. Огромная полевая кухня-котел вмещала около пятисот литров. В этот котёл я закладывал положенное число мешочков из марли с перемолотым кофе. Вынимая 3-4 мешочка пораньше, я сохранял их для следующей заварки, таким образом, я мог сэкономить кофе для моего плана. Он был прост и надёжен! Вынув из пуленепробиваемого жилета наполнитель и заполнив образовавшееся пространство свежим кофе в мешочках, жилет можно было одеть на худенького Эрнста, вывозившего «товар» с базы под носом дежурных солдат без препятствий.

Только в самый последний раз, когда мы уже вывезли кофе уже даже больше обговоренного количества, солдат на вахте дружески приблизил-

ся к Эрнсту и, шутя, начал хлопать его по спине ладонью. Марлевый мешок внутри жилета не выдержал такого обращения и лопнул!

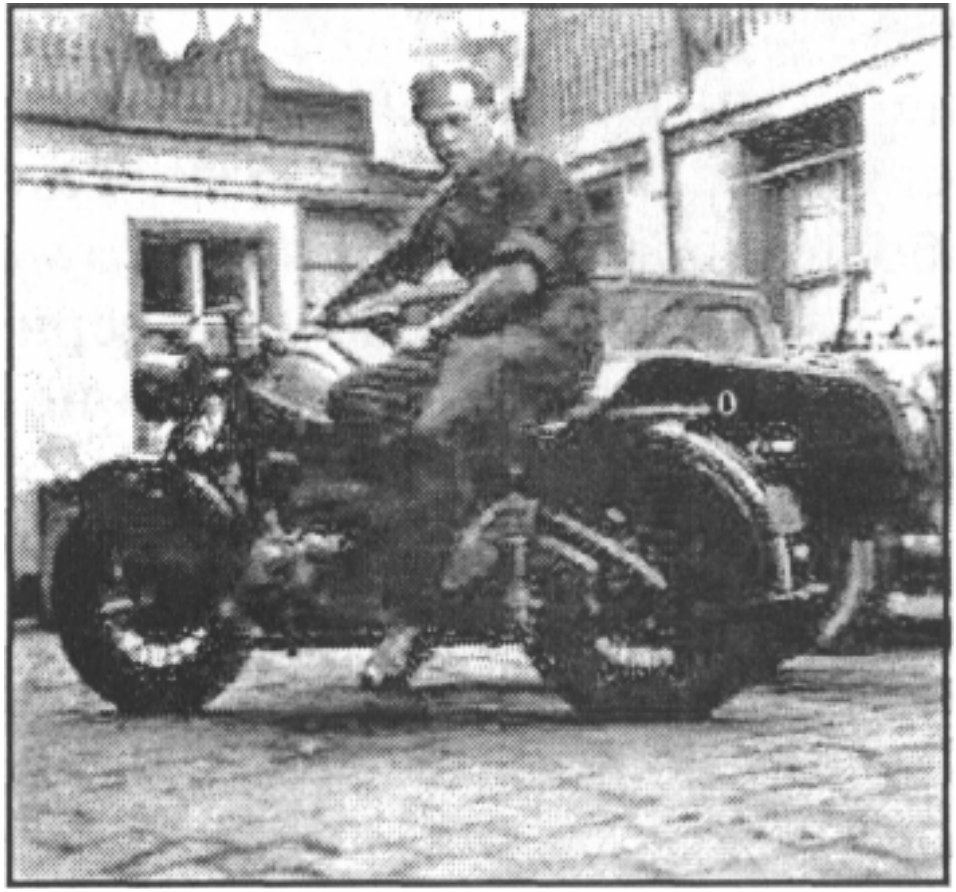
Запах кофе ударил постового по ноздрям, и он начал вертеть головой, стараясь понять, откуда так хорошо пахнет. Эрнст сообразил, что дело дрянь, газанул и выехал с базы. Солдат долго ещё стоял, нюхая воздух со смешанным ароматом кофе и вони бензина с маслом.

Через пару дней новенький «Цундап» с коляской был зарегистрирован (с помощью того же кофе), и он служил мне верой и правдой до тех пор, пока не пришлось его продать.

Так крепла наша дружба с Эрнстом. Узнав о моей свадьбе, он сам предложил позаботиться об обручальных кольцах. Только потом узнал я, что для этого он пожертвовал своей последней ценностью – золотой цепочкой, подаренной ему матерью.

Подарок этот является высшим символом Христианского Прощения.

Его мать, врач по профессии, как и сын, пацифист по убеждению, ухаживала за ранеными – как немцами, так и русскими – в дни взятия Берлина. На второй день после водружения красного флага над Бранденбургскими воротами в подвал с



Это тот самый «Цундап», купленный на ворованное кофе

тяжело ранеными зашла группа красноармейцев (не могу сказать, что они были русскими, но это были советские солдаты). Увидев ещё не старую ещё женщину-немку, красивую и стройную, они, не задавая каких-либо вопросов, в течение нескольких часов насиловали её по очереди, превратив почти в труп.

Она выжила, чтобы рассказать сыну о случившемся, но вскоре после того случая умерла. Я иногда смотрю на мое кольцо и чувствую себя как бы виноватым!

Приближался день свадьбы! В тот «роковой» день, отгладив мой чёрный костюм, сшитый местным портным за (ну, конечно!) американский кофе, покатил я на велосипеде в Эрланген.

Ехал я не один. Красивая девушка-венгерка, тоже «*D.P.*», из деревушки по соседству с базой, которую я часто посещал в свободное время, ехала рядом со мной, и её глаза были полны слёз! Она уговаривала меня вернуться в деревню и повенчаться с ней, а не с «какой-то» немкой.

Да, читатель, поверить этому трудно, но я объясню. Тогда я был ещё молод и не так безобразен, как теперь. Флиртовал с девчонками, как полагается по возрасту, и был знаком с двумя сёстрами, венгерками. Я флиртовал с ними обеими и чуть ли не влюбился в одну из девушек. Но когда я познакомился с Трудой, то забыл о них.

Мне и в шахматы надо было играть, и мороженое развозить. Сердце мое, как компас, показывало кратчайший путь к «Золотому сердцу», и мне было не до заезда в какие-то ещё деревни.

Мы с Трудой после венчания

Но слух дошёл до моей бывшей симпатии, а терять меня насовсем ей, видимо, не хотелось. Вот и решилась она на последнюю попытку вырвать меня у соперницы. Ну, просто роман!

Не помню, что я ей говорил, но подъехал я к дому моей невесты уже один, хоть и со смешанными чувствами.

Обряд в лютеранской церкви (поскольку я был воспитан вне религии, мне это было всё равно) прошел очень прилично, кроме громкого всхлипывания под конец церемонии – в заднем ряду плакала моя венгерка!

После свадьбы дела пошли по-другому!

Появилось чувство ответственности. Надо было подрабатывать для того, чтобы жить вдвоем и не просить помощи от родителей жены. Сколько раз, чуть не умирая от желания покурить, я запрещал Труде идти вниз (у нас была комната в доме её родителей на втором этаже) и просить папиросы для меня. Нет, так нет! Унижаться не надо!

Удалось устроить жену на работу в столовой, где я работал. Я заправлял заваркой кофе и складом, она мыла чашки.

Мои друзья-американцы нам с Грудой в день нашей свадьбы подарили дружеский шарж

На работе можно было поесть вдоволь, благодаря тому, что блюда готовились для солдат, которые часто не приходили на обед. Но взять что-либо домой было нельзя. Всё выбрасывалось во избежание воровства (не проверять же на вахте каждую сумку и мешочек – остатки еды там или что запрятано между ними). Только с помощью поляков, служивших охранниками базы, удавалось мне иногда перекинуть через забор то банку с тушонкой, то мешок сахара или муки. Добыча обменивалась в деревнях на более разнообразные продукты, вот таким образом и поддерживалось наше существование. Оставалось и для её родителей, сестёр и братьев. Жили мы дружно!

В соседней к базе деревне я снимал маленькую комнату. У окна стояла огромная глиняная посудина, которая была наполнена «законсервированными» яйцами. Да, Труда достала какой-то порошок, мы разводили его в воде и заливали заложенные в этот горшок яйца. Чуть ли не целый год у нас был запас «свежих» яиц. По выходным мы забирались в мою комнатушку, поджаривали дюжину яиц, пекли лепешки, запивая всё это американским кофе! Потом... мы забывали обо всём, что происходило за стенами нашей каморки.

Однажды, ко дню первой годовщины нашей свадьбы, собрались мы провести вечер в нашей уютной комнатке, полный романтики. Как и полагается, запасся я для этого дня такими яствами, как шоколад, пряники, конфеты, сливки к кофе и подарок для жены – зеркальце и гребешок в очень красивой коробочке. Всё это достал для меня знакомый американец, которому я чуть не сломал шею, обучая его приёмам борьбы без оружия.

Пришли мы в наш уголок, помыли руки, накрыли столик чистой скатертью, и я полез в сундук, стоявший в коридоре, за угощением.

Ага! Коробочка! Подаю её жене и слежу за её выражением лица. Понравится ли подарок?

Вижу, её физиономия выражает недоумение! Подхожу ближе, чтобы объяснить, что это прислали из Америки, новая мода, такого она ещё не видела. Смотрю – коробка пустая! С чувством растерянности лезу опять в сундук и нахожу только пустые упаковки от спрятанных туда яств!

После расспросов у хозяйки дома нашлась одна только гребёнка. Зеркальце и все яства как в воду канули! Она привела мальчишку-сына, смотревшего на нас, как собачонка, которую вот-вот прихлопнут. Ну, все стало понятным. Я загрузил сундук, а он «разгрузил» его. Каждому

хочется хорошенького и сладенького, а тем более – десятилетнему пацану! Вот тут-то наш яичный запас и выручил нас. После обильной яичницы, вдоволь насмеявшись над случившимся, мы заснули.

Как фотограф-любитель начал я заниматься фотоснимками во время «*фашингов*» – немецкого праздника вроде русской масленицы. Большой зал, наполненный немцами, наполненными пивом. Они поют, танцуют, обнимаются и целуются. Каждому и каждой хочется сохранить эти весёлые моменты на память. Нужен фотограф! Нужны фотоаппарат, фотобумага, освещение для съёмки в полутемном зале. Где это найти?

Вот тут то и сработала моя жилка частника-предпринимателя, которую я развил, общаясь с американцами.

Обсудив с женой возникшую идею, мы отправились на нашем «Цундапе» в последний рейс к её знакомым за только что поспевшими вишнями. Вернувшись домой и, отполировав нашу машину до блеска, чуть ли не со слезами на глазах позвонил я знакомому немцу, давно уже умолявшему нас продать ему наш мотоцикл.

На вырученную сумму закупили мы всё необходимое для маленькой фотостудии. В одном углу родительского дома была тёмная каморка. Её я превратил в тёмную комнату для проявления фотопленки и печатания фотографий. После того, как были выставлены в окне ресторана портреты всей семьи, пошли заказы, Пришло предложение фотографировать на танцах, свадьбах, *фашингах*. Дело пошло в гору!

Но не суждено было мне стать знаменитым фотографом в Германии. Причин к тому было несколько. Мой друг Станислав давно уже уехал в Англию работать на шахте. Бывший мой командир, Феофанов, как-то узнал мой адрес и объявился одним днём в доме родителей жены. После того как ознакомился с моими условиями жизни, им было мне предложено... фотографировать и печатать порнографические сюжеты для продажи солдатам Красной Армии в Берлине (это, якобы, было нужно для установки контактов с целью шпионажа). Другой «случайный» знакомый начал просить у меня дать ему список всех членов «Союза Андреевского Флага» и других знакомых, бывших в Армии Власова – за хорошее вознаграждение, разумеется! Запахло «жареным»!

Всё это так сгущало обстоятельства, уже обострённые охлаждением «дружбы» между Сове-

тами и Америкой, что мне стало ясно – надо уезжать из Германии!

Об этом я часто говорил с женой и объяснял ей, что жить с немцами мне не по нраву. Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, был случай во время снимков на танцах, приносивших мне хороший заработок.

Подвыпивший верзила-немец подзывал меня сфотографировать его стол и сидевших за ним его друзей. Выполняя заказы предыдущих клиентов, танцевавших вблизи, я задержался.

Пинок в левое бедро чуть не свалил меня с ног. Обернувшись, я увидел перед собой нахальную харю немца, избалованного привычкой командовать. Забыв себя от гнева, я ударил его в челюсть своим «блицем» – лампой магниевой вспышки. Этот «блиц» я сконструировал сам, купить такое было невозможно. Он был сделан из куска тяжёлого углового железа и весил около двух килограммов. Ударивший меня лежал ничком с окровавленным лицом, и только вмешательство нескольких знакомых мне американцев с базы, бывших на этих танцах, спасло меня от расправы его приятелей.

Придя домой, я сказал жене, что мы уезжаем, куда глаза глядят. Посмотрев на меня ласковым взглядом, она, без лишних вопросов, сказала просто: «Я согласна».

Возможностей было хоть отбавляй! Англия, Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Франция и Канада – все они нуждались в рабочей силе. Вопросами трудовой эмиграции занималась *UNRRA* – Администрация Объединённых Наций по вопросам помощи и восстановления. Надо было пройти медосмотр (никто не хотел набирать туберкулёзников или больных венерическими болезнями), проверку национального статуса (хотя на это теперь уже смотрели сквозь пальцы) и регистрацию по профессии.

Я уговорил жену ехать в Канаду – просторы, снега, леса!.. Фальшивые документы были оформлены друзьями-поляками. Будучи молодыми и здоровыми, мы спокойно ждали ответа на нашу анкету, поданную в местное бюро *UNRRA*.

Пришло приглашение на собеседование, пришло даже чересчур быстро.

Дело в том, что я посещал вечерние курсы университетского уровня и надеялся получить диплом инженера-строителя, с которым, казалось, моя жизнь будет обеспечена. Эти курсы, преподавателями которых были изголодавшиеся, но очень умные немцы (дооккупационная профес-

сура, педагоги институтов, разрушенных бомбёжкой, академики и мастера архитектуры), были созданы как частное предприятие группой людей, не сдававшихся перед голодом, холодом и нищетой, господствующими тогда в послевоенной Германии. Нужно сказать, что и большинство студентов (человек тридцать) были тоже такими же. Мы не только учились, а и подкармливали наших учителей, кто чем мог. В наши сумки с тетрадями мы упаковывали всё, что могли достать или на черном рынке или просто «организовать» у американцев. При входе в классное помещение стоял ящик из фанеры, в который мы «разгружали» наши сумки. Колбаса, изготовленная под страхом штрафа знакомым фермером, свежий хлеб, сигареты, шоколадки и пончики, сахар и кофе, мыло или просто связка американских оккупационных купюр – всё это делилось между собой самими педагогами, и никто из них не знал, от кого пришла эта помощь. Кроме кофе! Это было зимой. Холодно и темно. Через КПП выезжает знакомый «Цундап» (тогда он у меня ещё был). На машине сидит знакомый парень из кухни при столовой. Ну, чего там проверять... Вахтёр машет рукой, и я, одетый в огромную шубу из овечьей шкуры, с воротником, как труба, просто задыхаюсь от кофейного аромата, исходящего из того же (бывшего) пуленепробиваемого жилета, с помощью которой мой друг Эрнст заплатил за мой мотоцикл. Сидя за партой в классе, я продолжал издавать этот дурманящий аромат, от которого у немцев кружилась голова. Все знали – если кофе, то это я постарался. Но, должен сказать, никто не предложил мне диплом досрочно в обмен на эту роскошь. Жаль! Пригодился бы!

Учиться было трудно. Нетопленное помещение, все сидят в шубах или в пальто и шалях. Поздно уже! Половина студентов дремлет, другая – что-то записывает, копируя с доски непонятные формулы и вычисления и со страхом думая об обратном пути домой. Некоторым, как и мне, приходилось преодолевать десятки километров до места их жительства. На моей машине я мог подвезти двоих (женщина в коляске, мужчина позади меня на седле). Другим приходилось добираться до дома в снегу по колено, в снежную бурю, ветер и слякоть, опасаясь и насилия бродяг, и ареста военной полицией за блуждание по ночам.

Было трудно! Но... учились!

И вот эту мою попытку сделаться «интеллигентом», получить высшее образование, пришлось прервать.

Мы с женой зашли в здание, где проходили собеседования с подавшими заявления на выезд. Читая надписи на незнакомом для нас языке, переступили мы через порог комнаты, где сидел клерк – представитель страны, приглашавшей нас к себе на работу.

Повертев наши бумаги (а на моей было написано: «...посещал Высшие курсы по строительству подземных и наземных сооружений») и усмехнувшись, клерк стал говорить о том, как хорошо жить в его стране: тепло, пальмы, всего довольно, суровых зим не бывает!..

Переспросив его насчёт отсутствия зимы, мы поняли, что ошиблись адресом. Это не Канада, вход в представительство которой был на другой стороне коридора, а Австралия. Ухватив меня за рукав, уговорила меня жена поменять снежные склоны канадских гор на «банановo-лимонную» утопию Австралии. Спасибо ей за это! Нам повезло!

Через пару месяцев мать и отец Труды стояли в воротах «Золотого сердца» и махали платочком вслед исчезающей за поворотом телеги с двумя будущими австралийцами и их скудным скарбом, состоявшим из нескольких смен постельного белья, оставленного мне американцами и шести серебряных ложек с монограммами семьи жены. Кроме скудного запаса сигарет и сэкономленных двух английских фунтов стерлингов у нас не было ничего.

После всяких проверок, размещения в бараках на несколько суток и прививок, нас погрузили на поезд и повезли в итальянский порт Неаполь. В ожидании погрузки на один из зафрахтованных *UNRRA* теплоходов, мы были размещены в городке Капуа. В нашей палатке была ещё одна пара, молодожёны Владимир и Мария Богачёвы.

Уроки английского языка занимали утреннее время, а вот после очень скромного обеда в столовой лагеря, с какой-то «злобой» в желудке, Мария и я оставляли Труду и Володю зубрить английский и австралийскую Конституцию, а сами отправлялись на добычу любого съестного.

Мы обменивали на продукты разные вещи из нашего скудного скарба, в том числе обменяли мой старый серый шерстяной костюм (в Австралии ведь тепло!). Особенно хорошо шли «бриллианты» из брошки, купленной на барахолке за бесценок, их мы продавали или обменивали лишь

по одному в день, чтобы не «обесценивать» их, предлагая сразу дюжину. Эти блестящие камешки так охотно обменивались итальянцами на продукты или вино, что, продав их так легко, мы стали раздумывать – а не были ли они и вправду настоящими бриллиантами? СпекулянтыИтальЯнцы понимали в этом деле больше нас, не видавших много бриллиантов в нашей скромной жизни. Ну, теперь жалеть нечего, а тогда, наша четвёрка попивала кисловатое вино и закусывала простой, но вкусной ерундой. По тем временам это что-то значило!

Пришёл день погрузки! Вот и теперь вспоминаю, с каким чувством веры в наше будущее разгуливали мы по палубе. Золотая наша молодость! Любое облачко на горизонте представлялось не более чем пустяком – по сравнению с тем, что нами уже было пережито.

А облака на нашем южном небосклоне появились скоро! Женщин и мужчин поместили в разные трюмы. У немногих счастливчиков, которым достались двухместные каюты, была возможность как-то встретиться со своей «половиной» в продолжение тридцатидневного плавания. У спавших в раздельных трюмах парах появилась бессонница, и они подтверждали свою верность друг другу ночами под открытым небом – в спасательных лодках или между надстройками и трубами.

Завтрак был простым, но вкусным: каша, свежий хлеб, повидло и масло. Обед и ужин были обильными. Пока не испортился холодильник, и весь запас мяса не стал попахивать. Жалобы не помогали. Неисправность была серьёзной. Из-за нескольких необузданных «элементов», дело чуть не дошло до бунта. Спасла положение буря!

Она швыряла наш корабль несколько дней с одного борта на другой. Почти все взрослые лежали плашмя в трюмах, не думая о пище. Почти все – кроме одного поляка, профессора литературы, и меня, «опытного мореплавателя». Детей эта качка не очень беспокоила, им было даже интересно ходить чуть ли не по стенам, когда волны накреняли корабль. Дети не так страдали от морской болезни, как взрослые. Я выполнял обязанности помощника в детской столовой, и мне приходилось бегать по корабельным трапам, как обезьяна, забирая ребят от обессиленных родителей. А после столовой я возвращал детей назад по палубам или кабинам. Однажды меня так покачнуло, что я потерял равновесие и покатился по крутой стальной лестнице вниз, в трюм. Если кто

из вас так падал – объяснять Вам не надо. Сами знаете. А вот тем, у кого такого опыта нет, объяснить нельзя. Просто не поймут, как чувствует себя человек, у которого всё его тело покрыто сплошным синяком.

Столы в столовой накрывались регулярно, несмотря на погоду. И то, что оставалось не тронутым, всё выбрасывалось. Мой напарник по столовой и я выбирали самое лучшее и медленно, но уверенно, уплетали по несколько порций каждый. Не всё было плохо на пути к тому месту, куда нас влекла надежда!

При входе из Средиземного моря в Суэцкий канал, в Порт-Саиде, наш теплоход облепили сотни маленьких лодок, нагруженных коврами, египетскими фесками и тапочками, изделиями из листовой меди. Торговля велась не совсем обыкновенным способом. От палубы до воды было метров тридцать, по-арабски или по-английски говорили из нас немногие, товар было плохо видно, а покупать «кота в мешке» не хотелось. Появились бесконечные верёвки, которыми мы поднимали на палубу предложенный товар. После отчаянной торговли с обеих сторон с помощью знаков пальцами, руками и головой мы или отсылали товар назад или вкладывали деньги в укреплённые для этого на верёвке мешочки. Вся эта ярмарка происходила на фоне бесконечных знойных песков со стороны пустыни и такого галдежа со стороны лодок с арабами, что у нас болела голова до самого перехода экватора. Если к тому прибавить рёв загружаемого скота (для пополнения испорченных запасов мяса), то всем будет понятно, что истерика рок-н-ролла по сравнению с тем «музыкальным» сопровождением звучала бы как колыбельная.

Мы подходили к экватору! Теперь, после многочисленных перелётов этой воображаемой линии, этот момент не вызывает у меня особых эмоций. Тогда же для всех пассажиров парохода момент казался интересным.

Через палубные леера перевешивались, чуть не падая за борт, те, которые надеялись увидеть какую-то полосу на воде, переход которой будет означать, что мы начинаем ходить «вверх ногами». На верхней палубе проходила церемония, посвящённая этому переходу, и каждый из нас получил на листке блокнота свидетельство о переходе экватора. – «тогда-то и в такое время».

Подули холодные ветры (был ноябрь), но солнце всё ещё просвечивало через проходившие над нами тучи. Опять те, кто не очень страдал от

качки, вдыхали солёную влагу и всматривались в даль, дабы не пропустить берега Австралии. Мы были как в трансе: дельфины, какой-то вид китов, летающие рыбы и по ночам серебряный блеск светящегося планктона! Не хватало только морских русалок, но нам их обещала, добродушно подсмеиваясь, команда судна. «Вот доплывём до Австралии – тогда увидите такие вещи, что и во сне не снилось!» – говорили они нам.

Понимаете ли Вы, читатель, с каким нетерпением ждали мы высадки на берегу нашей судьбы?!

Пришвартовались мы к причалу Фримантла (аванпорт г.Перт) в полдень. Особенного восторга от серых построек-складов мы не ощутили. Сойти на берег было нельзя. Набрав свежей воды, фруктов и продовольствия, в тот же вечер мы пошли курсом на Сидней. Опять несколько дней морского ландшафта, дельфины, качка – и мы подходим к гавани Сиднея. Вот тут-то и забились наши сердца быстрее!

АВСТРАЛИЯ, АВСТРАЛИЯ!..

Тогда, в 1949 году, Сидней не был так красив, как сегодня. Но хорошо защищённая гавань, зелень его садов и голубизна водного пространства, по которому скользили, как водяные букашки, яхты и парусные лодки всех сортов и размеров – всё это было так прекрасно, что мы вздохнули, как вздыхают, придя домой.

Пройдя таможню, сели мы на поезд, который привёз нас в местечко Бэдхорст, в бывшие, теперь пустующие, военные лагеря. В огромных бараках, без каких-либо перегородок, помещались молодые пары только что приехавших переселенцев, соскучившиеся друг по другу (по ночам барак трясло, как во время землетрясения). Мы чувствовали себя совсем, как дома. Грусть по Родине ещё не начала проявлять себя. Всё новые впечатления оттесняли её на «потом». Огромные сосиски с луком и картошкой на завтрак, хлеб с маслом и вареньем, или ни кому из нас ещё не известная, но довольно вкусная коричневая размазня «*Веджемайт*», чай или кофе к обеду. На ужин почти то же самое, но двойные порции мяса, фрукты и печенье или мороженое.

Всё это заполняло наши желудки до тех пор, пока не приелось. Мы стали стараться разнообразить дневные меню своими собственными средствами. Те, у кого были доллары или немецкие марки, пускали их в оборот. Те, у которых их не было, ухитрялись их зарабатывать. Играли в кар-

ты, давали частные уроки английского языка, математики и других отраслей наук.

Мне, как ни к чему не способному, пришла в голову мысль: почему бы не пустить в ход мою, всё ещё упакованную в ящике фотостудию?

Широкие шерстяные одеяла (служившие нам по ночам и защищавшие нас от морально-негативного влияния наших соседей по кроватям), спускались с кровати до пола, образовывая, таким образом, тёмную «комнату» под кроватью. Там, лёжа на животе, я проявлял плёнки, накопившиеся у всех нас во время плавания от Европы до Австралии. У меня была и фотобумага, и увеличитель, и я делал очень приличные фотографии чуть ли не за полцены австралийских фотолабораторий. Помню, как на первые десять австралийских фунтов, заработанных мной «под кроватью», купили мы новые туфельки для Труды, а на остатки побаловали себя и двух наших друзей посредственным кофе и мороженым.

Нас скоро распределили по контрактам, которые мы подписали ещё в Германии. Два года отработать на месте, куда нас назначит Правительство Австралии, было нашим обязательством, как бы возмещавшим Австралии стоимость нашего переезда и устройства на рабочие места.

Людям старшего возраста, имевшим какую-то специальность, не совсем подходившую к работе с лопатой или молотком, приходилось туго. Надо было приспосабливаться и переучиваться, но таким, как я, всё было – «море по колено». Жене пришлось работать в церковной больнице на огромной машине, сушившей простыни, а меня, после вступления в члены профсоюза металлистов, послали на завод «Лейзац», который вырабатывал всевозможные изделия из стали, в том числе проволоку разных сортов.

Её тянули из горячих железных жгутов, сматывали, ещё горячую, машиной в мотки и складывали в штабеля под низкую железную крышу крыла постройки. Всё это с помощью специальных приспособлений без применения ручного труда. На улице, под солнцем, было около 30 градусов по Цельсию. Под крышей было 40–45 градусов.

В это пекло заходили 3 австралийца, нагружали горячие мотки на платформу, которую надо было сперва взвесить для регистрации веса тары, а потом её толкали по рельсам к пристани, где проволоку грузили на баржу. Надо упомянуть, что на платформу за раз грузили две тонны проволоки, а в рабочую смену грузилось 140–150

тонн. За эту работу платили три дневных заработка. Была только одна колея, и вторую платформу-тележку поставить было нельзя.

Случилось так, что один из австралийцев повредил себе ногу и не смог продолжать работу, по сравнению с которой тянуть баржи на Волге было просто лёгкой прогулкой. Начали искать замену. Первым вызвался здоровый эстонец. Продержался он только четыре часа. Вторым попытался заработать тройной оклад какой-то украинец – его пришлось приводить в чувство холодной водой уже в десять утра, через два часа. После этого никто не вызывался жертвовать своим здоровьем за тройной заработок. Дело в том, что оставшиеся на участке два австралийца не снижали темп и не замедляли свой бег с платформой-тележкой. Мотки катились без паузы, и беда тому, если кто проворонил семидесятикилограммовый моток горячей проволоки, катившийся на него из-под навеса, как бочка. Этот моток надо было поймать у тележки, подхватить и уложить на неё. Всего на платформу укладывалось около 30 мотков. Работали все мы в том цеху в майках и трусах, так было жарко.

Заметив мои бицепсы и широкие плечи, подошёл ко мне бригадир цеха и спросил, не попытаюсь ли я выдержать эту нагрузку и не смогу ли поддержать этих двух закалённых и привыкших к ней работяг. Что-то ёкнуло у меня в душе, но самолюбие не позволило отказаться. До конца дня оставалось лишь пара часов, и я рискнул. Эти два часа были мукой. Мотки вываливались из моих рук, я обжигал себя в самых разных местах, и только советы моих двух новых друзей по работе помогли дотянуть до сирены, звучавшей в конце рабочей смены. Дома я спал как убитый, но на утро всё моё тело ныло, и я понял, что это значит – «быть не в форме». Сказалось мое безделье во время работы у американцев и на пути в Австралию!

Началась новая смена. Сжимая зубы и приноравливаясь, как-то дотянул я до обеденного перерыва. Нагрузив платформу, нам пришлось ждать больше часа новую баржу у пристани. Этот перерыв опять помог мне выдержать до пяти часов. После смены мои новые приятели пригласили меня в пивную – «прописаться». По австралийской традиции отклонить такое приглашение было нельзя! Еле-еле держась на ногах, добрёл я с ними до пивной, а как потом очутился дома, вспомнить не могу. Помню, что каждый заказал по три пинты крепкого австралийского пива

(пивная, по законам того времени закрывалась в шесть вечера; разрешалось остаться, чтобы допить то, что стояло на столе, но новые заказы не принимались). Помню, как австралийцы довели меня до трамвая, как попросили вожатого высадить меня поблизости моего жилья, но что было дальше, простите, не помню! Проснулся я от холода ночью, как-то дошёл до места, где я жил, и наутро был опять на ногах, но не на работе – подошли выходные дни.

Очухавшись кое-как от «прописки», но все ещё с ноющими мускулами всего тела, в понедельник катал и грузил я эту проволоку опять. Жара была ужасная. Воспользовавшись минутной паузой, забежал я в раздевалку, открыл холодный душ и, как был в одежде, простоял под холодной струей целые 60 секунд. Бегом назад! На меня с ужасом, смотрели две пары глаз моих коллег:

«Ты что, с ума сошёл? – спросили они, – Ты хочешь, чтобы тебя уволили? А где мы найдем замену?»

Я понял – вставать под душ во время работы запрещено. Упасть в обморок от непривычной жары можно – тебя отольют водой, но самому освежиться в рабочее время... Нет, нет! Таков закон капитализма. Теперь в Австралии уже

На заводе «Лейзац».
Вывоз продукции из горячего цеха

по-другому, профсоюзы стали более организованными, но тогда, в 1950 году, работая на частном предприятии, мы знали, что рабочий день – восемь часов, а один час – шестьдесят минут, и все они принадлежат работодателю!

В первые дни, когда я приходил домой, голова кружилась от выпитого традиционного пива, руки тряслись так сильно, что ложка с супом становилась пустой по пути в рот. Валился я спать рано, наутро освежал свое тело горячим душем, и так втянулся в профессию грузчика, что после того, как мои австралийцы ушли на другую, более порядочную работу, я стал бригадиром и покрикивал на двух несчастных «рабов», тянувших гуж изо всех последних сил, дабы не отстать от моего темпа. Но это был уже не тот темп! Мы не могли (или не хотели) гробить себя за сдельные.

Кончилось все это тем, что один из моих коллег уронил тяжелый моток проволоки на мою ногу, и мне пришлось лечь в госпиталь. После поправки меня перевели на другую работу. Нога все ещё побаливала, и мне позволили работать «по специальности» – проявлять плёнки и печатать фотографии на предприятии «Кодак». Тот короткий период моих, якобы «профессиональных» занятий, чуть ли не исковеркал жизнь и мне и моей жене!

Давайте пробежим коротко через события, так глубоко врезавшиеся в мою память. Вспоминать их и сладко, и больно.

Попав в фотолабораторию, к моему ужасу я понял, что заниматься любительской фотографией – одно, а работать с группой настоящих специалистов – это другое. Я отставал от других, портил бумагу и производил брак, не освоив ещё последнюю технику. Мне было стыдно смотреть в глаза моим новым коллегам по работе. В лаборатории работали только австралийцы.

И вот в эти первые дни я узнал, что под безразличным выражением их лиц скрывается тёплая и чуткая натура.

Все как бы не замечали, что дела мои шли плохо. Каждый и каждая старались незаметно помочь то советом, а то и делом. Один раз я заметил, как одна девушка (её звали Лорой) перепечатала всю мою испорченную работу и оставила её в конверте с моим именем. (Нам тоже надо было выполнять норму!)

Подойдя к ней и указав на её оплошность, я получил в ответ очень милую улыбку.

Она объяснила, что она уже выполнила свою норму и хотела помочь мне справиться с моей. Замешкавшись, я, как мог, поблагодарил её – мой английский был практически равен нулю. При этом я отметил её большие карие глаза, тёмные волосы и прекрасную фигуру.

Мы работали вместе в темной комнате для проявления фотографий. Иногда случайно, иногда с намерением мы касались один другого и, испытывая какое-то приятное чувство, опять то локтем, то бедром, давали друг другу знать о себе. Такие невинные шутки привели к тому, что, когда все уходили на обед, мы оставались как бы для выполнения срочного заказа в тёмной комнате и ласкались, как только ласкаются влюблённые. И действительно, нас так тянуло друг к другу! Мы встречались в парках, кино, в доме её родителей, уезжавших часто на пару дней на дачу. Мы не могли жить друг без друга! Обнимая меня при встречах, она смотрела на меня своими тёмными глазами и просила не расставаться с нею. А у меня и так голова шла кругом. Надо было решать нашу судьбу! Вот тут-то и вспомнил я последние слова моей матери, умершей у меня на руках.

– Сынок, живи так, чтобы было возможно без стыда вернуться по своим стопам, – наказала мне мать. – Если выбор будет трудным, подумай, что я сказала бы на это.

Вот так я и поступил. Решил, хоть и против воли, оставить всех и вся, и уехать подальше от Сиднея, всё спокойно обдумать и поступить так, как посоветовала бы мне мама. Попросив перевода на работу вне столицы, в провинцию, я получил назначение в бригаду, ремонтирующую железнодорожные пути в штате Новый Южный Уэльс. Работа была тяжёлая, жили мы в палатках, добираясь до места работы на дрезинах. Под шпалами, повреждёнными белыми термитами, лесным пожаром или потопом, мы часто находили или ядовитую змею, или ядовитых пауков. Проходивший мимо раз в день поезд притормаживал и отгружал нам продовольствие. Он же забирал новые заказы на завтра. Работали мы парами, один поднимал шпалу, другой стоял с лопатой, готовый к встрече с ядовитыми представителями мира пресмыкающихся. Мой напарник, поляк, был слаб физически, но его сильный характер спасал меня от серьёзных неприятностей с другими членами бригады – австралийцами. Те считали нас абсолютными дураками за то, что мы

оставили позади «рабоче-крестьянский рай» и отдали себя во власть капиталистов, для которых надо работать, как лошадь, без надежды на похвалу, орден или доску почёта – только за деньги!

Не будучи пропагандистом по призванию, я пускался в глубокие рассуждения, переходившие иногда в жаркие споры, где в ход пускались и физические аргументы. Всему был виной мой плохой английский. Тут выручал меня мой напарник. Его английский был гораздо лучше. В Варшаве он преподавал историю. За это я с удовольствием работал за двоих, уважая его ум и выручая его при тяжёлой работе.

Всё это время меня преследовала мысль – что делать с Лорой? Прийти к решению помогла мне, не зная того, моя дорогая жена. Она узнала о моём местопребывании и приехала в близлежащую деревню. Я понял, что не имею права бросить мою верную подругу, оставившую из-за меня свою семью, друзей и родину. Голова моя уже работала нормально, и я порвал с Лорой, хотя её и любил. Следы того чувства остались и до сих пор! Жена мне потом рассказала, как родители Лоры предлагали ей или купить для неё дом или, покрывая все расходы, помочь ей вернуться домой в Германию, чуть ли не с откупной. Всё – лишь для развода со мной, чтобы их дочь могла выйти за меня замуж. Отказавшись от их предложений, она начала искать меня. Спасибо тебе, Труда!

Говорят, время всё исправляет! Так оно и случилось. Труда устроилась работать в отеле близлежащего городка, и мы опять жили как муж и жена. По молчаливому соглашению мы ни разу не упоминали потом о случившемся.

Работа шла своим чередом. С помощью моих кулаков я заслужил что-то вроде уважения среди моих коллег, все ещё слушавших мои «лекции» на тему: «Коммунизм и его вредное влияние на рабочих и крестьян всего мира». Надо сказать, что при помощи моего друга-поляка по работе, мне удавалось даже поколебать их веру в правдивость советской пропаганды, которую они получали от своих местных профсоюзных функционеров. Мой друг посоветовал мне не отрицать всю эту пропаганду с пеной у рта и не вбивать истину в моих оппонентов кулаками, а... соглашаться сперва, и потом, примерами из нашей жизни в Советском Союзе, убедить слушателей, что их жизнь при капитализме гораздо лучше. Так, путём сравнения цен на предметы потребления и зарплатой тут и там разъяснили мы нашим

В бригаде железнодорожных рабочих. Справа – мой напарник-поляк, учивший меня спорить на политические темы, не прибегая к кулакам

«рабам капитализма», что они живут в раю. После этого мы были приняты в бригаду не только официально, но и отношение рабочих к нам стало гораздо более душевным.

Работая для Австралийского Правительства, а не на частного предпринимателя, можно было давать себе некоторые поблажки. Наш рабочий день вместо полагающихся восьми часов продолжался всего лишь часов пять. Остальное время мы или кипятили чай для отдыха, или просто сидели, поджидая поезда с нашими заказами. Всё это можно было объяснить тем, что мы «выполнили норму». В начале моего пребывания в этой бригаде мы с моим напарником (просто от желания согреться в хмурую погоду австралийской зимы), проверив первые десять шпал, сразу переходили на следующую десятку, но наш бригадир останавливал нас.

«Ребята, – говорил он, – не забывайте, что вы работаете по государственным контрактам! Приедет контролёр, увидит, что вы ушли так вперед от нас, и увеличит наши нормы!» На наше оправдание, что стоять без дела просто холодно, следовал его дружеский совет: «Попейте горячего чайку с нами».

Одним весенним днём, часа в три после обеда, заметили мы маленький пруд в стороне от полотна дороги. В пруду плавали жирные утки. Дождавшись субботы, пошёл я к этому пруду, прихватив малокалиберную винтовку. По дороге удалось подстрелить пару зайцев и лису. Выпотрошив добычу и повесив всё на ветку дерева, начал я подбираться ближе к воде, то согнувшись, то ползком на коленях. Вижу уток, подкрадываюсь ближе для верности попадания. Ближе, ближе... вдруг чувствую – что-то ударило меня в коленку! Оглядываюсь, вижу – змея! «Коричневая змея», очень ядовитая и злая, когда в опасности. Инстинктивно ударяю её под голову прикладом винтовки, отбрасывая метра на три в сторону! Вижу вторую, которая свернулась на том же месте! Не прицеливаясь, стреляю в её направлении, к счастью перебивая ей хребет. Змея в конвульсии!

Смотрю в сторону – первая змея, укусившая меня, почти уже заползла в свою нору-дыру в земле.

Увидев, что опасность быть ещё раз укушенным миновала и, почувствовав, как меня покидают силы, я добрался до пруда и плюхнулся прямо в одежде в холодную воду.

Вопреки правилам медицины, мне стало лучше, и появилась надежда, что укус змеи не станет причиной моей внезапной смерти.

Разрезав ножом кожу около двух точек, следов укуса, и высосав как можно больше крови из ранок, я натёр их серой от спичек и поджог. Короткая вспышка, ожог. Рана была дезинфицирована. Поставив закрутки повыше колена, побрёл я домой, надеясь, что дойду. Перед уходом завалил я змеиную нору большим булыжником. «Останусь в живых, вернусь и докопаюсь до тебя, змий!» – подумал я.

Подобрав на обратном пути мои трофеи, дошёл я до палаток, притащив туда и убитую мной змею, и сфотографировался с ней. Эта фотография теперь хранится у меня в альбоме, и до сих пор я рассказываю моим детям, внукам и всем, кому это ещё не надоело, как мне «повезло» на этой охоте на уток.

Бригадир, услышав про мои похождения на охоте, посадил меня на дрезину и повёз в близлежащий поселок Кунабарабран – с укусом «коричневой» шутить нельзя! В посёлке местного доктора на месте не оказалось, никто не мог сказать, когда он появится на месте. Пришлось нам ехать назад в наш полевой лагерь. Это было в субботу.

Вот прошло воскресенье, я не умер, остался в живых, и начал готовиться к возмездию! В понедельник, выполнив норму, отпросился я к пруду и стал киркой и лопатой докапываться до укусившего меня гада.

На охоте

Та самая змея...

Яма была уже с полметра глубиной, я стоял в ней. Змеиный ход всё ещё шел дальше, вглубь.

Вдруг, слышу, зовёт меня кто-то, да так, как только моя мать меня называла: «ЗЫГМУСЬ!» Я обернулся и увидел моего змея, а это был действительно змей-самец, самку я пристрелил удачным выстрелом. На уровне с моим «мягким местом» покачивалась голова точной копии того Змея, который когда-то научил Адама и Еву любви. Не раздумывая, ударив лопатой, отсек я с полметра туловища змея вместе с головой. И опять, как в субботу после укуса, почувствовал я шок. Пришлось мне опять залезать в пруд, чтобы прийти в себя.

Через несколько месяцев подошёл мой отпуск. Меня оповестили о выполнении моего контракта и моей юридической свободе. Конечно, моё рабочее место будет сохранено для меня, если я вернусь в бригаду. Обдумав с женой, куда нам поехать, мы вернулись в Сидней, нашли для себя комнату в подвальном помещении и работу для меня на фабрике «*Данлоп*», выпускавшей всякую резиновую продукцию, включая автомобильные и тракторные шины.

Опять работа в ужасной жаре! Горячее сырьё, из которого изготовлялась резина, накладывали

штабелями перед огромными валами-мельницами. Его пропускали несколько раз между стальными цилиндрами, пока эта резиновая масса не становилась достаточно мягкой для разрезания специальным ножом. Потом её резали, всё ещё на вращающихся валах, и переносили на следующую подобную мельницу, пока вся эта масса не превращалась в мягкую, горячую, толстую резиновую ленту, которую уже подавали на станки. Пот с нас катил непрерывно! Мы пили воду из-под крана и глотали горсти таблеток соли для возмещения потери её с потом. В обед все лежали на цементном полу, чтобы хоть как-то поймать холодок, веющий из-под тяжёлых железных дверей. Эти двери предохраняли цех от охлаждения, чтобы резина не испортилась.

Во время одного такого обеденного перерыва познакомился я с молодым австралийцем моего возраста. Мы сдружились. Он объяснял мне многое, относительно традиций и житейских правил рабочего люда, с которым я общался. Всё это было для меня незнакомо Дальше – больше. Мы нашли общие точки соприкосновения. Мы оба интересовались подводным миром.

Я только недавно прочёл о первых попытках изобрести аппарат, позволяющий быть под водой без скафандра. «Акваланг» – так назывались эти цилиндры со сжатым воздухом и приспособлением для выравнивания давления на лёгкие водолаза. Мой новый приятель, его звали Расс, сказал мне, что в Сиднее формируется клуб любителей подводной фотографии и ныряния с аквалангами.

Мы вступили в клуб и были его активными участниками. Но нам этого было мало. Мы хотели сами экспериментировать. Начались наши опыты. Благо, у меня была комната вблизи пляжа. Нам надо было тащить всякие трубы, насосы, шланги и бутерброды всего лишь с полкилометра до моря. Здесь испытывались не только наши последние варианты самодельных хитрых приспособлений, но и наше терпение, потому что купальщики глазели на нас и мешали нам сосредоточиться.

Однажды наши подобные опыты чуть ли не закончились трагически. Я был под водой с грузом на ногах, чтобы не всплывать с каждым вздохом, и вдруг почувствовал, как после полного выдоха моя грудь не в состоянии поднять пару тонн воды, давящей на неё. Минута ушла на судорожную попытку вздохнуть, вторая – на разматывание веревок, привязывающих груз. С последними усилиями стал я подниматься с глубины двух мет-

ров. Мне показалось – это были все двести! Уже посиневшему от натуги и с водой в лёгких, удалось мне высунуть голову из воды и откашляться. В чём дело?! Да вот мой приятель Расс, отвлечённый вопросами зевак, перепутал шланги и присоединил насос к шлангу для выдоха! Нечего удивляться, что я не мог вздохнуть.

Одним прекрасным утром наши опыты пришли к концу. Мы пришли к выводу, что купить готовый и испытанный аппарат гораздо легче и безопасней. С лёгким чувством людей, вынутых из петли, пришли мы с Рассом домой, где нас ждала Труда с огромной яичницей и горячим кофе. Читая воскресную газету, Расс крякнул.

«Зиг! – так он называл меня по австралийской привычке сокращать любые имена, даже не сокращаемые. – Смотри! Новоавстралийская пара приглашается на работу в Новую Гвинею. Муж – как бармен и мастер на все руки, а жена – как шеф-повар».

«Поезжай и вызови меня в Новую Гвинею тоже», – предложил Расс.

В то время Новая Гвинея была подмандатной территорией Австралии, и попасть туда можно было только по вызову. Мы с женой только усмехнулись и забыли об этом разговоре. Не так думал Расс. От моего имени он написал письмо по данному в газете адресу, и очень скоро нас вызвали на переговоры.

НОВАЯ ГВИНЕЯ

То, что я честно признался в полном отсутствии опыта для работы в качестве бармена, а Труда открыто сказала, что, хоть готовить пищу она и умеет, но поварского свидетельства у неё нет – всё это не послужило препятствием для нашей поездки в Новую Гвинею.

В городе Маданге, на северо-восточном побережье этого огромного острова, был довольно большой отель, который также носил название «*Маданг*». Владельцы отеля были уже в летах, и им была нужна пара, таких, как мы, новоавстралийцев (говорили, что мы работаем лучше, чем «старые» австралийцы) для выполнения всех тех работ, что им были уже не под силу.

Вставая в пять утра, мне надо было привести помещение ресторана и бар в порядок. У меня была команда чернокожих аборигенов человек в двадцать. Вымыть полы, отполировать паркет, вымыть и отполировать с обеих сторон замызганные стеклянные столы и поменять чуть ли не всё, что находилось в помещении бара. В то вре-

мя в Австралии действовали суровые законы для пьющих – бары открывались только в полдень, и последний заказ пива или чего другого можно было сделать не позже, чем в четверть шестого, а в семь вечера бары были уже пустыми. Но в Новой Гвинее, а особенно в отеле «*Маданг*», таких ограничений не существовало.

Последних посетителей бара я вытаскивал наружу часа в четыре ночи и валился в постель до пяти утра, чтобы опять привести всё в порядок для ранних гостей бара, забегавших за стаканом пива уже рано утром. Тогда, в 1953 году, употреблять спиртные напитки разрешалось только белым, аборигены или гнали свою «самогонку» или покупали спиртное у китайцев-лавочников с заднего хода.

Около девяти утра отель просто блестел как внутри, так и снаружи. Первые гости уже занимали столики в ресторане и табуретки в баре. В одиннадцать было уже трудно протиснуться внутрь, пили прямо на ступеньках у входа. Самыми верными клиентами бара были те, кто должен был блюсти порядок, – начальник полиции и администратор всей северной части острова. Когда у меня от усталости и недосыпания закрывались глаза, хозяйка отеля заменяла меня на несколько часов. В пять, после обеда, одетый в белый смокинг и в галстуке-«бабочке», «выходил опять я на дорогу», то есть в ресторан и бар, здоровался с гостями и начинал работать опять до утра. Моя улыбающаяся морда вызывала, наверное, доверие, и через примерно месяц я уже знал всех, и все знали меня. Это привело к тому, что моя репутация оказалась под угрозой.

«Этого русского не перепьёшь!» – такая слава ходила обо мне в городе. «Он пьёт виски, как воду»! Эх! Все мы «были рысаками» когда-то, но пить виски, как воду, я не мог никогда. Именно эта слабость и вынудила меня пойти на обман моих верных друзей по бару. По австралийскому обычаю, если кто с тобой хочет познакомиться или подчеркнуть свою дружбу к тебе, тот ставит тебе стакан того напитка, который ты любишь. Чёрт потянул меня за язык сказать в самом начале моей карьеры бармена, что я предпочитаю виски. С того момента каждый постоянный посетитель предлагал мне выпить с ним. Оправдания, что я на работе и мне пить нельзя, не вызывали ни у кого сочувствия. «Пей, а то обижусь!» – говорили мне угощавшие. Для сохранения моей работоспособности пришлось прибегнуть к уловке (я подсмотрел её в американских ковбойских

фильмах). Под прилавком стояли бутылки из-под виски, и в них был обычный, довольно слабый чай, заваренный под цвет виски.

«Да, этого русского наше виски не берет», – говорили обо мне посетители бара, видя, как я, рюмка за рюмкой, опустошал за вечер пару бутылок. Деньги за выпитое мной «виски» я, конечно, не брал, отговариваясь, что угощение идёт за счёт отеля. Этот дружеский обман продолжался пару месяцев, но, в конце концов, раскрылся. Меня позвали на кухню открыть кладовку (по ночам ключи были у меня). Второпях я забыл убрать мою бутылку с чаем подальше и в моё отсутствие нетерпеливый гость, положив деньги на прилавок бара, налил себе из неё стакан жёлтой жижи. Опрокинув ее, как говорят у нас, «на посошок», он не поверил своим ощущениям и налил себе ещё стаканчик. Убедившись, что вместо виски в бутылке чай, он тут же разгласил свое открытие всем собравшимся в баре, и когда я вернулся из кладовой, на меня все смотрели, как на мошенника! Пришлось мне давать объяснения, особенно напирая на тот факт, что я никогда не брал денег с угощавших меня. Посмеявшись, мне это простили. Но мой прежний героический ореол исчез – я стал обыкновенным барменом.

Так прошло шесть месяцев. Платили нам за нашу работу, по продолжительности рабочего дня нарушающую все нормы трудового законодательства, очень мало. Наше первые восхищения тропиками прошли, и мы поняли, что нас просто нагло эксплуатируют. Но как уйти? Если мы нарушим контракт, то будем высланы обратно в Австралию за наш же счёт. Помог случай! Всегда полупьяный старенький муж хозяйки отеля почему-то обвинил Труду в пропаже ящика масла. Чувствуя себя ни в чём не виноватыми, мы зацепились за это оскорбление как за возможность порвать контракт без штрафа. Это нам удалось. И хоть пропажу масла объяснили потом потерей его на аэродроме во время разгрузки самолёта, и муж хозяйки отеля публично извинился за своё поспешное обвинение, мы использовали этот инцидент для того, чтобы порвать с отелем.

К счастью, заместитель администратора нашего района Том Эллис знал о моей профессии фотографа. Он как раз получил указание подготовить отчёт о том, что было сделано Австралией для Новой Гвинеи как своей подмандатной территории. И вот он предложил мне приготовить (по его указаниям) фоторепортаж на эту тему. Я согласился. Труда устроилась заведующей кух-

ней маленького госпиталя в самом городе, а я, заказав из Австралии плёнки, бумагу и химикаты, отправился с заместителем администратора в трёхмесячный путь по горам и долинам Новой Гвинеи. Сначала мы ехали на старом американском джипе, потом летели на маленьком самолёте и приземлились на взлётно-посадочной полосе у католических миссионеров, а оттуда двинулись пешком с туземцами-носильщиками. На длинных жердях таскали эти чернокожие наши ящики с провиантом, палатки и прочий скарб по почти вертикальным склонам гор, поросших тропическим лесом.

У меня было несколько «личных» носильщиков. К моим фотоаппаратам и плёнкам, упакованным в водонепроницаемые металлические ящики, аборигены относились, как к магии. Меня прозвали «*Маета билонг пикча*» (то есть фотограф на «*пиджин инглиш*»), и слава о моем «колдовстве» неслась вперёд с горы на гору звуковыми сигналами, звучавшими, как рог пастуха, но передаваемыми лишь с помощью гортанных мышц и кистей рук.

Том Эллис был личностью легендарной, внушавшей не только почёт, но и просто страх аборигенам. Во время войны, когда японцы воевали в болотах и горах в Новой Гвинеи с американцами и австралийцами, «*канакас*» (прозвище аборигенов), разделились на два лагеря. Одни помогали австралийцам, другие японцам.

После войны, Тому Эллису поручили провести расследования тех происшествий, которые стоили австралийским солдатам жизни. Как я слышал от людей, знавших его довольно близко, Том словно железной метлой прошёлся через поселения, которые отличились коварными действиями против австралийцев.

Это было в 1945–46-х годах, но и не только в 1953, но, я уверен, и до сих пор, коренное население Новой Гвинеи всё ещё помнит Томаса Эллиса! Пишу об этом с целью объяснить то, что я сам понял только после возвращения из этой поездки. За многие часы до нашего прибытия в поселение, всё его мужское население выстраивалось в шеренги и ждало прибытия Тома, как на параде. Этому он их научил во времена своих проверок.

Так называемый «*хаус кияп*» (постройка из жердей и банановых листьев в каждом селении, резервированная для посещения представителей администрации), был чисто выметен и подготовлен к приёму гостей. Носильщики менялись в каждом селении, так как уходить далеко от дома

Том Эллис – олицетворение закона и власти в Новой Гвинее

они боялись. В Новой Гвинее господствовала тогда межплеменная вражда, и случаи людоедства не были особенными исключениями. Надо отдать должное местным блюстителям порядка и законности – «*кияпам*» (по-туземному).

Кияп – это «патруль-офицер», представитель австралийского Правительства. Обычно кияпами становились выпускники школы административной и политической подготовки.Вот эти молодые парни, служившие без отпуска в среде, вовсе не соответствующей их молодости и воспитанию, были страшно рады увидеть белого человека, владеющего их родным языком. Беседы с ними были очень полезны! Кияпы рассказывали нам о новых «ЧП», о свидетельствах прогресса у аборигенов, подсказывали мне темы для фоторепортажа.

Вернувшись домой в Маданг с сотнями плёнок и звуковых записей, я сделал неприятное открытие – негде было проявлять плёнки и печатать фотографии размера 6 х 8 дюймов! Пришлось переселиться на маленький остров, лежавший всего в метрах 400 от пристани городка. Там во время войны помещалась американская база горючего, там раньше жили американские солдаты. На противоположном берегу островка все ещё стояла постройка, служившая в дни войны столовой, кинозалом и баром. Вот ее-то и облюбовал я как дармовую жилплощадь для нас с женой и как место для первоначальной обработки привезённого мной из экспедиции материала.

В первую очередь пришлось позаботиться о средствах сообщения с городом. Переплывать через пролив на туземном каноэ можно было только при очень спокойной погоде. Уже при лёгком ветерке по проливу начинали гулять метровые волны, заливавшие наше каноэ. Потеряв из-за этого не один раз результаты моих ночных занятий (работать я мог только ночью, поскольку наша постройка не имела стен, только крышу), решил я перенести мою студию на большой остров. Сговорившись с Лютеранской миссией об аренде старого грязного склада, я привёл его в порядок с помощью пожарной машины, которую мои друзья-пожарные одолжили мне на пару дней (пожары были редкостью в этом влажном климате тропического побережья). Приложив свои руки, я смог превратить старый склад в привлекательное (по тем временам) помещение, половину которого я сдал в аренду молодому бухгалтеру, начинавшему свое дело. За эту услугу он помогал мне составлять бухгалтерские балансы, и благодаря

его умению манипулировать цифрами я долгое время не платил налога на прибыль!

«ДИЧБАЛИС ФОТО-СЕРВИС», гордо возвещала вывеска большими буквами на стене моего сарая. Дело пошло. Оказалось, что я был первым фотографом, рискнувшим открыть студию в таком ужасно влажном климате, где и плёнки, и бумага, и даже фотоаппараты покрывались плесенью через пару дней. Выходом из этого положения были сконструированные мною из жести ящики, в которых день и ночь горела лампочка малой мощности, поддерживая нужную степень влажности.

Закончив заказанный репортаж и получив за него не только солидную плату, но и похвалу за качество работы, я смог расширить сферу обслуживания. Заказав из Австралии всё, что было нужно, я занялся портретами и выпуском простых чёрно-белых открыток. Это вызвало неожиданный наплыв клиентов. Не только белые, но и туземцы хотели запечатлеть свои личности с помощью «*Маета билонг пикча*». Пришлось заказывать плёнку и бумагу авиапочтой, целыми ящиками. Мне было досадно, что у меня только две руки. Работать приходилось ночами, так как днём я только фотографировал и проявлял. На помощь жены рассчитывать было нельзя. Жена ожидала первого ребёнка, и чтобы избежать беды (настоящего госпиталя в Маданге не было), мы решили, что будет лучше, если она полетит домой в Германию, где будет под надзором настоящих врачей. Там она пробыла целый год!

В Германии её начала трясти лихорадка. Врачи не могли понять, что за недуг отнимает все её силы. (Сказать честно, мы и сами не думали, что мы можем подхватить тропическую малярию, никто нам об этом не говорил!). К счастью, посетившая госпиталь монашка, разговорилась с Трудой, когда она была в сознании, и узнала, что та была в тропиках. Монашка, бывшая миссионерка, подсказала врачам болезнь. Врачам с помощью переливания крови и новейших лекарств удалось сохранить Труде жизнь. Наш сын Ян родился в положенное время и вполне здоровым.

В отсутствие жены я спал либо в студии, либо под открытым небом, благо было тепло, но женщине с ребёнком так жить и спать не полагается. Надо было строить дом!

Мне удалось взять в аренду участок земли на самом берегу океана. Он принадлежал большому торговому обществу «*Бэрнс Филлип*». Никто этим участком не интересовался – он был маленьким и

узким, лежал между дорогой и океаном. Подписав контракт на 90 лет, я начал планировку нашего будущего дома, студии и магазина. Да, магазина! Появился спрос на фотоаппараты и плёнки.

Я буквально разрывался на части, но при этом старался «не потерять лицо», выполняя заказы как европейцев, так и туземцев.

Вспомнив своё увлечение аквалангом, я заказал и получил из Германии и Англии последние модели подводно-дыхательных систем вместе со специальным компрессором. Был основан «Кружок подводных исследователей». Мой бюджет не позволял приобрести бывшие тогда в ходу подводные фотокамеры. Чтобы преодолеть это препятствие, я изготовил из гильзы стосемидесятипятимиллиметрового снаряда, что-то вроде водонепроницаемого цилиндра с внешним управлением для камеры. Успех был полный! Выставив снимки акул в моей студии, я получил заказ от одной страховой компании сфотографировать детали затонувшего на глубине 15 метров судёнышка. Со своими снимками мне потом пришлось выступать в качестве свидетеля, отвечая на разные каверзные вопросы судьи. Мне это не очень понравилось, но моя слава как «подводника» полетела впереди меня самого. Два крупных контракта позволили мне подправить мои финансовые дела.

Согласно первому мне надлежало найти и подцепить на трос около 300 метров тяжёлой корабельной якорной цепи с огромным якорем. Мне были даны компасные пеленги и обещание выплатить 300 фунтов стерлингов за прикрепление троса к потерянной цепи. Первый раз пришлось мне нырять на глубину в пятьдесят три метра (а это уже опасная глубина!). Прочитав всё, что я смог по теме глубоководных погружений, и подстраховав себя несколькими запасными цилиндрами сжатого воздуха, я бросил якорь на месте предполагаемого падения цепи, привязал себя верёвкой к плоту, с которого нырял, и бухнулся в воду. Это было в узком, но глубоком проливе между островом и гаванью. Течение во время приливов и отливов было таким сильным, что мне, чтобы опускаться вертикально, нужно было держаться за мой якорный трос и, болтаясь, как флаг на сильном ветру, подтягиваться в глубину, где движение воды не было таким сильным. Несколько дней ушло на попытки достичь дна и, оставаясь там не более одной минуты (у меня не было возможности для декомпрессии после более длительного пребывания на такой глубине), под-

ниматься назад вверх так медленно, чтобы не обогнать выдыхаемые мною пузырьки воздуха.

Неделю спустя мне повезло! Я нашёл под илом цепь и прицепил её к моему тросу. Оставив на поверхности хорошо заметный поплавок, пошёл я домой, предвкушая полагающуюся мне награду. Да не тут-то было! Через пару дней мой помощник-туземец доложил мне, что поплавок исчез! О, Боже, опять в этот водоворот! Да, пришлось нырять опять. Корабль общества «*Бенк Лайн*», уронивший якорь и цепь, вот-вот должен был зайти в порт.

Всё повторилось, как и раньше, только лишь с одной разницей – поднимаясь наверх после зацепки цепи, на глубине около двадцати метров, мне показалось, что мимо стекла моей маски проплывает что-то вроде двухсотлитровой бочки грязно-серого цвета!

Эта «бочка» была очень длинной. Целых три секунды проплывало мимо моей головы что-то, чего я не мог охватить взглядом, так это было близко! Начиная соображать, что китов в наших водах нет, и что это должна быть акула метра четыре длиной, я действительно увидел удаляющийся от меня огромный хвост.

«Вот, сейчас она развернётся, и мою награду за нахождение якоря получит кто-то другой!» – подумал я. Забыв все правила возвращения на поверхность, начал я подниматься к плоту, не дыша от страха.

И вот на этот раз, вернувшись и медленно проплыв между мною и плотом наверху, эта акула спасла меня от тяжёлого кровотечения в лёгких. Это было бы наказанием мне за слишком быстрое возвращение на поверхность из глубины, где давление вдыхаемого сжатого воздуха превышает две атмосферы. Мои лёгкие просто бы разорвало. Остановившись на глубине 5 метров, держась за трос и следя взглядом за уплывающей акулой, я начал вдыхать воздух уже нормальной степени сжатости. Акула проплывала мимо без единого движения плавников или хвоста – ну прямо, как торпеда. Если бы мне не было так страшно, можно было бы любоваться и её обтекаемостью, и величиной, и грацией! Но мне было не до этого. Как я преодолел последние пять метров до плота, не помню. Ждавший меня на плоту туземец подхватил меня за пояс и вытянул меня и всё, что было на мне, на плот. Снимать тяжёлые цилиндры в воде уже не было времени.

Работа под водой

Sharks "Box" Diver In Crevice

Dozens of sharks last week "Boxed" an aqualung diver in a rock crevice 75 feet below the sea's surface off Pig Island, Madang.

The diver, Mr. Sigmund Dicabalis, said the sharks swam past him about every five seconds for hald an hour.

A large shark finally swam past him and hit him on the side of the head.

"It almost tore the mouthpiece from my diving equipment," he said.

Mr. Dicabalis said that he and Mr. Russ Brown were carrying out an aqualung test off Pig Island on New Year's Day.

He said he wanted to test the equipment at 200 feet and take underwater photographs.

He descended to 75 feet along a sloping coral formation.

Two small sharks flashed past him.

"These were followed by many more sharks and I took shelter in a small cavity which protected by legs and the lower part of my body," Mr. Dicabalis said.

"Every five seconds more and more sharks, measuring from three to eight feet, swam past me as I was sheltering, but none made any attempt to attack me.

"As my head and part of my body were exposed I tried to frighten them off with a spear.

"I took several photographs of the sharks during the time I was in the cavity.

"After I had been underwater for about half an hour, a large seven feet shark, swam at great speed only a few inches in front of my face.

"As it passed, its tail hit me a glancing blow on the side of my head, and almost tore the mouthpiece from my diving equipment.

"By this I realized that I must make an effort to reach the surface.

"I began to edge my way very cautiously back along the coral slope.

"There were about two dozen sharks of various sizes cruising disinterestedly in the vicinity.

"As I made the ascent they remained in the deeper water and I was able to surface.

From photographs which Mr. Dicabalis took while he was underwater the big fish all appeared to be tiger sharks.

Сообщение в местной газете об инцидентах с акулами

Плавник акулы был виден на поверхности и делал большой круг вокруг плота. Моего помощника трясло от происшедшего – он видел всё через ведро со стеклянным донышком, которое мы употребляли для осмотра дна.

Он рассказал мне, как акула ходила кругами, как бы рассматривая меня – пригоден ли я на закуску, задолго до того, как я её заметил.

От мысли, что его недельная зарплата может пропасть (дело было в пятницу), если что случится со мною, он хотел, было, прыгнуть мне на помощь в воду с моей крупнокалиберной винтовкой, заряженной взрывными патронами для такой цели, но побоялся. Уж больно велика была эта акула!

Причалив к мостику у дома (я строил его на самом берегу), мы занялись менее опасными делами. Я решил, что такие подводные вылазки не позволят мне дожить до старости. Но говорят же, что «человек предполагает, а Бог располагает». Так и случилось. Второе подводное задание предложил мне наш местный начальник порта. Нефтяная компания «*Шелл*» намеривалась проложить нефтепровод через узкую гавань города Маданга. Огромные нефтеналивные судна не могли разворачиваться в гавани без опасности наскочить на рифы, которых было здесь хоть отбавляй. Но так как во время войны американцы побросали в гавань не только джипы, грузовики и самолёты, но и огромное количество боеприпасов и взрывчатки, чтобы не тащить всё это назад в Америку, прокладывать нефтепровод было опасно. Мне было предложено сделать что-то вроде подводной карты с нанесением на ней мест с кучами снарядов, боеприпасов и всего другого, что может быть опасным для землечерпалки. Предложили мне за эту работу четыреста фунтов стерлингов. Отказаться я просто не мог, это было целое состояние! Проведя под водой целый месяц (от четырёх пополудни и до темноты, когда все акулы выходят на охоту), я ни одной акулы не видел. Нанёс все, как было надо, по квадратам, на морскую карту и получил честно заработанные деньги.

Говорят, дуракам счастье! Да, тут мне повезло! А деньги мне были нужны позарез. В Германии лежала в госпитале моя жена, ожидавшая нашего ребёнка. Мне не хотелось, чтобы родители Труды содержали мою супругу на свои средства. Каждый месяц я высылал тридцать фунтов стерлингов для покрытия расходов. Доставались эти деньги мне с трудом (это было ещё до того, как я

заработал 700 фунтов на двух заданиях, чуть ли не стоящих мне жизни). На мои не очень жирные доходы от фотографии мне надо было постоянно заказывать новый материал из Германии, Японии или США, строить дом и студию и платить зарплату четырём туземцам. После того, как месячная сумма для содержания жены в госпитале высылалась в Германию, на еду оставалось очень мало – слава Богу, я не пил! После моей работы в баре я смотреть не мог на спиртное, даже чай мне не так уж нравился!

В гавань Маданга заходили корабли с грузом из Австралии, Англии и Японии. Разгружать их можно было лишь примитивным способом – без кранов, только с помощью корабельных лебёдок и множества туземных рук. По ночам работал я помощником подрядчика по погрузке и разгрузке судов. В полночь – «обеденный» перерыв.

Я получал для распределения между грузчиками-туземцами несколько вёдер варёного риса и пару ящиков мясных консервов в жестяных банках. На пристани выстраивались мои работяги – с мисками или с банановыми листьями вместо тарелок. Каждому я давал по банке консервов, а рису столько, сколько он сможет съесть. Всегда много оставалось, рис варили в три смены. Этот рис поддерживал и меня!

Работали мы в трюме. Жара, вонища, пыль... Нередко происходили несчастные случаи от падающих вниз мешков, ящиков. Иногда и сами туземцы от усталости и недосыпания сваливались с узких трапов, ведущих в трюм. Утром меня ждали душ и пара часов сна. Днём я занимался фотографией, а вечером, когда приходили корабли, надо было опять в трюм, считать нагруженные мешки с копрой (ядрами кокосовых орехов) и составлять акты о ЧП. Так проходило время у меня – тридцатичетырёхлетнего парня, вступившего на путь капитализма. Денег было мало, а жить хотелось!

Но скоро наступил перелом в моем «бизнесе». Нырянием заработал я хорошую сумму денег. Вложил их в новую аппаратуру – фотоаппараты, магнитофоны и т. п. Удалось закончить первый этаж моей постройки, где помещалась студия и магазин. Второй этаж был тоже под крышей, но без стен, только столбы по углам.

Как-то под вечер, растирая уставшие в тёмной комнате глаза, увидел я остановившийся автобус общества авиалинии «*Квантас*». «Вот злая шутка! – подумал я, – кому-то что-то понадобилось в

этот поздний час, просто некогда отдохнуть». Из автобуса вышла женщина с грудным младенцем. «Ах, – мелькнуло у меня в голове, – наверное, фотографии на паспорт». Дверь открылась, и вошла... Труда!

– Здравствуй! Я привезла тебе твоего сына!..

Эти слова потрясли меня сильнее, чем встреча с акулой, о которой я уже рассказывал. Не предупредив меня (хотя и уверяла меня жена, что выслала телеграмму), прилетела она с ребёнком, не дав мне возможности подготовиться к такой встрече. То, что я – отец, знал я, но как-то не мог осознать это полностью. Я долгое время был один, работал, не покладая рук, вот и отвык чувствовать себя семьянином. Смотрел я на жену и ребёнка, не зная, что сказать!

Придя в себя и расцеловав жену, я взглянул на то, что должно было быть моим сыном. Ему было жарко в пелёнках и его кулачки (вижу, как сейчас) старались сбросить всё то, что мешало ему приблизиться к материнской груди. Не будучи по натуре очень сентиментальным, я повёл жену с ребёнком на верхний этаж и, показывая на двуспальную кровать под сеткой от комаров с одной простыней и одним одеялом, развёл руками. Всё остальное, упакованное в ящики и мешки, осталось на том острове, где мы жили с Трудой после ухода из отеля. Без маленького Яна (так назвала жена нашего сына в память моей матери) сели бы мы в каноэ и погребли бы к нашему острову, но с ним так поступать было нельзя.

Одно лишнее движение – и пришлось бы, держа младенца одной рукой, другой поддерживать жену на поверхности. Мы решили устраиваться на ночь, как сумеем.

Но – «не имей сто рублей, а имей сто друзей», а я всегда добавлял: «И возьми с каждого по пятёрке!» Вот так я и поступил. Напротив, через дорогу, стояло двухэтажное здание банка. Наверху жили шесть молодых парней – банковские служащие, мои друзья по взводу Добровольной армии Новой Гвинеи. Отряды Добровольной армии формировались с санкции правительства и были как бы в запасе, на всякий случай! Этих ребят я учил снайперскому делу и «борьбе без оружия». Ребята меня очень уважали за мою меткую стрельбу и приемы, которые стоили им нескольких вывихнутых рук и не поворачивающихся шей. Вот к ним-то я и пошел. Возвращаясь назад с охапкой простыней и одеял, я чуть не уронил бутылку холодного шампанского и коробку с сы-

ром, хлебом и икрой, насильно врученной мне ребятами из банка.

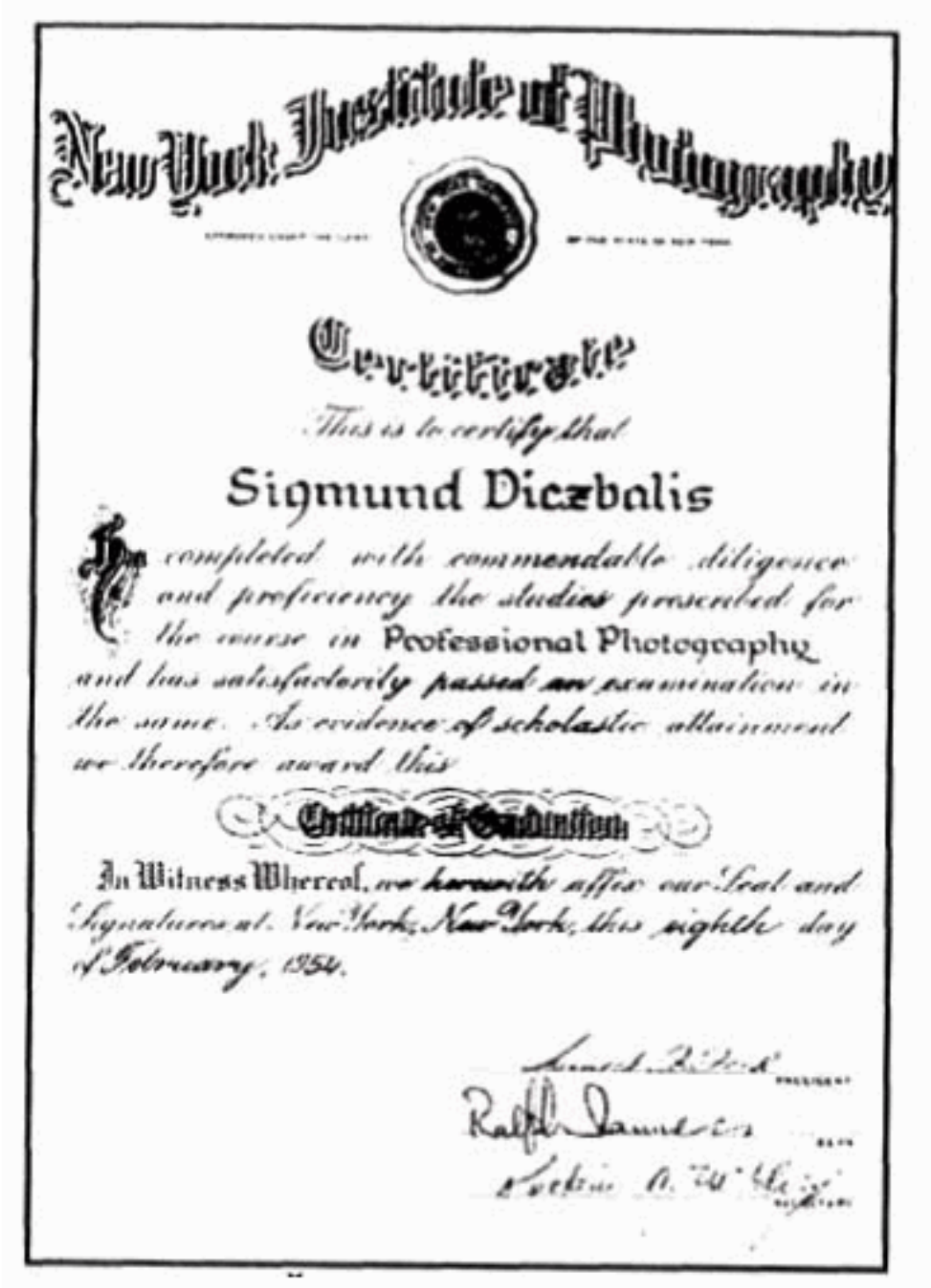
Одеяла были не для теплоты, а для уединения! Стен-то у меня ещё не было! Со мной пришли двое парней, и, поздоровавшись с Трудой, они натянули верёвки и на них навешали одеяла. С трёх сторон стена одеяльная, а с севера – открытый морской пейзаж. Ну, просто прелесть и идиллия! Так оно и было, до двух часов ночи.

Откуда ни возьмись, налетел тропический шторм. Одеяла унесло ветром через улицу, прямо к банку, а Труда и я, схватив малютку, перебрались вниз в студию, и, пока жена кормила сына грудью, мне удалось устроить что-то вроде ложа прямо в помещении магазина.

А утром – вокруг тишина. Всё блестело, как бирюза. Мы забыли все происшествия и начали создавать на верхнем этаже хоть какие-то жилищные условия. Пришлось закрыть лавочку на пару дней, закупить материал и срочно достраивать недостроенное. Очень помогли мне друзья, работавшие в частной строительной фирме. Услышав от ребят из банка, как нашего сына чуть не унесло в море, они пришли после работы, человек десять, и к темноте у нас опять были три стены, но на этот раз ветроустойчивые! Даже удалось вставить рамы для двух окон и застеклить их. Вот вам и сказка на тему «Сто друзей»!

Сын вёл себя прилично, не загружая мать работой. Через короткое время, приведя всё в относительный порядок, накупив лоханок, ведёр, мыла и всяких пудр, Труда могла уже начать помогать мне в обслуживании клиентов. Я же усилил свою трудовую и предпринимательскую активность – надо было зарабатывать на троих! Заботясь только о сыне, жена и я жили настолько скромно, по-спартански, что привлекли внимание заведующего банком. Он объяснил нам, как можно заложить наш дом и моё дело, получить кредиты в банке и использовать их для расширения бизнеса. Всё было понятно, но опасно.

У меня в то время появились какие-то боли в животе. Врачи не могли определить причину. Меня пригласили участвовать как фотографа в одной из экспедиций новогвинейской компании «Голд энд Петролеум». Сперва на пароходе, потом на огромных каноэ с подвесными моторами и, под конец, пешком добралась экспедиционная группа через непроходимые болота и тропический лес с его зарослями и лианами аж до самой границы с голландской частью Новой Гвинеи.



New York Institute of Photography

This is to certify that

Sigmund Diczbalis

has completed with commendable diligence and proficiency the studies prescribed for the course in Professional Photography and has satisfactorily passed an examination in the same. In evidence of scholastic attainment we therefore award this

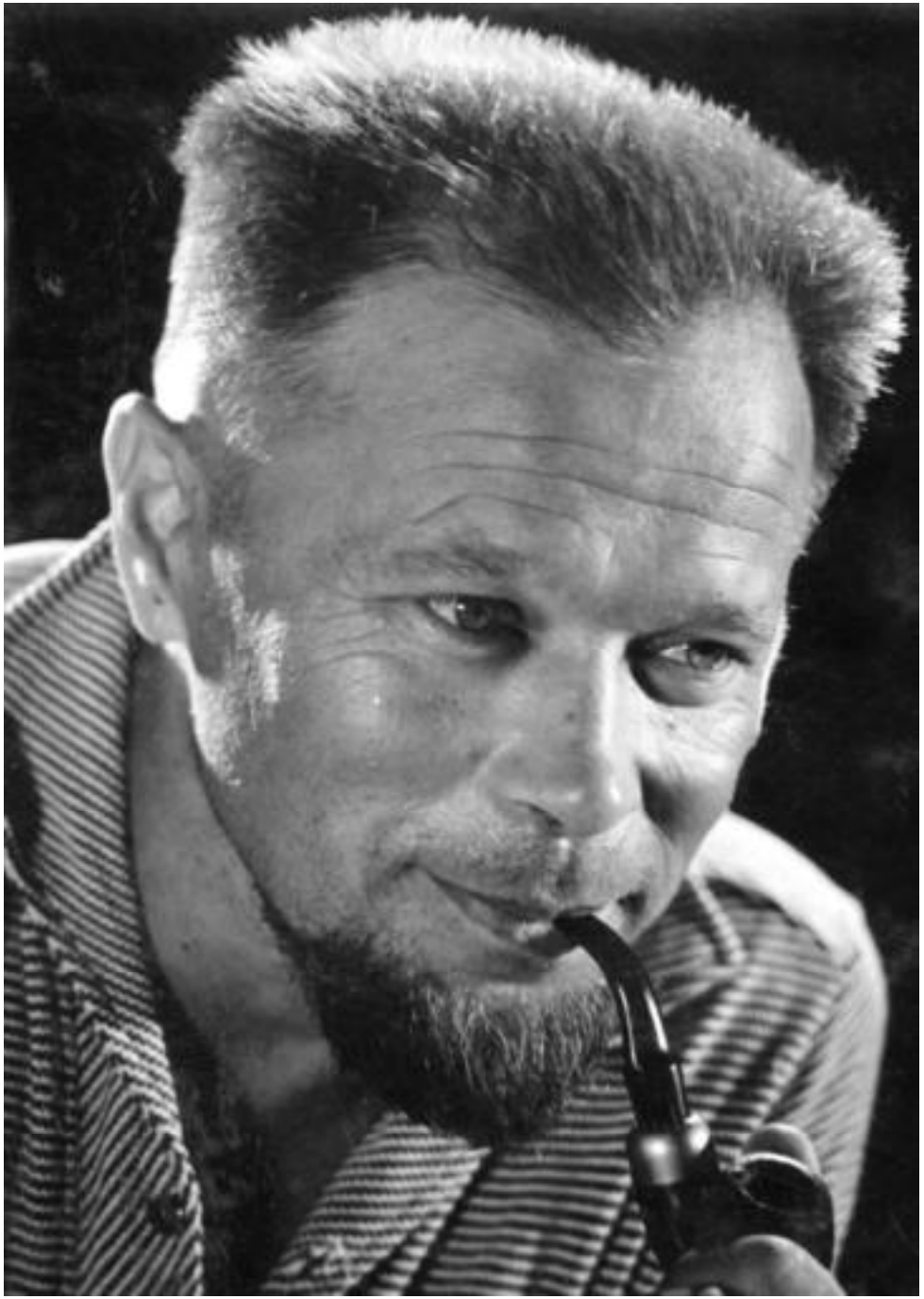
Certificate of Graduation

In Witness Whereof, we herewith affix our Seal and Signatures at New York, New York, this eighth day of February, 1954.

Сертификат Нью-Йоркского института фотографии, выданный мне как профессиональному фотографу в 1954 г.

Так выглядел тот дом в Маданге

Такими мы с Трудой были в молодости



А такими мы с Трудой были в «среднем возрасте»

Я – отец! Сын – физкультурник!

На последнем этапе нас окружили местные туземцы с определённым намерением – пресечь наш путь в их владения.

Так как Австралийский мандат ещё не имел силы в этих отдалённых местах, нам можно было надеяться только на наши собственные силы. Мы предприняли свои меры для внушения туземцам уважения к нам. Почти все наши двадцатилитровые канистры из-под бензина были пустыми, и мы решили использовать их для демонстрации силы нашего огнестрельного оружия. Наполнив канистры водой до самой шейки, выстроили мы их на разных дистанциях и открыли по ним прицельный огонь. Так как вода не сжимается, то, по законам физики, пуля разрывает ёмкость, наполненную доверху, с очень большим эффектом. Туземцы были под большим впечатлением от этих взрывов. Приняв наши подарки, такие как ножи, табак и бусы, они ушли восвояси, оставив нас с чувством, что нам бояться нечего. Да, как бы не так!

Под вечер после дневной жары градусов в 30 начинает холодать – хоть и относительно, но чувствительно. Перед сном нам надо было собрать развешенное утром для просушки бельё и одежду. Наше разочарование в честности туземцев не имело границ, когда мы увидели, что во время показа нашей мощи аборигены украли (а может, просто одолжили) не только всю нашу вывешенную одежду, но даже и верёвку, на которой она висела!

Здесь, конечно, невозможно передать приличными выражениями нашу тогдашнюю реакцию на это воровство. Скажу только – атмосфера вокруг нас стала просто раскалённой!

Началось сверление скважин. Геологические разведки уводили геологов (и меня с ними), на несколько дней от лагеря. Помню, как однажды пришлось мне и моему туземцу-носильщику переночевать под открытым небом. Темнело в тропиках рано и сразу. Мы выбрали огромное дерево с корнями, начинавшимися над поверхностью земли на высоте двух метров и образовывавшими как бы стенки вокруг ствола. На ночь мы улеглись, съёжившись от прохлады, за такой стенкой из корней. Под утро нас разбудило движение лиственного настила многолетней давности под нами. Землетрясение?! (Они были частым явлением в Новой Гвинее).

Это те самые туземцы, которые нас обокрали!

Но нет, это было не землетрясение!.. Огромный удав чёрно-зелёного окраса и толщиной с бутылку, а то и толще, выползал из-под нас, не выдержав веса наших тел. Нас как бы парализовало! (Наш дух с перепуга был уже вне досягаемости!) Мы остались сидеть неподвижно и только смотрели вслед уползающей огромной змее – не ядовитой, но укус которой из-за накопления всяких бацилл в пасти всегда грозит заражением крови.

Ни золота, ни нефти я не успел найти. Меня сковала боль в животе.

Подозревая аппендицит, начальник экспедиции отослал меня назад «к цивилизации». Был вызван самолёт, но из-за отсутствия посадочной площадки в нашем районе приземлиться он мог только в последнем патрульном пункте, а до него было более ста километров. Было снаряжено маленькое каноэ, мне дали туземца-попутчика, и мы, усевшись поудобнее, поплыли вниз по течению, обходя упавшие стволы деревьев, огромные камни и водовороты. Течение было около десяти километров в час, и к ночи доплыли мы до места, где должна была быть тропа, ведущая к патрульному посту. Беда была в том, что тропы, как таковой, не видно было. Было время половодья, и пространство шириной примерно в 5-6 км было превращено разлившейся рекой (а это была одна из главных рек Новой Гвинеи – Сепик) в болото глубиной до двух метров. Для того чтобы избежать встречи с крокодилами, а их там было хоть отбавляй, патруль-офицер распорядился соорудить что-то вроде длинной плавучей дороги из брёвен, связанных одно с другим. В сырости и под дождём это хитрое изобретение обросло слизью и стало труднопроходимым даже днём. Но ждать было нельзя, чуть свет самолёт должен был прилететь за мной. Да и как ночевать в болоте с крокодилами?!

От прыжков с бревна на бревно и постоянного погружения по пояс в воду боль у меня в животе дошла до степени уже совершенно невыносимой. Но остались лишь пара километров, и начинало светлеть. Стиснув зубы, запрыгал я дальше по брёвнам. И вдруг! После очередного моего промаха и погружения в воду боль исчезла.

Вспотев от натуги, выбрался я на высокий берег реки и увидел уже ждавший меня двухмоторный самолет *«Сессна»*. Дойдя до поста, я был окружён людьми, ожидавшими увидеть полупокойника, а тут он улыбается, шутит и на боль не жалуется. Я рассказал, всё как было. Покачав голо-

вой, доктор, который прилетел с самолётом по настоянию моей супруги (она получила по радио известие, что дела мои плохи), сказал, что если мне придется за все платить, так уж будет лучше, если я использую эту возможность и полечу в Маданг повидать жену и ребёнка. Так я и сделал!

В самолёте мне стало плохо. Когда приземлились на аэродроме в Маданге, меня уже ждала вызванная по радио «скорая помощь» (Это был старый американский джип с прицепом и матрацем). Не помню, как я прибыл в госпиталь. Главный врач (а там был только он один, с помощником-студентом на практике) поставил диагноз: «Лопнула слепая кишка». Врач был венгром, без права практики в Австралии, но допущен как медик для работы в захолустье Новой Гвинеи.

Сказав Труде, что положение моё почти что безвыходное, но попытаться спасти меня не будет противозаконным ни морально, ни юридически, он предложил моей жене подписать какую– то бумагу, которая освобождала его от каких-либо претензий в случае неудачи. Я был под его ножом на кухонном столе «госпиталя» через минуту, и мои внутренности перемывались в эмалированной миске с чуть заржавевшим дном. Жаль мне, но я не могу рассказать вам, как шла операция. На моем лице лежал ком ваты с хлороформом. Я узнал лишь после операции, что хирург и его помощник-студент заключили пари – выживу я или нет! Врач надеялся, что да, а студент, проигравший в результате ящик пива хирургу, был уверен, что нет! Несколько раз встречал я этого студента, теперь уже тоже хирурга, в Брисбене. Никак не мог он «простить» мне его проигрыш. «Видишь ли, – рассказывал он мне, – ты же был в безнадёжном состоянии!» Ну, так что же? Дуракам счастье!

Надо сказать, что период с 1956 до 1961 года был для меня очень непростым. Мне пришлось пережить три операции, месяцами трястись от тропической малярии, и в конце 1960 года я чуть ли не «загнулся» окончательно.

ЯПОНИЯ, ГЕРМАНИЯ, НОВАЯ ГВИНЕЯ...

У меня появились частые боли в левой стороне спины. Хожу, занимаюсь делами, и вдруг – схватка, да какая! Приходилось бросать всё, что делал в данный момент. Разговор ли с клиентом, проявление ли плёнок, вождение ли машины... Были случаи, когда я чуть не терял сознание, поднимаясь с аквалангом из глубины моря. Врачи

раз двенадцать делали рентгеновские снимки, которые показывали только какое-то затемнение в грудной клетке. Дело дошло даже до уколов морфия, чтобы дать мне возможность поспать. Какой-то специалист, приехавший из главного города острова Порт-Морсби, осмотрев меня в период затишья боли, заявил с оттенком раздражения: «Если Вы перестанете думать, что с Вами что-то не в порядке, боль пропадёт!». «Перестать думать» я не мог, так как боли не прекращались, а тут мне ещё пришлось лететь в Токио, в Японию, для обсуждения вопроса об организации представительства фирмы «*Пентакс*» в Новой Гвинее. Пришлось глотать болеутоляющие таблетки без перерыва, но и они уже не помогали. Между схватками были и «весёлые» моменты. Поместили меня в Токио (я там пробыл месяц) в частный отель, недалеко от фабрики, где я изучал устройство фотоаппаратов «*Пентакс*» и их обслуживание в случае поломки механизма.

Первый вечер был очень утомительным. Все хотели знать об Австралии и Новой Гвинее, но ни японцы не говорили по-английски, ни я по-японски. Объяснив руками, что я устал и хочу спать, я пришёл в недоумение, когда две молоденькие японки подхватили меня под руки и повели в мою комнату. Показав, как раскатывать матрац и одеяла, с улыбками и с хихиканьем привели они меня в комнату, где одна стена была превращена в водопад, а посредине был большой глубокий бассейн с кристально чистой водой. Это была японская баня.

В предбаннике началось испытание моего характера и моральных устоев. Одна из девушек снимала мой пиджак, галстук и рубашку, другая, отстегнув ремень, начала стягивать с меня брюки. Всё это делалось с очень милыми улыбками и поклонами в пояс, несмотря на мои протесты и стеснение. Но когда, оставшись лишь в плавках, я почувствовал, что и их стягивают с меня ловкими пальчиками, мой испуг от такого непривычного обслуживания плюс чувство верности к моей супруге заставили меня принять меры «по ситуации». Я вытолкнул обеих женщин за двери и задвинул затвор.

С каким-то необъяснимым чувством, то ли досады, то ли сожаления, что не выдержал и не испытал до конца всё, что мне было предназначено, я намылился и плюхнулся в горячую воду бассейна. Вернувшись в мою комнату, я долго не спал, надеясь, что попытка соблазнить меня повторится. Но, увы, пришлось заснуть ни с чем!

Девушки, «посягавшие» на мою невинность, оказались честными служанками отеля

Утром, во время завтрака, почувствовал я, что не всё в порядке. Что-то «висело в воздухе». Привозил меня домой молодой японец, говоривший немного по-английски. У порога нас ждала «мама-сан», то есть хозяйка отеля. После оживлённого разговора «моего японца» с хозяйкой отеля, сопровождаемого усиленным жестикулированием, мне объяснили, что вчерашние женщины имели в виду не покушение на мою невинность, а разъяснение процедуры купания по японским традициям. Вместо того чтобы усвоить их, я испортил всю воду в бассейне, прыгнув в него намыленным. В Японии моются вне бассейна с помощью больших деревянных тазиков и, только вымывшись, как следует, залезают в тёплую воду для наслаждения её кристальной чистотой и расслабления перед сном. В этой воде должна была купаться и вся семья хозяев отеля, и все остальные гости отеля! На следующий день, достав огромную пятилитровую бутыль виски, передал я её с поклоном хозяину и хозяйке, и через переводчика, извинившись ещё раз, пообещал соблюдать все правила купания.

Вообще, в Японии мне пришлось привыкать к новым правилам общения уже с момента прохождения через таможню на аэродроме. В зале стояли на специально установленном барьере представители фирм, встречающие приглашённых гостей. Увидев свою фамилию на плакате в руках одного такого представителя, я подошел и представился. Посмотрев на меня с удивлением, японец закачал головой, сказав что-то по-японски, и с очень вежливой улыбкой на лице отвернулся от меня, всматриваясь в проходивших мимо прибывших пассажиров. Кроме плаката на палке держал он в руках и одну из моих цветных открыток. Голова и плечи размалёванного новогвинейского туземца во всем его боевом-парадном оперении и с костью через ноздри. Этот снимок имел огромный успех как у туристов, так и у самих туземцев. Это фото я выслал в одном из писем к фирме «*Pentax*». На обратной стороне было напечатано имя моей фирмы и адрес.

Когда я заговорил с представителем опять, он начал тыкать в тёмно-коричневое лицо туземца, украшенной перьями райских птиц и, показывая пальцем то на меня, то на открытку, опять старался дать мне понять, что он ждет не меня, а вот именно этого человека – «*S. DICZBALIS – FOTO-SERVICE*». Мне пришлось вернуться к таможне, где говорили по-английски, и попросить их объяснить встречавшему меня разницу между мною

и фотографией этого новогвинейца. Ужасно разочарованный моим вполне европейским обликом, представитель повёл меня к машине (а он оказался просто шофёром, хотя и был одет гораздо лучше меня), и через час, пробившись через водовороты автомобильного движения Токио, мы поднимались по широкой мраморной лестнице в приемную фирмы « *Pentax*». Шофёр передал меня двум секретаршам, и после сокрушённого разъяснения разницы между моим лицом и обликом туземца на открытке скрылся. Меня усадили в кресло и объяснили, что сейчас придёт глава фирмы, дабы познакомиться со мною.

Зашли сразу пять представительных японцев, одетые в пошитые мастером-портным костюмы. Один из них, переводчик, держал в руках ту же самую фотографию, и все пять бурно обсуждали очень заметную разницу в моих с туземцем видах. Переводчик спросил меня, являюсь ли я представителем фирмы «С.Дичбалис» в Новой Гвинее и только после моего вторичного объяснения, что я и есть тот, чья фамилия напечатана на обороте, недоразумение прояснилось, и мы начали пожимать руки друг другу, улыбаясь и низко кланяясь, по японскому обычаю.

Туземный воин в боевом парадном уборе

Когда дошло до обмена визитными карточками, стоял я опять как дурак – у меня визиток не было. Меня знала каждая собака в Новой Гвинее и такие формальности, как обмен визитками, были там не нужны.

Через полчаса я уже сидел на полу в моей комнате отеля. Приближался тот роковой час купания, о котором я уже рассказал...

После продолжительного пребывания в Новой Гвинее, где женщины-туземки были шоколадного цвета, мои глаза разбегались по сторонам, стараясь не пропустить ни одну молоденькую японочку в их цветных кимоно, с малюсенькими ножками и чёрными волосами, убранными в фантастические причёски. Ну, просто ангелочки в беловатых масках косметики. Что было за этим гримом, сказать я ещё не мог (не было опыта, кроме как в бане), но в моем представлении, создавшимся за пару дней в Токио, они были как бы произведениями нежного фарфорового искусства. Как жаль, что в один прекрасный день, гуляя с моим приятелем-японцем, нам нужно было зайти туда, куда иногда нужно заходить всем нам. Мой японец смело зашёл в огромную дверь здания с фасадами на две улицы. Внутри всё блестело, стены были исписаны золотыми драконами и сценами из древней истории Японии. На полу можно было видеть отражение всего этого великолепия (плюс свою собственную рожу).

Мы зашли в длинный зал, что-то вроде широкого коридора, по сторонам которого сидело над мраморными отверстиями в полу около сотни японок в цветастых одеждах и самых разных возрастов. Все они были заняты тем же самым делом, которое было и у нас на уме. Сперва, не разобравшись, я разглядывал эти сидящие на корточках фигурки, но видел мало – их кимоно были закинуты на головы или заброшены за специально сделанную для этого мраморную перегородку сзади. Сбоку перегородки тоже были, но не выше полуметра. Знакомые могли найти друг друга очень просто. Следуя в ужасе за моим приятелем, прошёл я вдоль половины этого коридора и (о счастье!) в тех же самых позах, занятые тем же самым делом сидели, видимые как на ладони, люди, но только уже мужчины. Какой-либо перегородки между мужчинами и женщинами не было, разделение коридора на мужскую и женскую зоны было чисто условным, в случае необходимости «он» мог присесть на «её» стороне или «она» на «его».

Вот тут-то и поблек мой «фарфоровый образ» японских девушек, они стали теперь не ангелочками, а просто нормальными созданиями природы.

Были и другие незнакомые мне традиции Японии, вводившие меня в изумление. На фабрике я «вкалывал» по восемь часов в день, стараясь запомнить каждый винтик и пружинку в фотоаппаратах, я разбирал и собирал их по десять раз, набираясь опыта для обслуживания моих клиентов в Новой Гвинее. Мне приносили на обед несколько мисочек со всякими яствами – сырую рыбу, мясо, с которого ещё капала кровь, и овощи, о которых я не имел представления. Всё это было изготовлено столовой при фабрике, красиво упаковано, подавалось на подносе с салфеточками и палочками для еды, но без инструкций, что и как надо есть сначала и что потом. Надо сказать, что я работал в отдельной комнатке, и никто не мог видеть моих затруднений в попытках разобраться в том, что лежит в мисочках. Потом, конечно, мне объяснили, что и как, и я с тех пор просто предпочитаю японскую еду любой другой. Так прошли мои шесть недель в Японии. Были и другие, более пикантные эпизоды, но о них – лучше не стоит!

Ещё до поездки в Токио и во время пребывания там я испытывал боли в левой стороне талии. По возвращении домой в Новую Гвинею боли усилились и становились иногда просто невыносимыми. Надо сказать, что медицинское обслуживание в Новой Гвинее в те времена было довольно примитивным – отсутствовали высококлассные специалисты и аппаратура по последнему слову техники. Поэтому, несмотря на все попытки найти причину болей, включая двадцать одну рентгенограмму, врачи пришли к выводу: «пациент здоров и только воображает себя больным с целью получить уколы морфия».

Такой вывод пришёлся мне не по душе, и я написал длинное письмо моему немецкому другу, врачу Эрнсту Штреземану. Это был тот самый Штреземан, с которым мы воровали кофе у американцев. Ответ пришёл телеграммой: «Прилетай немедленно в Берлин!»

Вызвав из Австралии знакомого человека, я поручил ему управление своим предприятием, отослал Труду и четырёхлетнего сына к друзьям в Австралию и вылетел в Берлин. Австралийский паспорт помог мне перемахнуть через пропускные пункты Берлина. На вопрос таможенника, что у меня в огромном алюминиевом чемодане,

перевязанном верёвками, я беззаботно ответил: «Ничего, только личные вещи». (А в этом чемодане было что-то вроде бесценной коллекции ново-гвинейских масок, фигурок и несколько кокосовых орехов). И вот я попал в объятия моего верного друга.

На следующий день меня уже положили в центральный госпиталь, и один из знаменитых врачей Германии (друг семьи Штреземана) начал искать причину моей болезни. Увы, она была весьма прозаична – огромный, величиной с советский рубль, камень в левой почке. Через три дня он уже лежал в стеклянной баночке, в спирте, и бесконечные посетители (студенты и врачи) приходили навестить меня и посмотреть на этот «булыжник». Так он был необыкновенен. Потом его забрали в музей госпиталя. Сам же я лежал плашмя со стальным катетером и резиновыми трубочками, висящими со всех сторон моей койки. Дело в том, что этот камень, выглядевший как кусок коралла, так поцарапал мою почку, что её уже хотели удалить. Только вмешательство Штреземана и его друга-врача помогли её сохранить. Ценой этому была сложная двухчасовая операция, которая, конечно, могла иметь плачевные последствия. И это чуть было не случилось. После нескольких дней, проведённых мной в реанимационной палате, откуда каждый день вывозили бедняг, не перенесших операционных осложнений, меня перевели в общую палату, а потом, по настоянию Эрнста, и в отдельную палату.

Как ни странно, хоть я и был больным, но не потерял способности реагировать на женскую красоту. Когда очень миловидная сестра массажировала меня для улучшения кровообращения своими нежными руками, то воткнутый в меня катетер сводил меня с ума. И я упросил сестру вынуть из меня эту стальную трубку, избавив меня тем самым от ненужного раздражителя.

На следующий день я почувствовал себя как-то не по себе. Вечером пришел Эрнст. Первым делом он проверил мой температурный график. Налицо было повышение температуры. Измерив температуру ещё раз, он забил тревогу. Меня отвезли в операционный зал, вскрыли швы и начали очищать почку от накопившейся там гадости. Без катетера началось заражение. Опять я лежал в реанимации, и мой организм боролся за жизнь. Я выжил, снял комнату в Берлине и остался там для поправки на несколько месяцев...

Оставалось несколько дней перед отлётом назад в Новую Гвинею. Через моих друзей я узнал,

что Ганс Зиельман, один из самых известных продюсеров документальных фильмов в Германии, хочет встретиться со мной. Остановившись по пути домой в Мюнхене, я встретился с ним. Позднее он проявил себя как эгоист и автократ и не выполнил свои обещания и наши договорённости в отношении нашей будущей совместной работы. Но... об этом потом.

Моя слава фотографа и кинооператора разнеслась по всей Новой Гвинее, и ко мне стали заезжать очень интересные люди. Так познакомился я с профессором-орнитологом Е.Томасом Гиллиардом из США (ныне уже покойным), который уговорил меня заснять на плёнку одну очень интересную и никем до сих пор не снятую на плёнку птицу семейства шалашниковых — *Amblyomis macgregoriae,* что я и сделал для его книги.

Второй знаменитостью был германский продюсер и коллекционер Гюнтер Маркерт, ставший моим очень хорошим другом, к сожалению, он тоже теперь «в лучшем из миров». Благодаря ему, я не только хорошо заработал на съёмках, но и научился разбираться в туземном искусстве – резных работах антропологического значения. У меня появился собственный пятнадцатиметровый моторный бот, принесший мне много пользы и дохода. На нём, обгоняя местных католических миссионеров, уничтожавших туземные реликвии для ускорения превращения чернокожих в христиан, я успевал добраться до самых дальних уголков острова. Там я мог приобрести для музеев во Франкфурте, Штутгарте, Нью-Йорке, Базеле и Чикаго маски и фигуры столетней давности и огромной антропологической ценности – до того, как церковь их сожжёт как «вредные для туземного ума вещи» или заберёт для Ватикана.

Подошёл час, когда я получил письмо от уже упомянутого Ганса Зиельмана, продюсера документальных фильмов. Он извещал меня, что собирается прилететь в Новую Гвинею, и просил найти места для съёмок тех же птиц семейства шалашниковых, которых я уже фотографировал для Е.Т.Гиллиарда. Труда поехала со мной, и мы провели пару месяцев в горах Новой Гвинеи, подготавливая места для съёмки этих очень пугливых птичек. В наши планы входили и так называемые «райские птицы», распространённые по сему острову.

Вдвоём с женой, в окружении чуть ли не каннибалов, да и вдобавок к тому с сыном, привлекавшим к себе внимание каждого туземца и туземки своими белокурыми кудрями, мы ели то,

что попадало в руки из туземных огородов. Каукау (сладкая картошка), бананы, кое-какие запасы из китайских ларьков в местечках с местным правительством, мясо диких свиней и всё, что попадалось съестного по дорогам наших скитаний в горах. Мы все трое потеряли лишний вес, но долго потом вспоминали эту «разведку». Ведь не каждому дано увидеть то, что видели мы, бродя по горам и лесам в тех местах, где ещё не ступала нога белого человека. А Новая Гвинея действительно является страной чудес! Готовясь к предстоящей экспедиции с Г.Зиельманом, я купил дом в поселке Уааy, (4000 метров над уровнем моря) с участком земли в 5 гектаров. Там был сухой климат, очень подходящий для хранения плёнок, фотоаппаратов и объективов, которые не любят тропическую сырость.

Соблазнившись предложением быть партнёром в съемках фильма о редких и интересных птицах Новой Гвинеи, я решил освободиться на время от руководства нашей студией в городе Маданге. Пригласив менеджера из Австралии и специалистов из Германии и Швейцарии, мы переселились в поселок Уааy у подножья гор, где будут происходить съёмки. Встречать Зиельмана и его ассистента надо было в центре горной области на аэродроме поселка Горока. Чтобы туда попасть, надо было сперва плыть на рыболовном боте до города Лае – вместе с женой, ребёнком, собакой, попугаем и моей машиной, которую я специально заказал для каменистых горных дорог.

Только сын и я не страдали от качки во время бури, продолжавшейся целые сутки. Даже попугай висел в клетке как-то боком, и собака выглядела, как чучело с безжизненным хвостом. Говорить о жене просто тяжело – у неё лицо от страданий было, как у мертвеца. Как перенесла она эту качку без единой жалобы, я не знаю. Мой друг, капитан бота, предлагал уже повернуть и возвратиться в Маданг, но это было опасно, т.к. огромные волны могли бы опрокинуть наше судёнышко.

Выгрузившись в гавани Лае, в полусознательном состоянии, мы завели мотор и покатили в Уааy. Оставив попугая, собаку, сына и жену в новом доме, я погрузил около двадцати чемоданов и пакетов (кинооборудование Зиельман выслал вперёд) и поехал назад в Лае, чтобы по другой дороге подняться в горы до аэродрома Горока.

С женой и сыном. Снимок сделан в поселке Уаау

Проехав через равнину и вброд через несколько мелких речушек предгорья, я остановился, чтобы перевести дух. Я должен был набраться смелости для подъёма в несколько тысяч метров по извилистой, как змея, горной дороге с её размывами, обвалами и к тому же не всегда миролюбивыми туземцами. Подождав с час – не появится ли попутная машина, проверив шины и воду для охлаждения мотора, я «пополз» по дороге, по которой чтобы и пешком-то пройти, надо было иногда подтягиваться с помощью растущих по обочине кустов. (Это же было тридцать лет назад!!!). Как я уже сказал, прорытая на скорую руку бульдозером дорога шла по почти вертикальной горе не поворотами, а зигзагами. Повернуть машину было невозможно, надо было её разворачивать на каждом повороте с помощью манёвров «вперед – назад».

Дело шло, хоть и с трудом, до тех пор, пока мотор не начал глохнуть и перестал «тянуть». Как я не старался продвинуть машину вперёд, все было безуспешно! Осталось только одно – разгружать машину и переносить все эти пакеты и чемоданы на своих плечах к горизонтальной площадке на дороге.

Встречи с туземцами в горах Новой Гвинеи не всегда бывают безопасны

Часа через три, после переноски всего груза я свалился обессиленный в тени позади машины, которая, уже будучи пустой, все ещё не хотела идти вперёд.

Глотая жадно воду из бутылки, я остановил мой взгляд на выхлопной трубе. Она была абсолютно закупорена землёй и глиной. Это я во время маневров «вперёд – назад» наткнулся на бугор глины трубой и забил её наглухо грязью. Выковыряв земляную пробку, с маленькой надеждой завёл я мотор, и... машина рванулась вперёд, как зверь. Нужно ли рассказывать, как ругал я себя за то, что не догадался проверить выхлоп перед тем, как разгружать и переносить всю эту тяжесть!

Без помех доехал я до посадочной площадки в Гороке. Там я узнал, что Зиельман задерживается в Порт-Морсби и просит встретить его через неделю.

Не теряя времени, поехал я дальше в заповедник с райскими птицами, дабы узнать больше об их поведении и привычках. Там было обещано дать приют нам трём. «Не подмажешь – не поедешь», ну и я, на всякий случай, одарил руководителя заповедника пивом, сыром и сладостями – теми «яствами», которые так трудно достать в таких дальних районах.

Через неделю мы, уже вчетвером, праздновали начало наших съёмок. Дела пошли, как по маслу. Все патрульные посты, миссионеры и туземцы, с которыми я установил контакт ещё в прошлом году, подготовили не только места для наблюдения за птицами, но и лёгкие шалаши для нас и наших аппаратов на случай дождливой погоды (а таковая была каждый второй или третий день). За месяц мы накрутили тысячи метров плёнки, засняв чуть ли не каждую пташку в этом районе, кроме самого главного – птиц семейства шалашниковых. Зиельман кусал ногти и нервничал. Он боялся, что рушатся его надежды привезти первым в Германию снимки этой очень пугливой птицы, которую до сих пор не удалось сфотографировать живой никому. Я же носился по горным тропам и дорогам то пешком, то на машине, доставая свежие овощи, фрукты и мясо, чтобы кормить нашу группу. Зиельман опустошал по две бутылки виски в неделю, которые достать было не так легко! Надо было ехать в Гороку (два дня туда и назад). Мы условились так: я закупаю на мои деньги, а потом Зиельман поменяет свои чеки и возместит мои расходы. Продовольствие, бензин, четыре изношенных на острых камнях покрышки и многочисленные бутылки виски, уже

стоили мне более двух тысяч долларов, и я уже мог нащупать пустое дно моей водонепроницаемой коробочки, где хранились деньги.

Вдруг, без какого-либо объяснения, после получения письма из Европы Зиельман, бросив всё, улетел назад в Германию, оставив меня со своим помощником – ассистентом Георгом Тайлакером. Мы должны были ждать возвращения Зиельмана для повторной попытки сфотографировать этих недоступных птиц семейства шалашниковых.

Я предложил Георгу поехать к нам домой в Уааy и там «ждать у моря погоды». Так мы и сделали. Приехав домой к жене и сыну, собаке и попугаю, через несколько дней мы откормились, отдохнули и начали думать о деле. Не так уж далеко от нашего дома (один день пешком по тропинке в гору) на вершине горной цепи были расположены несколько построек в виде рождественской елки, окружённой бруствером изо мха и листьев. Это были места, где самец этой породы птиц встречается с самкой и старается привлечь её своим искусством постройки и украшениями, навешанными на эту «ёлку». Об этом я знал уже, когда фотографировал эту птицу для Томаса Гиллиарда. Переговорив с Георгом, мы упаковали наши аппараты, продовольствие и плёнки и одним ранним утром, к разочарованию жены, сына, собаки и попугая, скрылись в густом тумане, лежавшем в горах. Нас сопровождали туземцы-носильщики, человек десять, и мы без груза могли наслаждаться очаровательным видом этой гористой местности.

Обходя обвалы, как обезьяны, по скале или по столетним деревьям, мы дошли до хижины, брошенной каким-то золотоискателем.

Через пару недель подготовки шалашей-засад для нас и наших «Аррифлексов» (немецкие киноаппараты), мы сидели в них и дрожали от холода (горы-то высотой до 5000 м., а эти птицы строят свои площадки только на самом хребте горы). Но нам повезло!

Я заснял весь ритуал ухаживания птиц первым, а потом и Георгу удалось запечатлеть на плёнку и на ленту удивительные движения и зовы нашего «кум-бука» – так называют туземцы эту птицу.

После такой удачи мы свернули наши палатки и закончили всё, что нам было надо. К сожалению, я не получил никакого вознаграждения за все расходы и работу, но зато набрался опыта и получил много снимков этой редкой породы птиц.

Работа с «Аррифлексом» в горах Новой Гвинеи

Мои наблюдения и слайды я передал в 1992 году профессору Потапову Роальду Леонидовичу, заведующему Зоологическим музеем в Петербурге, но до сих пор получил никакой благодарности от музея. Вот так идут дела!

Георг уехал, и я вернулся к своему обычному делу в Маданге. У меня был целый «флот» всяких моторных лодок от спортивных для воднолыжных гонок и до пятнадцатиметрового бота, на котором я путешествовал вдоль берегов Новой Гвинеи и по её огромным рекам, таким как Сепик. Этот бот был почти всегда в аренде для туристического бизнеса, который я получал от компании «Квантас».

Так всё шло до конца 1969 года. В Новой Гвинее не было школ полного среднего образования, и наш сын находился в частной школе в Австралии. Парень скучал по семье, а семья по сыну.

Мы решили, что деньги не самое важное в жизни (хоть они и здорово помогают) и что будет лучше, если мы все будем вместе. К тому же в Новой Гвинее начали поговаривать о независимости и т.п.

Reg 90 Form 4

Territory of New Guinea

Coastal Shipping, Ports, and Harbours Regulations 1958

Local Master's Licence

No. 187

Full name of Master DICEBALIS, SIGMUND

Address P.O. Box 59, Madang. Nationality British C/S

Date and place of birth 18/1/1921 Lubeml, Poland.

THIS IS TO CERTIFY that the above named, whose signature appears hereon, is permitted to command a vessel not exceeding 15 tons net registered tonnage Limited to navigating within ten miles of the Coast of Territory of Papua and New Guinea.

This Licence is issued subject to the *Coastal Shipping, Ports and Harbours Regulations* 1958.

Dated at Madang this Seventeenth day of February 1967

Signature of Master (A.L. Lewin) ~~Harbour Master~~ Shipping Inspector.

Моя лицензия на право управления судами в водах Новой Гвинеи

Туристическая карта Новой Гвинеи

Маданг с высоты птичьего полёта

На реке Сепик

Символ туземного племени

Туземная скульптура

В горах Новой Гвинеи. Второй справа в первом ряду – вождь племени

Рождение шедевра

Ритуальный дом племени Тамборам. Женщинам и детям вход воспрещён!

На реке Сепик. Туземная пирога

Туземец в ритуальной маске

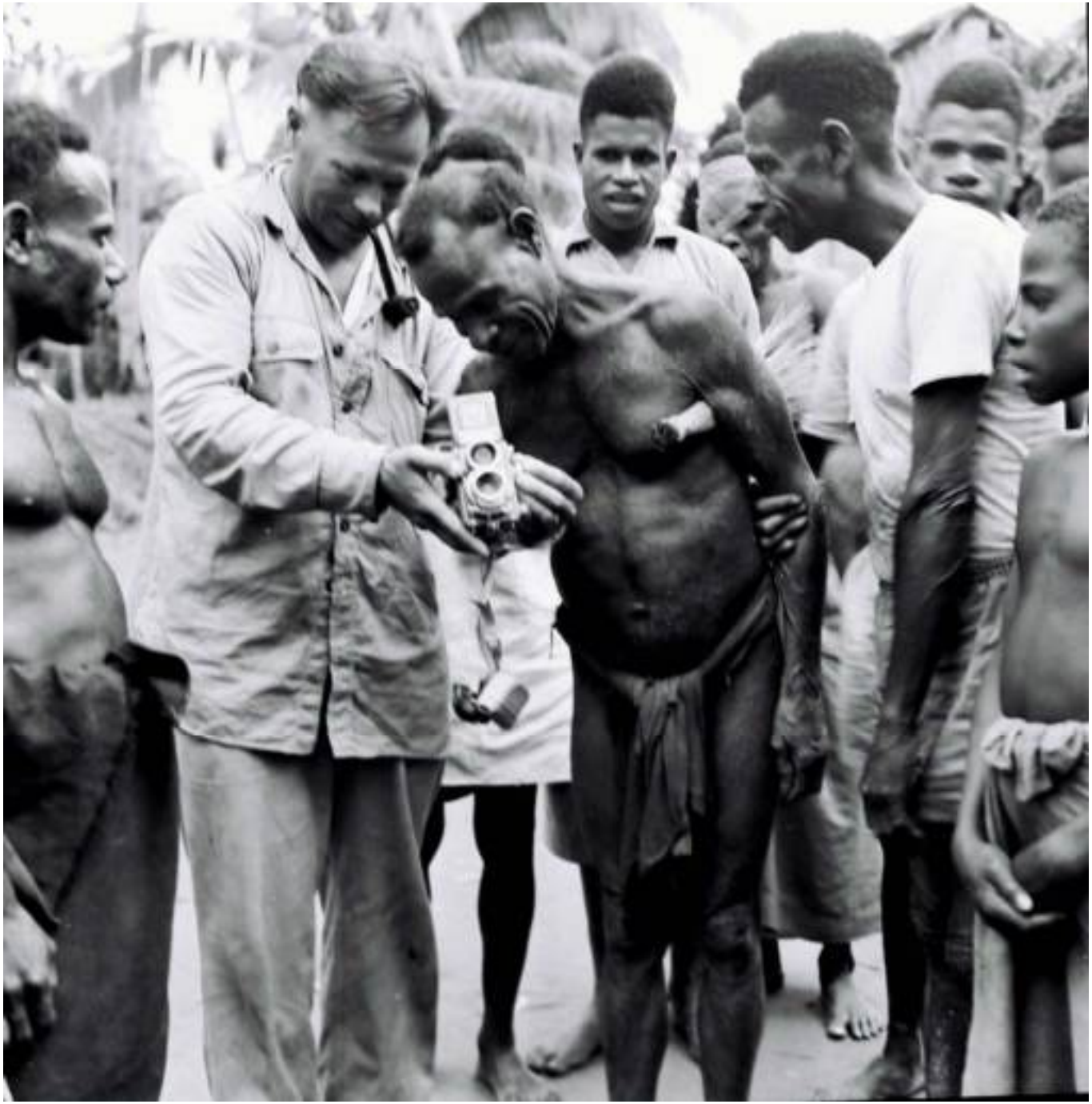
На туземном празднике Синг-синг

Песня

Сбор ягод

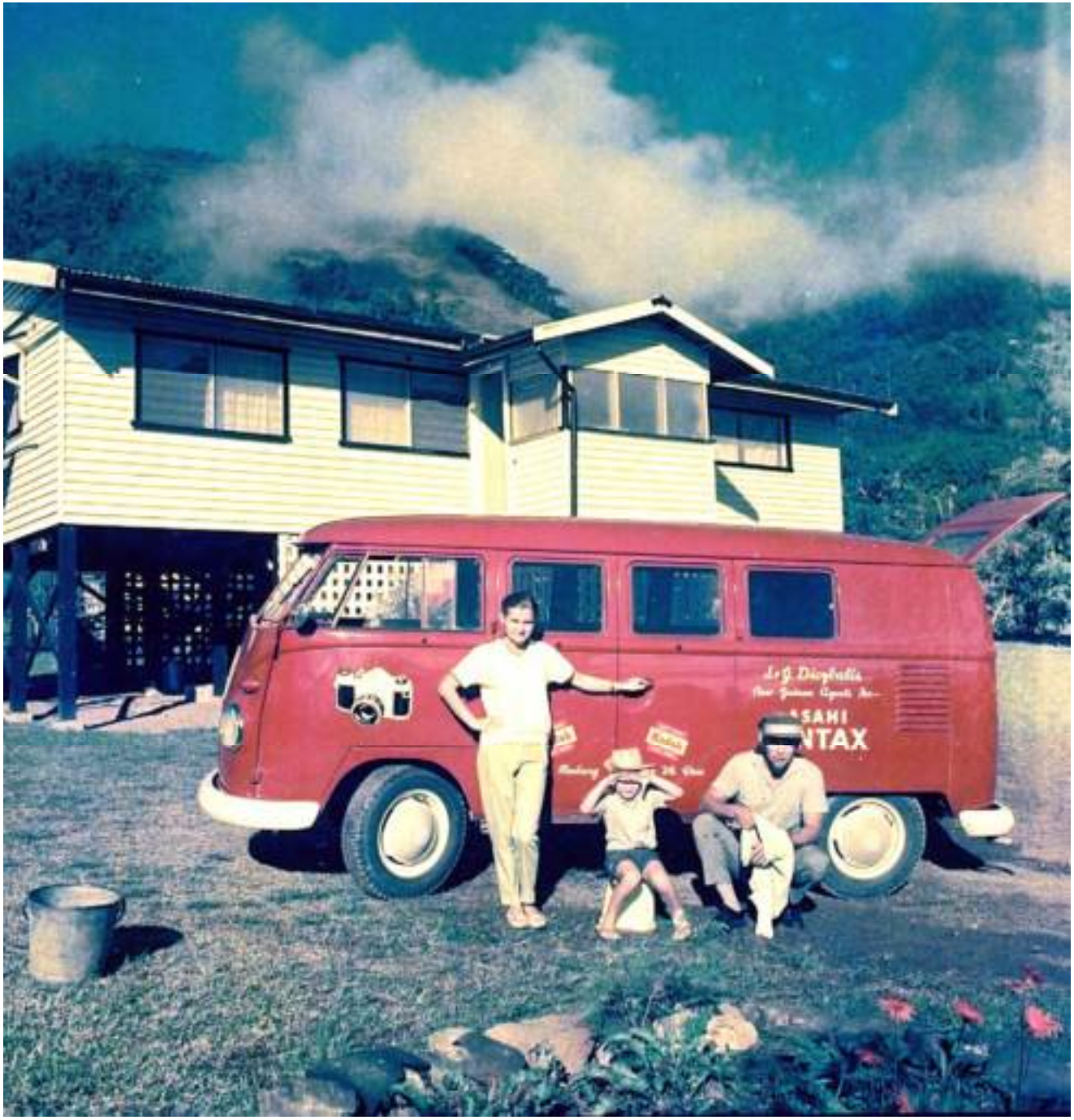
Красавицы

«Мэри». Открытка студии «S.&G.Diczbalis»



Уроки фотографии-1

Уроки фотографии-2



У нашего дома в посёлке Уаау

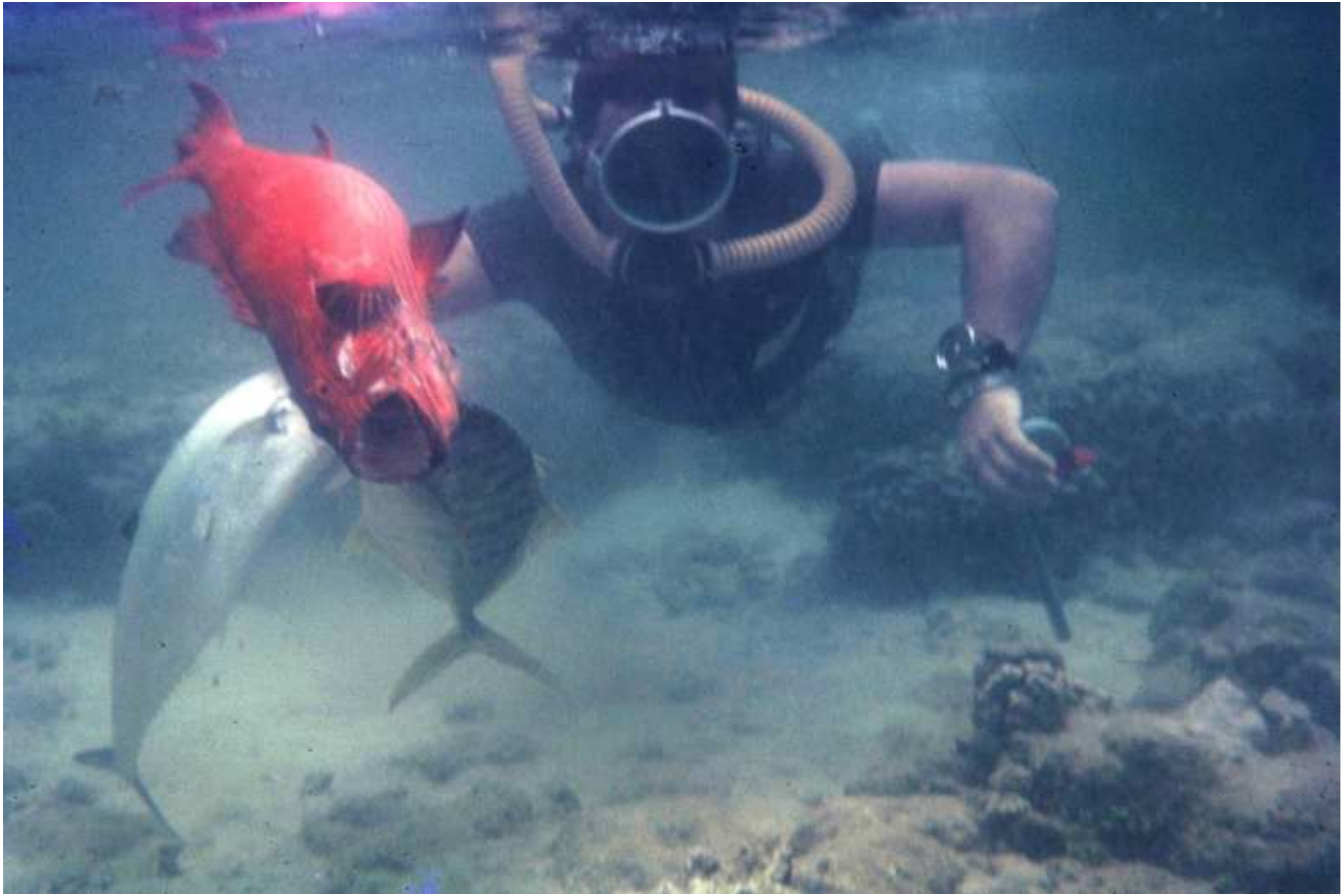
Готовимся к Рождеству в посёлке Уаау

Труда со своим питомцем

Труда в Мананге (белая женщина в окружении туземцев)

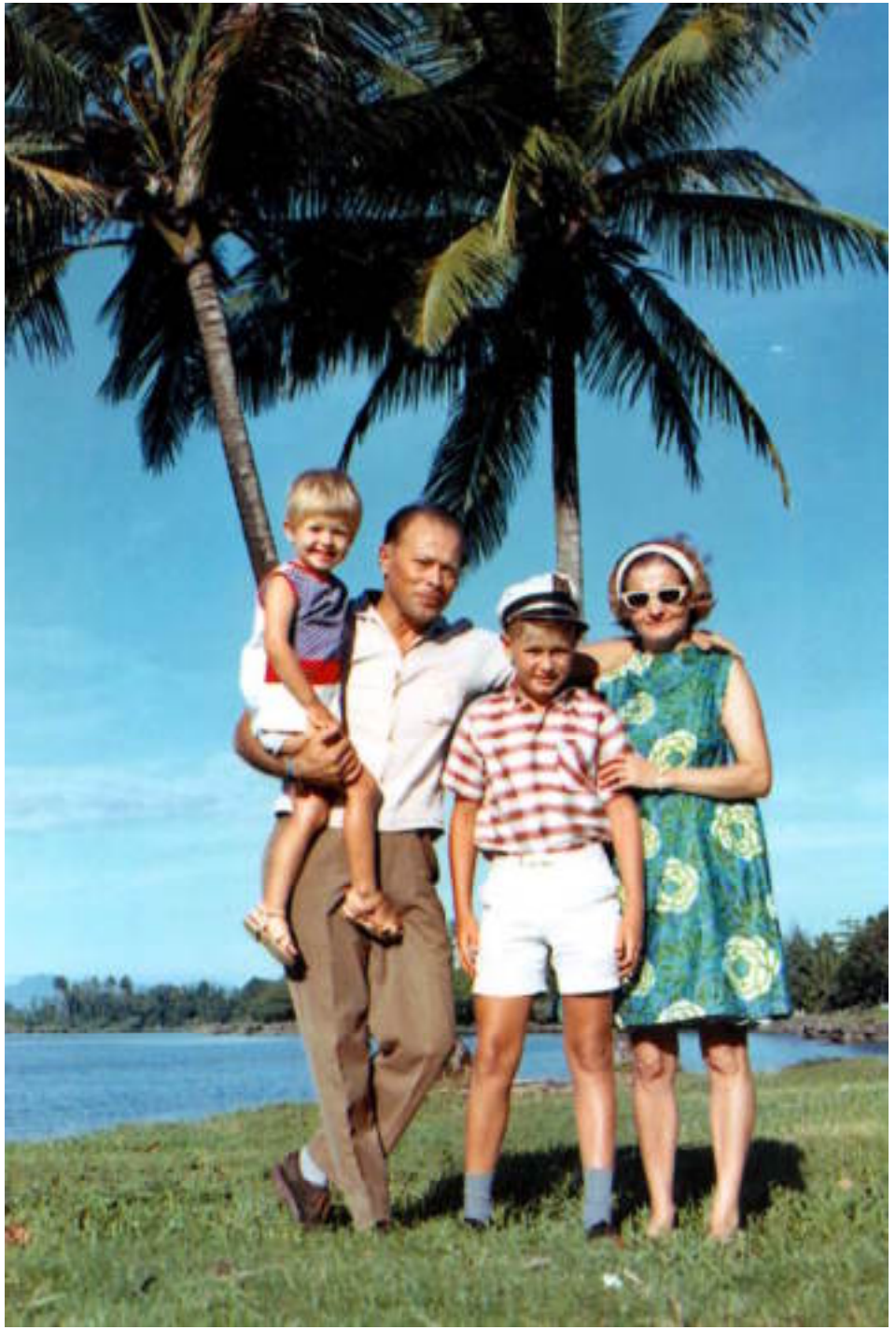
Съёмки в снежных горах

Стрельба по мишеням. На огневой позиции –
Чемпион Новой Гвинеи по стрельбе из винтовки



Сегодня на ужин у нас будет рыба

Улов для туземного госпиталя



Вся наша семья. Маданг, 1968 г.

Новогвинейский цветок

Мой домашний музей. Коллекция туземного искусства

Мы оставили для продолжения дел фирмы менеджера, а сами перебирались в Австралию, где мне было предложено создать своё дело с двумя хорошими знакомыми. Мы переехали в город Брисбен (в штате Квинсленд), где у нас уже был участок земли в 7 гектаров всего лишь в 12 км. от центра города.

СНОВА АВСТРАЛИЯ

Купили мы эту землю в 1960 году, когда я летал на операцию в Германию. Эта земля была чем-то вроде страховки для семьи в том случае, если моя болезнь окажется неизлечимой. Но вместо того, чтобы строить на этой земле, мы купили два дома. Один – в самом городе, а другой – на участке в один гектар, совсем рядом, но выше по склону с нашими семью гектарами.

Моё дело заключалось в следующем: мои друзья были маклерами и продавали для клиентов дома, фермы и квартиры. Им нужны были деньги для скупки старых, заброшенных ферм в черте города, и разделения их на стандартные участки в тысячу квадратных метров (десять соток) для постройки домов близко к городу. Деньги давала страховая компания, но я гарантировал своим имуществом и самой землёй возврат ссуд на проведение водопровода, электричества, асфальтовых дорог и канализации. Это было в 1972–73 годах. Наше дело процветало, шло просто баснословно, пока я не заметил, что стоимость акций коммерческих компаний быстро идёт вверх. Это означало, что спекулянты, скупавшие у нас земельные участки, начнут продавать их и вкладывать деньги в акции для более быстрого оборота. Это могло привести к понижению цен на участки земли до такой степени, что возникли бы трудности с возвратом кредита страховой компании. А если она возьмёт под арест нашу землю, то продаст её за бесценок, и мы прогорим.

Почему я начал беспокоиться – не знаю. Всё, казалось, было спокойно, и наша семья летала по всему свету на доходы от этого дела. Раз пять был я то с женой, то с сыном, а то и с дочерью в путешествиях вокруг света, останавливаясь в Гонконге, Японии, США, Англии и чуть ли не в каждом городе и городишке Европы. Швейцария, Италия, Германия, Югославия, Венгрия и Франция были для нас хорошо знакомыми местами. Однажды мы с дочерью присоединились к туристической группе, которая объехала всю Европу верхом на лошадях. У нас были свои лошади в

Австралии, и мы чувствовали себя совсем как «профессионалы», в то время как у других всё болело от тряски.

Как часто был я так близко к советской границе! Как хотелось взглянуть на Родину! Но я знал способности и злопамятность «малиновых погон» и рисковать, даже с австралийским паспортом в кармане, просто не хотел. Я никогда не делал никаких выпадов против моей Родины или против её правителей. В кругу друзей я, конечно, свободно высказывал своё мнение, что ум у людей в СССР заморочен настолько, что многие уже не понимают – ведут ли их к лучшему или только обманывают.

Что касается меня, то, попав в мир капитализма, я понял, что «не так страшен чёрт, как его малюют». Я воспринял принцип «свободного мира»: от каждого по его способности (не только грубой физической, но и умственной, и деловой) и каждому по его достижениям, упорству, выдержке и находчивости. «*Good luck*», счастье тому, кому удалось честно заработать, рискуя всё потерять. Ну а те, кто жульничают (а таких у нас тоже много!), отвечают перед судом, если их поймают.

И вот потерять-то всё я и не хотел. Из газетных и журнальных статей я понял, что не всё идёт, как надо в экономике страны. Спад в экономике мне был уже знаком – мы приехали в Австралию как раз, когда там была рецессия. О большой, мировой, я тоже много читал. Вот и пришёл я к выводу, что нам надо продать землю, чтобы избавиться от долга страховой компании. Мои партнёры ужаснулись. Как так? Мы покупаем по нормальной цене, продаем с хорошей прибылью, и если что случится, мы сможем продать землю по себестоимости и избавиться от долгов. А долгов у нас было около двух миллионов долларов (в 1974 году это была колоссальная сумма). Я объяснял, что кроме нас есть и много других, занимающихся тем же делом. Они тоже будут вынуждены продавать по себестоимости, и на рынке будет больше земли, чем покупателей... Но уговорить партнёров мне не удалось!

Последним фактором, побудившим меня принять решение к выходу из нашего дела, было то, что в это время наши дураки-австралийцы, клюнув на пропаганду австралийских коммунистов и лейбористов, сделали премьер-министром Австралийского Союза хитрого, заносчивого социалиста Уитлэма. Он обложил страну налогами,

которыми поддерживал не только действительно нуждающихся, но и каждого лентяя или лентяйку, предпочитавших гулять по пляжу вместо того, чтобы зарабатывать на хлеб насущный.

Поскольку социалисты обложили предприятия налогом, который зависел от численности работающих, то компании начали сокращать штат, увольнять тех, кто не был абсолютно необходим для производства. Уволенные сразу вставали на пособие, что требовало дополнительных средств из бюджета. Это привело к ещё большим налогам на бензин, операции с недвижимостью и на наследство. Страна до сих пор не пришла в себя от того социалистического эксперимента!

К этому времени я уже продал свои акции своим партнёрам, только-только выручив то, что я вложил четыре года назад. Случилось именно то, чего я и боялся – земельные участки начали продаваться ниже себестоимости, последовали банкротства и то, что им сопутствует: самоубийства, развал семей и пр.

Подсчитав свои финансы, которые мне удалось сохранить, я купил маленькую усадьбу, сдал наш дом в аренду и стал «фермером». У нас были и коровы, и племенные быки, и лошади чистокровной арабской породы, гуси, утки и куры. Кенгуру, всякие ящеры величиной с динозавров (игуаны в два метра длиной), лисицы и кролики, в счёт не шли. С ними шла постоянная борьба за существование. Или мы их съедим, или они съедят всё вокруг у нас!

Быть фермером в Австралии – все равно, что быть профессиональным игроком. Или станешь богатым, или прогоришь. Всё зависит от места, погоды и везения. Наша Австралия то горит в ста местах, то всё, что горело, находится под водой. Конечно, мы не занимались фермерством профессионально – больше ради того, чтобы познакомить наших подростков с животным миром и жизнью вне большого города.

Наши средства укреплялись частыми гонорарами за мои фотографии животного и подводного мира в Новой Гвинее и случайными контрактами на съёмки того или другого, их я получал из разных стран. Однажды меня вызвал мой друг Штреземан в Германию для съёмки фильма о работе по исследованиям и лечению астмы в его клинике. Провёл я там шесть месяцев, хорошо заработал, все были довольны съемками, а у меня остались неизгладимые впечатления моего пребывания там...

Сын к этому времени окончил университет и стал специалистом по тропическим фруктам. У нас в Австралии опять началось что-то вроде спада, и получить работу по его специальности было не так уж легко – новоиспечённый специалист, кому он нужен в тяжёлое время? Намекнув сыну о том, что ему полагается помощь как безработному, я с гордостью услышал от него, что пока у него есть сила и руки, помощи ему не надо. 8 месяцев работал сын в китайском ресторане, где мыл посуду. Теперь его очень ценят в штате Северная Территория, где он занимает должность главного растениевода и приносит много пользы (и дохода) местным фермерам своими советами и руководством. Его часто посылают в командировки по Австралии, а то и в азиатские государства – такие, как Малайзия, Тайвань, Таиланд и др.

Наша с Трудой дочь Янина росла на свободе и просторе фермы. Надо упомянуть, что и она, и сын, и жена помогали мне во время постройки конюшни на десять лошадей и (потом) нашего уютного двухэтажного дома. Они помогали не только морально, но и физически, кто как мог. Сын и дочь научились класть цементные блоки в стены конюшни, а жена помогала мне затаскивать на крышу дома восьмиметровые балки для крыши и потолка. В общем, два года упорной работы ушло только на постройку. Заборы, дорога, корчевание пней, разбивка огорода, курятник и фруктовый сад... – все это ещё находятся в не совсем законченном состоянии (по словам жены).

Пришла пора перевести дочь в частную школу в Брисбене. В это время сын уже женился на очень милой австралийке шотландского происхождения и шёл по жизни самостоятельно. Хотелось быть недалеко от дочери (наша ферма находится в 1560 км от Брисбена, в штате Новый Южный Уэльс), и мы разъехались снова, сдав ферму в аренду. Труда с Яниной в Брисбене, Ян в Дарвине (штат Северная Территория), а мне надо было лететь в Европу с моими киноаппаратами, дабы заработать средства для покрытия житейских расходов. Надо было помочь детям встать на ноги, помочь приобрести дом для сына с уже запланированным внуком (мы с Трудой были просто уверены, что это будет ВНУК). За исключением пары операций, ставших необходимыми для восстановления моей «подъёмоспособности», так как я надорвался на ферме, всё шло «нормально» (слово, которое резало мне ухо, когда я услышал

его от последних иммигрантов из России, но к нему я уже привык).

Дочь окончила среднюю школу и заявила, что она хочет работать с животными вместо того, чтобы поступать в университет. Ей удалось устроиться на университетской ферме в отделении подопытных животных. Под её контролем разводились морские свинки, кролики, белые мыши и тому подобная живность. Там она проработала десять лет, до тех пор, пока не стала матерью. Да, мне надо же объяснить, как до этого дошло, дабы не поставить под вопрос честь нашей дорогой Янины.

Работая в должности заведующей отделом, Янина часто оставалась по вечерам, даже по субботам и воскресеньям, если этого требовали обстоятельства. Эти сверхурочные часы можно было отгулять во время недели, что она часто и делала. Гуляла она не одна. К нам повадился ходить парень, на которого я посматривал при его посещениях, как НКВД смотрело на иностранцев – с подозрением. Ничего в нём не было плохого, но, вспоминая свою юность, я чувствовал возможный «подвох». Однажды, когда Янины не было дома, я спросил его, с какой целью он так часто посещает нас и пропадает с Яниной на пляже во время её выходных. Он, замявшись, что-то ответил. Я, решив проверить его намерения, положил ему руку на плечо и медленно, с выражением, не подлежавшим сомнению, сказал: «Если ты чем-либо навредишь нашей дочери, я тебя убью!»

Он пропал на несколько дней. Потом, избегая, по возможности, встреч со мной, опять начал ухаживать за Яниной. Это кончилось тем, что я как-то был в Сиднее по делам и получил от него телефонограмму с просьбой встретиться с ним в определённое время на городской площади. Янина тоже должна быть с ним. С тревожным сердцем я пошёл на эту встречу. Что-то вроде интуиции побудило меня купить одну единственную орхидею, выставленную в цветочном магазине, когда я подходил уже к памятнику, у которого мы сговорились встретиться. Первой меня увидела Янина и бросилась мне на шею. Сердце у меня ёкнуло, но орхидея спокойно перешла в руки моей дочери. Где-то из-за её спины вышел Стивен (тот самый, которому я пригрозил несколько месяцев назад). Несколько мгновений они оба переминались с ноги на ногу, но потом Стивен выступил вперёд и как-то смущённо произнес: «Я прошу руки Вашей дочери». «О!..» – подумал я и посмотрел на дочь. Глаза её сверкали, она вовсе не

казалась смущённой. «Да, да, я согласна выйти за него замуж», – как-то неожиданно вырвалось у неё с мольбой в голосе.

Ну, что мне оставалось делать? «А сможете ли Вы себе позволить такую роскошь?» – спросил я, только чтобы оттянуть немного свое согласие. Я хорошо знал, что за всё их время знакомства, Янина «сделала» из Стивена человека. Наша дочь настояла на том, чтобы он продолжил его учёбу на Землемерном курсе университета. Он сдал успешно экзамены и из помощника превратился в полноправного землемера. «Да, конечно», – был его короткий ответ. Стивен сдержал свое слово. Через несколько лет он стал партнёром одной очень солидной землемерческой фирмы, и его слово в ней немало значит. Дав свое согласие, прямо на площади, у памятника, под начавшим моросить дождём, я хотел пригласить их в ресторан, чтобы отметить помолвку, но, увы, им надо было спешить на аэродром и продолжать их работу. Они отпросились всего на полдня, только чтобы увидеться со мной.

Свадьбу справляли мы через полгода. Вместо медового месяца они полетели в Канаду кататься на лыжах. Вернувшись, они устроились в нашем доме, который они теперь выкупают, надо сказать, довольно бойко.

«Потеряв» дочь, мы приобрели новую радость – у Яна и его супруги появился сын, наш ВНУК! Мы с Трудой души в нём не чаем, и, несмотря на огромное расстояние между нашей фермой «*Уаллагут*», где мы с женой живем вдвоём, и Дарвином, где живет и работает сын, мы часто виделись, посещая друг друга на Пасху, Рождество, и на мои дни рождения.

Время бежит, вот и мне стукнуло семьдесят! Сижу я на солнышке, и с тоской вспоминаю весь свой жизненный путь. Вдруг вижу – кто-то на машине въезжает в ворота! Оказывается, это наш сын со всей семьёй. Выходит и шутит – вот, мол, проезжали мимо и заехали. Пока я разбирался, как это «мимо», вижу – вторая машина поднимает столб пыли, подъезжая к дому. Смотрю – это дочь с зятем. Наверное, тоже проезжали «мимо»?

Эту встречу тайно устроила моя дорогая жена, чтобы отметить «семидесятую ступеньку» моей жизненной лестницы. Побыв с нами несколько дней, наши дети с семьями исчезли за облаком пыли опять, по дороге домой, по своим местам.

Ники и Тоби – друзья!

Это такое счастье – внуки!

На Пасху в гостях у Янины.

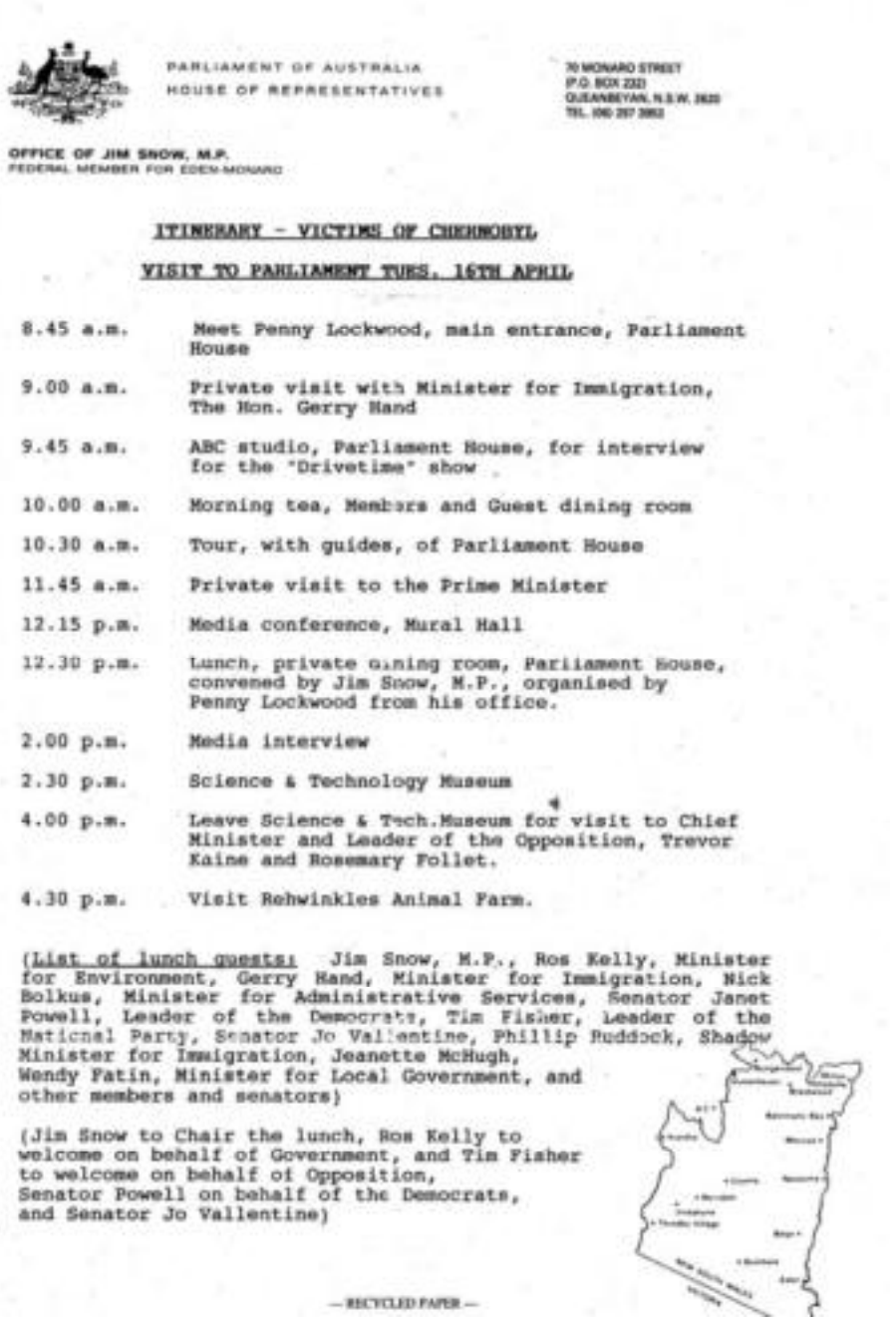
1992 год! Просто ужас, как время мчится! Я пропустил одно очень важное событие в 1991 году. «Русский Дом» в городе Мельбурне пригласил в Австралию на шесть недель оздоровления и отдыха сто двадцать детей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы. По Австралии с помощью «этнической» радиостанции (есть такая у нас), пронёсся клич о помощи в приёме и размещении 126 человек – детей и сопровождающих взрослых. Я предложил Труде взять на содержание одного или двух, но получил на это предложение довольно оскорбительный ответ – жена назвала меня скупердяем! «Если приглашать, – сказала она, – так приглашать! Мы сможем приютить на несколько недель человек двадцать пять».

Проглотив пилюлю, связался я с англиканской церковью. У них в посёлке Татра, недалеко от нашей фермы, было очень приличное помещение, где можно было разместить наших гостей. Епископ дал согласие на пользование домом, коммерческая прачечная предложила не только услуги по стирке, но и постельное бельё и полотенца. Другие предприятия, такие как рестораны, аттракционы, ларьки, продающие мороженое, туристические боты, и даже местные фермеры – все

предлагали свои услуги и помощь. Нам с женой осталось только закупить продовольствие для завтраков и кое-что для сладкоежек. Позвонив в Мельбурн, мы уверили организаторов, что для группы в 25 человек у нас всё готово. Через члена парламента от нашего округа я устроил посещение гостями здания парламента и встречу с министрами (и даже с самим премьер-министром мистером Хоуком) за столом во время обеденного перерыва. Министры сложились каждый по пятерке, и все были накормлены замечательным обедом в правительственной столовой. Поел и я бесплатно!

Трудно описать подробно, как развлекались дети. Достаточно сказать, что у меня на руках кипа благодарственных писем от девчат и ребят, со многими переписываюсь я и сейчас. Время в нашей Татре, по их словам, было одним из лучших в их жизни.

Конечно, Труда и я получили приглашения навестить многих в России и на Украине, и мы стали думать о такой поездке.



PARLIAMENT OF AUSTRALIA
HOUSE OF REPRESENTATIVES

70 MONARO STREET
P.O. BOX 2321
QUEANBEYAN, N.S.W. 2620
TEL. 062 297 3963

OFFICE OF JIM SNOW, M.P.
FEDERAL MEMBER FOR EDEN-MONARO

ITINERARY - VICTIMS OF CHERNOBYL

VISIT TO PARLIAMENT TUES. 16TH APRIL

8.45 a.m.	Meet Penny Lockwood, main entrance, Parliament House
9.00 a.m.	Private visit with Minister for Immigration, The Hon. Gerry Hand
9.45 a.m.	ABC studio, Parliament House, for interview for the "Drivetime" show
10.00 a.m.	Morning tea, Members and Guest dining room
10.30 a.m.	Tour, with guides, of Parliament House
11.45 a.m.	Private visit to the Prime Minister
12.15 p.m.	Media conference, Mural Hall
12.30 p.m.	Lunch, private dining room, Parliament House, convened by Jim Snow, M.P., organised by Penny Lockwood from his office.
2.00 p.m.	Media interview
2.30 p.m.	Science & Technology Museum
4.00 p.m.	Leave Science & Tech.Museum for visit to Chief Minister and Leader of the Opposition, Trevor Kaine and Rosemary Follet.
4.30 p.m.	Visit Rehwinkles Animal Farm.

(List of lunch guests: Jim Snow, M.P., Ros Kelly, Minister for Environment, Gerry Hand, Minister for Immigration, Nick Bolkus, Minister for Administrative Services, Senator Janet Powell, Leader of the Democrats, Tim Fisher, Leader of the National Party, Senator Jo Vallentine, Phillip Ruddock, Shadow Minister for Immigration, Jeanette McHugh, Wendy Fatin, Minister for Local Government, and other members and senators)

(Jim Snow to Chair the lunch, Ros Kelly to welcome on behalf of Government, and Tim Fisher to welcome on behalf of Opposition, Senator Powell on behalf of the Democrats, and Senator Jo Vallentine)

— RECYCLED PAPER —

Программа посещения делегацией детей Чернобыля Парламента Австралии.

The Children of Chernobyl to visit Bega Valley ... Can You Help?

In the aftermath of the Chernobyl disaster in 1986, many thousands of people in that area are suffering horrendous health effects to this very day.

Most susceptible to illness are the children and the old, not to mention the scores of young women suffering genetic effects.

In Australia, the Russian House Victims of Chernobyl National Relief Fund Inc. was formed to assist these people with much needed aid.

Within six weeks of being established some 90 tonnes of food and medical supplies were forwarded into the three affected republics of Byclorussia, Ukraine and Russia.

This fund also agreed to accept 150 children this year with the first group coming from the Ukraine.

Mr Sigmund Diezablis and his wife Trudy who now live at Bournda on the shores of Wallagoot Lake, emigrated from Russia to Australia in 1948 settling in Brisbane.

They moved into the Bournda area in the 1970's.

Although now true Australians they still take a great interest in their home land and were watching a Russian speaking show on SBS television recently when an appeal came across for people to host some or all of the 48 children who arrived in Australia on the 24th March.

Sigmund and Trudy responded to the call and have volunteered to host 20 of the children from 16th to 23rd April.

All of the children were residents of Chernobyl and Prypiat (the now deserted ghost town 3km from the reactor) on the day of the explosion.

They have all been exposed to extremely high radiation and need to get away to give their immune systems time to slightly recover.

It has been proven by other countries hosting children for these "holidays", that once away their nose bleeds, headaches etc. rapidly subside and with good food and clean air their quality of life dramatically increases. They all however do have a "sentence" upon their life and the effects of the radiation on the length of their life and that of their children will tell in time.

Trudy and Sigmund are going to meet the party of 20 children together with their six helpers one of which is a Doctor, in Canberra on 16th April.

They will be meeting with Jim Snow and his former secretary Peggy Lockwood and will be taken on a tour of Parliament House and lunching in the Parliamentary dining room.

It is hoped they may have the opportunity of meeting Prime Minister Bob Hawke.

After their day in Canberra they will then venture down to the Anglican Church camp at Tathra known as Wambiri where they will stay until 23rd April.

Mr Fred Miller of Merimbula is helping Trudy & Sigmund Diazablis in organising activities and food for the touring party with many Merimbula and Bega Valley businesses already generously donating to the cause.

Magic Mountain, Sinbad, Pampers Coffee Shop, Matilda, Yellowpinch Wildlife Park, Top Fun and the Bournda State Recreation Reserve have volunteered their services and facilities to assist in this great project.

Should you wish to assist financially, a bank account has been opened in Merimbula at the Commonwealth Bank. Deposits may be made at any branch of the bank into account No 2649-4330 or drop it into the Merimbula Tourist Information Centre or Merimbula News office.

Volunteers are being called for to assist with the preparation of food, house keeping and chaperoning of the party in the Bega Valley.

Any assistance from Russian speaking people would be greatly appreciated.

It must be remembered that the children left Russia with only the clothes they were wearing and therefore expenses could be incurred in fitting them out for our climate.

It is estimated that $5000 will be required to assist these innocent victims of our society in their stay in the clean environment of the Sapphire Coast.

Trudy and Sigmund Diczablis at their Bournda home.

Австралийская пресса подробно освещала пребывание детей-чернобыльцев в Австралии.

Более конкретное приглашение было у меня ещё с 1990 года. Друзья в университете г.Брисбена попросили меня повозить по Австралии русского специалиста по взрывным работам на открытых шахтах. Это был профессор Мисник Юрий Михайлович, проректор Ленинградского горного института им.Плеханова. Он не владел свободно английским языком. Я познакомил его с нашим министром по горному делу, повозил по всяким шахтам, о которых ничего не знал сам, но где мы всегда были приняты руководством шахт очень дружелюбно.

Юрий Михайлович провёл около двух недель с нами на ферме, где, эксплуатируя его при подготовке нашего огорода к пролёту перелётных птиц (мы укрывали огород сетью), я беседовал с ним на всякие темы, в том числе и политические. Однажды, я задал ему вопрос: «Вы член партии?» С непоколебимой гордостью прозвучал ответ: «Да!» С этого момента я поверил, что не все члены партии были подлецами и карьеристами.

После возвращения в Россию Юрий Михайлович неожиданно скончался через восемь месяцев после нашего расставания. В моей памяти он остался очень благородным человеком!

На этот период времени приходится и сделка, сделавшая нас вполне обеспеченными. Мы продали тот кусок земли, который я купил (как страховку) ещё в 1960 году. Продавать его как-то не хотелось, мы привыкли к нему. Но заинтересованная сторона так упорно приставала к нам, что я решил пойти на приём, должный отпугнуть покупателей, – я запросил на пятьдесят тысяч больше, чем эта земля стоила в тот момент. Но не тут-то было! Мои условия были приняты, и отказаться от них теперь было неудобно. В день подписания контракта мы стали почти миллионерами!

«Ну, теперь я смогу помочь моим друзьям в России. Буду высылать пакеты с необходимыми вещами тем, кто их себе не может позволить» – так сказал я жене, и опять получил от неё «удар под дых». «Глупости! – заявила Гертруда, – возьми эти деньги, которые тебе удалось получить «на арапа», и помоги своему народу, насколько сможешь». После этого мне не осталось ничего иного, как купить билет на авиарейс в Европу и, остановившись в Германии, организовать сбор медицинских препаратов и аппаратуры, одежды, обуви, бумаги, компьютеров, шоколада, консервированного продовольствия, детских игрушек, кухонного оборудования и велосипедов...

ПОСОЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

EMBASSY OF
THE RUSSIAN FEDERATION

78 Canberra Avenue, Griffith, A.C.T., 2603
Telephone: 295-9033
Fax: 295-1067

To (Fax No.): 0049 80613075
Company:
Attention to: г-ну З.Диабалису
Subject:
From: Посольство РФ в Австралии
Date: 10.06.92.
No. of Pages: (including this one)
(Please, contact us if any problems have been encountered during transmission of this message)

Message:

Настоящим подтверждаем, что австралийский гражданин Зигмунд Диабалис (Sigmund Diabalis, Passport K0006880) известен нам как активный участник различных благотворительных акций, предпринимаемых в Австралии с целью оказания гуманитарной помощи России. В 1991 г., в частности, З.Диабалис в тесном сотрудничестве с исполнительственной благотворительной австралийской организацией "Русский дом в Мельбурне – Национальный фонд по оказанию помощи жертвам Чернобыля" принимал непосредственное участие в организации пребывания в Австралии детей из районов, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС.

С учетом вышеизложенного просим бы оказать необходимое содействие З.Диабалису в его усилиях по доставке грузов гуманитарной помощи из Германии в Россию.

ЗАВЕДУЮЩИЙ КОНСУЛЬСКИМ ОТДЕЛОМ
ПОСОЛЬСТВА РФ В АВСТРАЛИИ /М.ЧУПАХИН/

Ходатайство Посольства РФ в Австралии.

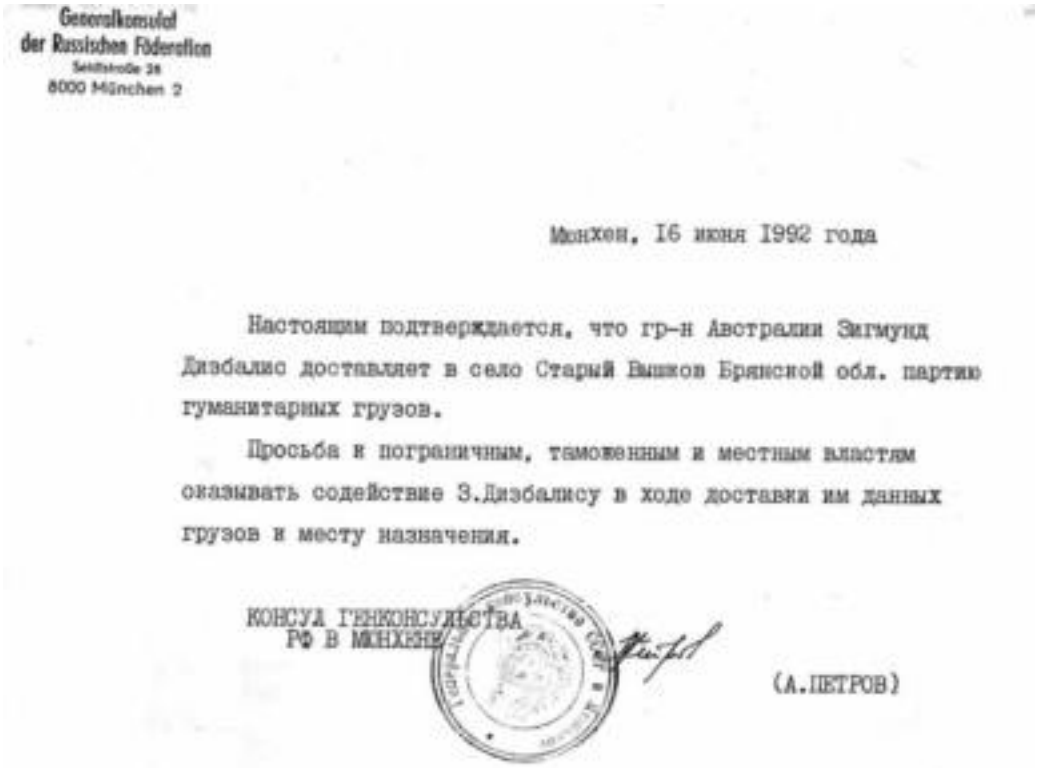
Посольство Российской Федерации в Австралии выдало мне документ, который, по идее, должен был облегчить доставку гуманитарного груза в Россию.

НА РОДИНУ!

Как это всё перевезти в Россию, в места, где оказались переселенцы из районов, подвергшихся радиоактивному заражению? Приехав в бывшую Восточную Германию, в город Галле, где проходили аукционы военного имущества, я купил огромный грузовик-шеститонку. С разными трудностями вернулся я к друзьям, где оставил всё, что приобрел или собрал с помощью немецких друзей, и загрузил добро в мою машину, типа «холодильник на колёсах» (её без ключа открыть было нельзя!).

Встал вопрос – как ехать? Через Прибалтику? Меня предупредили в российском консульстве в городе Мюнхен, что если через Прибалтику, то только в колонне с другими машинами – иначе могут всё разграбить, а машину отнять!

Ах, вот как!? «Времена опасные?» Добро! Я погрузил грузовик на паром, доехал до Финляндии, перегрузился на другой паром и доплыл без затруднений (но облегчённый на тысячу долларов) до причала на Васильевском острове в Санкт– Петербурге.



Generalkonsulat
der Russischen Föderation
Seidlstraße 28
8000 München 2

Мюнхен, 16 июня 1992 года

Настоящим подтверждается, что гр-н Австралии Зигмунд Дизбалис доставляет в село Старый Вышков Брянской обл. партию гуманитарных грузов.

Просьба к пограничным, таможенным и местным властям оказывать содействие З.Дизбалису в ходе доставки им данных грузов к месту назначения.

КОНСУЛ ГЕНКОНСУЛЬСТВА
РФ В МЮНХЕНЕ (А.ПЕТРОВ)

Подтверждение Генерального консульства РФ в Мюнхене в гуманитарном характере моего груза.

У меня был порыв упасть на колени и поцеловать родную землю. Только ужасная грязь и запущенность везде охладили мои чувства, и только слёзы как-то сами собой капали на руль моего зелёного чудовища по дороге к таможне. Так как мой кузов-контейнер был набит до отказа, и про-

верить содержимое было невозможным без остановки на сутки, я запломбировал в Германии обе массивные двери контейнера и вёз с собой заверенные в российском консульстве списки содержимого. Это помогло пройти свободно таможенный досмотр. Только пришлось полураздеться и показать запрятанные вокруг талии десять тысяч долларов. С пятью штампами и с просьбой к ГАИ пропускать меня без обысков, я выехал из порта – прямо в дружеские объятия Ларисы Викторовны Мисник и её сына Юры, ждавших меня у ворот ещё задолго до причаливания моего парома.

После пары недель, проведенных в Санкт-Петербурге под опекой Ларисы и Юры, я доехал до Москвы, где познакомился с Борисом Рыгасовым из села Старый Вышков, где в 1986 году из занесённого ветром облака выпали радиоактивные осадки.

Туда я и направил свой грузовик. Доехал, посмотрел, ужаснулся, разделил с помощью Бориса Рыгасова и молодых парней из Союза милосердия всё, что находилось в машине и направился в Киев на Украину, чтобы встретиться с Валентиной Роговой.

Zoll-Inhaltserklärung LKW HAL-70 A

Bescheinigung

Ich bestätige hiermit den Inhalt meines LKW HAL-70A
Die gesamte Ladung ist bestimmt als humanitäre Hilfe für die
Einwohner des Dorfes Stari Wischkow in Nowo Zibkow Bezirk Brjansk.
Es handelt sich um gekaufte und durch Spenden gesammelte Güter:

Getragene Kleidung und Schuhe
Küchengeräte
Verpflegung (500 DM)
4 gebrauchte Fahrräder
4 gebrauchte Computer
4 Computer (ausgelaufene Modelle)
Medikamente (3000 DM)
Zahnärztliches Zubehör (3000 DM)
Dauer-Milch
Eßgeschirr
Werkzeug
Kinderspielzeug
Für gekaufte Artikel sind die Kaufbelege vorhanden.
Ich bestätige, daß keine Waffen oder Drogen in der Ladung
enthalten sind.

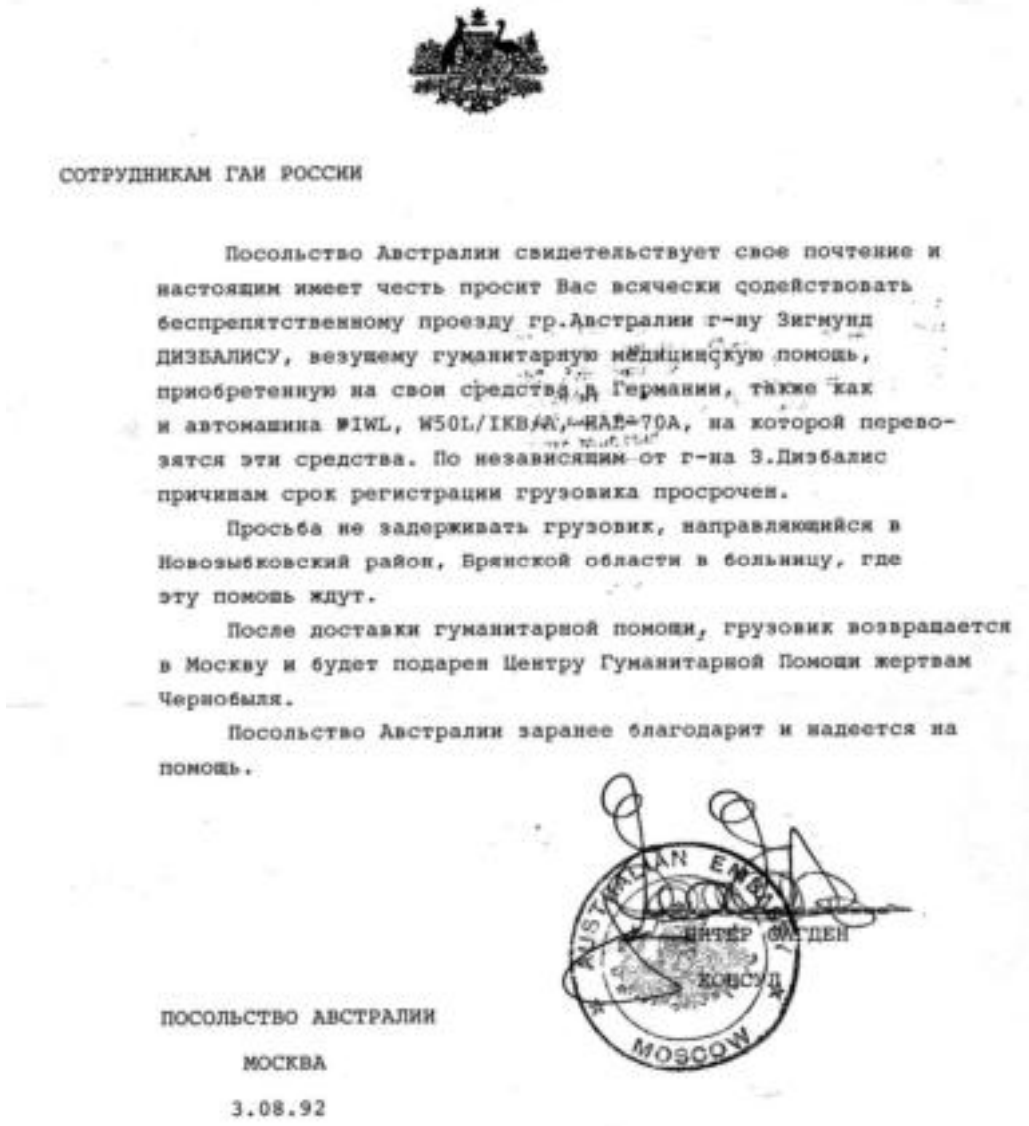
ГРУЗ ТАМОЖЕННЫЙ

(Sigmund Diczbalis) /Australia
Passport Nr. K0806880 Civic/Canberra
7 Royston St., Brookfield
Q 4069
Austalia

Toli - 1992

Таможенная декларация на гуманитарный груз.

Мой грузовик-шеститонка с гуманитарным грузом.
Перед машиной стоят Лариса Мисник и её сын Юра.



СОТРУДНИКАМ ГАИ РОССИИ

Посольство Австралии свидетельствует свое почтение и настоящим имеет честь просит Вас всячески содействовать беспрепятственному проезду гр.Австралии г-ну Зигмунд ДИЗБАЛИСУ, везущему гуманитарную медицинскую помощь, приобретенную на свои средства в Германии, также как и автомашина MIWL, W50L/IKB/A, -HAB-70A, на которой перевозятся эти средства. По независящим от г-на З.Дизбалис причинам срок регистрации грузовика просрочен.

Просьба не задерживать грузовик, направляющийся в Новозыбковский район, Брянской области в больницу, где эту помощь ждут.

После доставки гуманитарной помощи, грузовик возвращается в Москву и будет подарен Центру Гуманитарной Помощи жертвам Чернобыля.

Посольство Австралии заранее благодарит и надеется на помощь.

AUSTRALIAN EMBASSY
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
КОНСУЛ
MOSCOW

ПОСОЛЬСТВО АВСТРАЛИИ
МОСКВА
3.08.92

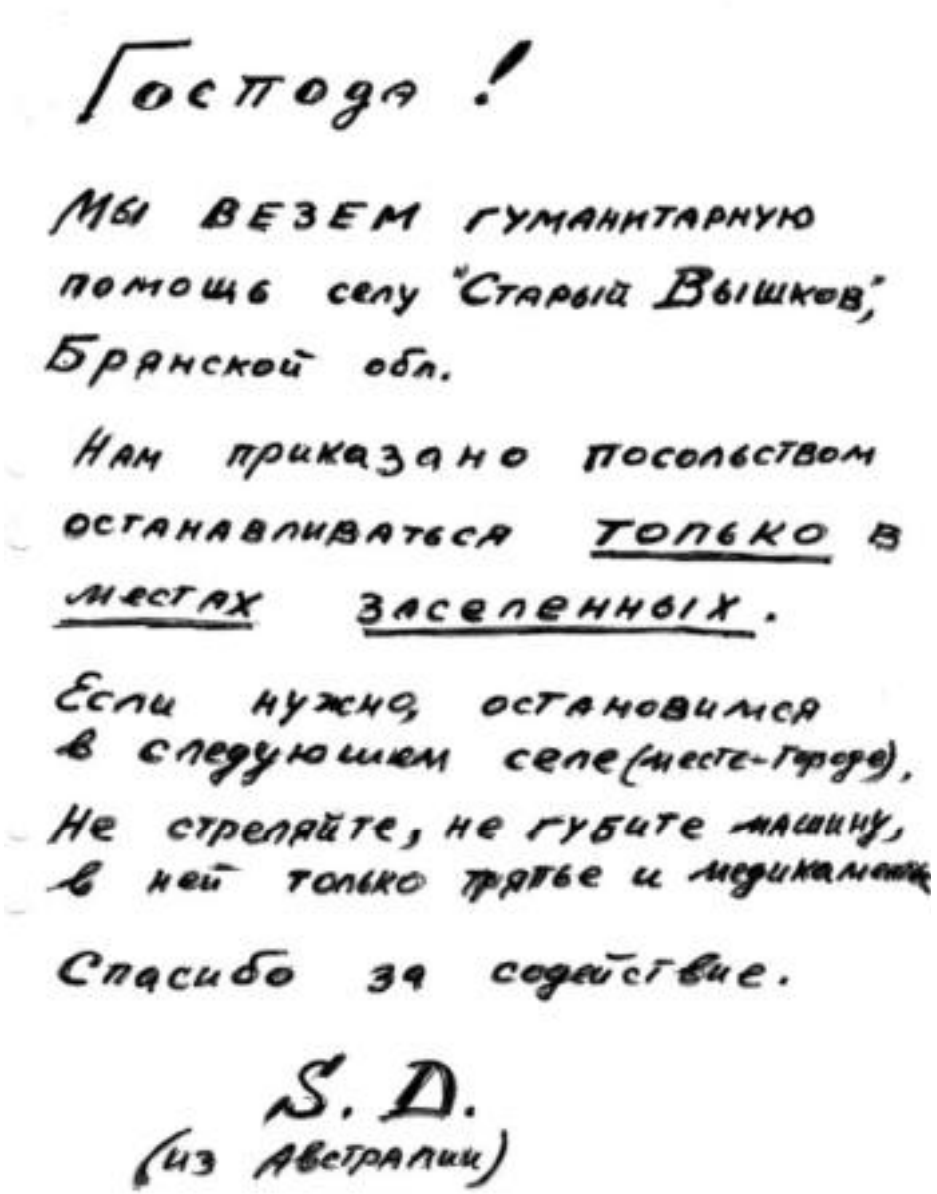
Обращение Посольства Австралии в России к ГАИ РФ.

Эта женщина отдавала всё свое время и энергию, чтобы как-то помочь детям из Припяти, т.е. почти из самого центра Чернобыльской катастрофы. Она и её муж были инженерами, до аварии они работали на реакторе, а после взрыва работали как «ликвидаторы». Оба они были людьми старой закалки – хоть и страдали, но не хныкали!

Оставив грузовик в Киеве, я вернулся в Москву, где меня приютил мой старый знакомый Эдуард К. Не знаю, почему, но позже, уже в 1994 году, связь между нами прервалась. Жаль! Очень жаль!

Из Москвы я поехал опять в Санкт-Петербург, опять встретился с Ларисой и Юрой. Я им страшно благодарен за их дружбу и безграничное гостеприимство! Перед самым отъездом я зашел в свою бывшую школу. Познакомился там с очень приятным человеком, Николаем Ефимовичем Воробьёвым, который принял меня как выпускника этой школы 1939 года.

Я оставил у него мой австралийский адрес с просьбой помочь найти кого-либо из оставшихся в живых выпускников нашего класса, после чего улетел из России в Австралию.



Господа!

Мы везем гуманитарную помощь селу "Старый Вышков", Брянской обл.

Нам приказано посольством останавливаться только в местах заселенных.

Если нужно, остановимся в следующем селе (месте-городе). Не стреляйте, не губите машину, в ней только братье и медикаменты.

Спасибо за содействие.

S. D.
(из Австралии)

Моя «охранная грамота» на пути в Старый Вышков.

В моей душе ещё не успели улечься впечатления от поездки в Россию, когда из Санкт-Петербурга пришло толстое письмо. Писал Н.Е.Воробьёв. Ему удалось связаться кое с кем из моих бывших школьных друзей! У меня закружилась голова! После стольких лет! Милые мои, дорогие мои однокашники! Да, а ведь стоило жить так долго, чтобы ощутить такую радость, какую в тот момент я ощутил! Спасибо судьбе за крепкое сердце! Ещё одно письмо – от верного друга детства Владимира Капитоновича Полянина (Магалифа) оказалось в моём почтовом ящике. Тут я уже почти совсем не сошёл с ума. Начал говорить по-русски с женой и детьми (а они не понимают по-русски), начал звонить в туристическое бюро и заказывать билет в Россию. Тут меня одёрнула жена. «С ума сошёл, что ли? Ну, куда ты полетишь? Сейчас там зима, под снегом и Петербурга-то не найдёшь», – приводила она разумные доводы для откладывания моего второго полета в Россию до весны.

Так я и сделал. Оставшись на время дома, начал я испытывать русскую (бывшую советскую) телефонную связь. Несмотря на то, что часами приходилось ждать «свободного провода», наговорил я столько, что получил благодарственное

письмо от «Телекома». Мне сообщали, что благодаря моим частым и длительным переговорам с Россией, экономика российской телефонной службы укрепилась и надеется на дальнейший рост. Меня такое сообщение ничуть не охладило. Я хотел слышать голоса моих старых друзей и радоваться вместе с ними тому, что мы, может быть, встретимся снова.

И мы, действительно, встретились!

Опять весной, в апреле 1993 года, приземлился я в Петербурге. Для того чтобы не платить за лишний вес моего багажа, на мне было два костюма и овчинный полушубок. Их карманы были наполнены всем, что туда можно было запихнуть. Я выглядел, как настоящий жирный капиталист на бывших советских плакатах. В руках и на плече протаскивал я через узкие двери таможни две сумки и два пакета, плюс беспошлинные товары, накупленные во время полёта в различных местах. Спросив меня, что такое у меня в сумках (они как раз в этот момент проходили через рентгеновское просвечивание), таможенник проштамповал мой паспорт и пожелал хорошего визита. В зале ожидания стоял мой старый друг Володя. Его я узнал сразу. На машине его знакомого доехали мы до дома на Серебристом бульваре, где я встретил Люсю, супругу Вовы. Эта милая женщина наварила к встрече столько прекрасных блюд, что я начал сомневаться насчет нехватки продуктов в России. Забыл я о законе русского гостеприимства – для гостя всё, хотя бы пришлось потом и голодать! После обеда мы начали думать, как организовать встречу со всеми из класса «10-1» – всех разом.

И такую встречу удалось организовать! Радость была безграничная, и мы разошлись, как во сне. Вот только я простудился, и мне пришлось провести две недели в постели на набережной Мойки, в доме № 63. Это был дом, где жила раньше моя подруга детства, учившая меня кататься на коньках. Я учился с её братом в одном классе. Нас двоих искали друзья в течение нескольких лет после войны. Вот я объявился, а моего друга Гавдзинского все нет и нет! Его сестра (это была её квартира) жила на квартире мужа и любезно предоставила мне возможность жить в квартире на Мойке во время моих посещений Петербурга. Я ей очень благодарен за это, вот жаль только, что расстались мы с ней не совсем по-приятельски! Но это уже совсем другая история.

В середине июня поехал я в Германию через Прагу. В моем купе ехали в Будапешт три миловидные женщины. Перед переездом границы меня попросили выйти из купе минут на десять. Когда меня впустили опять, я ужаснулся переменой внешности моих попутчиц. Они страшно растолстели и стали неповоротливыми. Что сделалось с тремя очень стройными фигурками? Потом, после таможенной проверки, мне пришлось выходить из купе опять. Через несколько минут я заглянул в купе, и мне чуть не стало плохо – я не верил своим глазам. Все три были опять очень стройными и юркими. Женщины мне объяснили следующее. Одна из них была врач-гинеколог, две другие женщины – её ассистенты по клинике. Каждый второй месяц ездили они вместе в Будапешт и продавали там то, что там можно было выгодно продать. Кожаные куртки из Турции, часы советского производства, майки, рубахи и носки из Китая и т.п. охотно покупались венграми. И хотя женщинам приходилось терпеть обиды и оскорбления от прежних «друзей», одна такая поездка приносила им доход, равный их двухмесячной зарплате в клинике. Так как таможенному досмотру на границе подвергались только сумки и чемоданы, и таможенники не проверяли, как они одеты, то за полчаса до проверки они натягивали всё, что было можно, на себя, чтобы таким образом избегнуть уплаты полагающейся пошлины. Женщины очень удивились, узнав, что у меня нет ничего для сокрытия от пограничников. Пришлось мне признаться, что я австралиец и мне нет нужды подрабатывать таким способом.

До Праги доехал я, будучи единственным пассажиром в вагоне. Выйдя на платформу для пересадки в другой поезд, идущий в Нюрнберг, я попал на глаза пройдохе-носильщику, уверявшему меня, что следующий поезд пойдет только завтра и мне нужно, с его помощью, оставить вещи на вокзале и зарегистрироваться в отеле. Он заломил какую-то сумму в кронах, сказав при этом, что будет дешевле, если я заплачу немецкими марками. За перевоз моего чемодана с платформы в зал ожидания «всего» 50 марок!

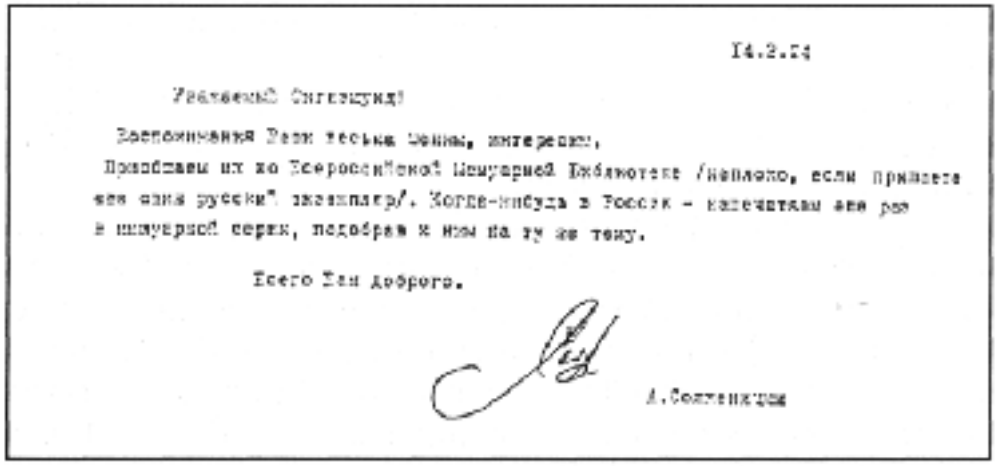
Догадавшись, что он меня «объегоривает», я снял чемодан с тележки, дал ему 20 крон и пошёл обедать в ресторан при вокзале. За 17 крон я хорошо поел и запил еду литром пива. По вокзальному радио объявили о поезде на Нюрнберг, и мне удалось без опоздания поспеть на него. И к вечеру я уже был в Нюрнберге.

От одних друзей к другим шёл мой путь, по которому собирал я всё, что могло бы пригодиться в России. Пересылать или перевозить компьютеры, одежду, медицинские препараты и другое было нельзя без машины. Ещё в Мюнхене я прикинул, что будет дешевле купить подержанный автомобиль, чем нанимать машину в каждом городе. Так я и сделал. Нагрузив мой «Пежо» до отказа, мне удалось погрузиться на «Анну Каренину» (паром до Санкт-Петербурга) и отдохнуть пару дней в чистой каюте. По прибытии в гавань произошла долгая задержка. Так много спекулянтов, прибывших с «Мерседесами», наполненными всяким барахлом для перепродажи, протиснулись вперед меня для проверки в таможне, что я уже был готов ночевать на пристани. Но вдруг кто-то из них не мог завести свою машину, и я, обнаглев до уровня местных пройдох, втиснулся прямо в ворота таможни и, заговорив по-английски, прошёл через досмотр на правах «гуманитарной помощи».

Бедные Эмма и Заур, супруга и сын доктора Алексеева, ожидали меня уже несколько часов. Машину разгрузили по известному адресу на набережной Мойки, затем отогнали в гараж знакомых Алексеевых.

Дальше – больше. Меня пригласили в Бузулук, Омск, Москву и Киев. Побывал я и в Казахстане – в гостях у пожилой русской пары.

В Омске познакомился с коневодством и пчеловодством, в Москве и Киеве подредактировал свои мемуары 1941–1945 годов. Вернувшись в Петербург, познакомился с очень милой парой – Леонидом и Наташей Ерёмиными, оказавшими мне огромную помощь с изданием моих мемуаров. На эту книгу, кстати, уже будучи в Австралии, я получил благожелательный отклик Александра Солженицына.



14.2.24

Уважаемый Сигизмунд!

Воспоминания Ваши весьма ценны, интересны.

Приобщаем их ко Всероссийской Мемуарной Библиотеке /неплохо, если пришлете еще один русский экземпляр/. Когда-нибудь в России – напечатаем еще раз в мемуарной серии, подобрав к ним на ту же тему.

Всего Вам доброго.

А.Солженицын

Отзыв А. И. Солженицына на книгу моих воспоминаний.

В 1998 году перед самым отлётом в Россию мне защемило нерв позвоночника. Пришлось ходить по Петербургу на костылях

Встретившись ещё раз с моими школьными друзьями, я начал упаковывать свой чемодан и улетел в Австралию только за несколько дней до Октябрьских событий.

Как во сне разбирался я в ворохе газет, книг, подарков и в своих записях, привезённых из России. Каждое утро я смотрел по телевизору репортажи о происходящих в Москве и Петербурге столкновениях и молил судьбу, чтобы моя несчастная Родина избежала бы гражданской войны. Кажется, молитвы мои были услышаны. Я пришёл в себя и начал готовиться к приёму гостей из России.

Но не повезло с поездкой моим гостям. Сперва не дали визу Зауру, потом, несмотря на мои протесты в Посольство Австралии в Москве, семье Рыгасовых. Просто чёрт знает что!

Выслав третье приглашение моим друзьям в Санкт-Петербург, я обратился за помощью знакомого члена парламента и отправил его письмо-поручительство прямо в австралийское посольство в Москве. Это, кажется, помогло сдвинуть дело с мёртвой точки.

Сегодня 8 августа 1994 года, когда я пишу эти стоки, я готовлюсь к так долго ожидаемой встрече. Через две недели, если все пойдет своим чередом, я буду стоять в зале ожидания Международного аэродрома города Сиднея и выискивать в толпе пассажиров знакомые лица друзей.

Ах, как хотелось бы пригласить всех вас, мои дорогие друзья, и принять как долгожданных гостей здесь, в Австралии! Но как это сделать? Вы так далеко от нас! Сейчас, принимая во внимание мой возраст и превратности судьбы, я не имею никаких конкретных планов на будущее. Живу, как говорят, сегодняшним днём и каждое утро благодарю судьбу за то, что опять вижу наше голубое небо, мою семью и всё ещё здоров.

Мой дорогой «ДЕСЯТЫЙ-ПЕРВЫЙ» (или что от него осталось), для ТЕБЯ я написал эти воспоминания.

Я благодарю свою судьбу и австралийский народ, принявший меня и давший мне возможность проявить мои способности, стать равноправным членом нашего общества!

Передо мной висит фотография нашего класса, выпуск 1939 года. Кажется, она принадлежала Иосифу Привальскому, который, как мне сказали, до самой своей смерти был уверен, что я ещё жив.

Память о выпуске 1939 г. школы № 1 г. Ленинграда

Странно, но о нём я тоже очень часто вспоминал и рассказывал своей жене и детям. Я дружил с Иоськой в школьные годы... Может быть, существует какая-то необъяснимая телепатическая связь между людьми с «одинаковой длиной мозговых волн»?..

Часто пытался я вспомнить все ваши имена, мой дорогой класс «10-1», но безрезультатно! Та граната 41-го года вышибла многое из моей памяти. И вот, вдруг увидел я во сне весь наш класс, сидящий за партами. Наташа Бондаренко, Буйвол-Кот и Борис Кузьмак на первых партах. Я проснулся, как ошалелый, схватил карандаш и записал на обложке журнала, скорее, чтобы не забыть, двадцать восемь имён из «Десятого-первого» и пару имён из «Девятого-первого» – тех, о которых я тоже думал. Представьте себе – это было задолго до того, как у меня появилась надежда на встречу.

Друзья! Давайте поднимем воображаемые бокалы и чокнемся с верой в то, что мы встретимся все вместе опять!

А до той поры вам всем, и каждому, и каждой – всего доброго и счастливого! И ещё один тост – то же самое желаю НАШЕЙ РОДИНЕ!! Она, конечно, не пропадёт, вот только скорее бы ей выздороветь!

Искренне Ваш, Сигизмунд из «Десятого-первого», выпуск 1939 года

1995г., Австралия

Часть IV. РУССКИЕ В АВСТРАЛИИ

МОЙ САЙТ «РОД – РОА»

Моим обращением к одноклассникам заканчивалась книга моих воспоминаний, вышедшая в свет в 1995 году. С тех пор прошло ещё несколько лет...

Каждый год, поднимались наши бокалы – последними усилиями «Десятого-первого», вернее, теми, кто ещё был в состоянии поднимать их!

За эти годы ушли в лучший (?) мир ещё шестеро из нашего выпуска. Несмотря на «болячки» и трудности в передвижении, последний раз нам удалось встретиться для условного «празднования» нашего восьмидесятилетия, в июле 2001 года. Мы пожелали друг другу то, что пожелали бы сами себе (как поёт Вахтанг Кикабидзе в песне «Пожелание») и... разошлись по домам «скрипя косточками».

Ну а мне снова пришлось лететь «домой» – аж до самой до Австралии. Почему «домой» в кавычках?

Каждый раз, проходя через таможню в России по пути домой, я внутренне обещаю себе, что этот раз будет последним! Но по приезде в свой уютный домишко в ставшей мне родной Австралии, что-то внутри у меня начинает ныть: «хочу назад, хочу назад».

Странно и, в тоже время, понятно, – меня тянет назад наш русский язык! Я владею тремя языками. По-английски я говорю с сильным русским акцентом. Мой лексикон «*is sufficient*» для довольно длинных разговоров и дискуссий, но так, как я могу объясниться по-русски, по-английски у меня не получается. Да, вот этот РУССКИЙ ЯЗЫК, владеть которым во всём его совершенстве мне хоть и не дано, притягивает меня, как магнитом, туда, откуда, после короткого пребывания, мне хочется назад, к моей доброй «мачехе» – Австралии.

В этой, дополнительной, главе мне хотелось бы рассказать читателям о том, как я живу сегодня, о жизни русской общины в Австралии. Но сначала расскажу немного о своей жизни в последние несколько лет.

Что я делаю дома? Я описал свой распорядок дня в письме моим друзьям в России в канун Нового, 2002 года.

Южное полушарие... Декабрь 2001 года... В австралийском городе *BRISBANE* – жара под 37 градусов, плюс 92% влажности. Вокруг всё горит! Но это привычно. Шесть месяцев в огне, шесть в воде – таков австралийский климат!

В открытые окна домика типичного «среднего уровня» видно, как за компьютером сидит старик и пьёт крепкий кофе, стараясь расшевелить свои «мозговые извилины».

В чём дело? Да вот надо написать письмо друзьям в России, поздравить их с наступающим Новым Годом, пошутить с ними, развеселить, как-то подбодрить, отвлечь от каждодневных забот! Но ничего не получается, «старику» самому тошновато, года берут своё!

Мне остается, как утопающий хватается за соломинку, хвататься за поговорку: «Где жизнь, там и надежда!»

А где надежда, там всё ещё жизнь!

Дорогие мои друзья! Верьте или нет, а меня эта поговорка поддерживает! Поздно ночью, приходя в спальню после длинной прогулки по Интернету, и залезая под простыню, у меня мелькает мысль: «А ведь, может, и доживу до утра?». А рано утром, часов этак в шесть, одним глазом смотрю в окно, шевелю пальцами рук и ног и осознаю, что: «Ага, жив ведь ещё!» Это дает энергию вылезти из постели, принять душ, а потом, на кухне, заварить кипятком мой любимый завтрак – три ложки «Геркулеса», добавив к нему мелко нарезанное яблоко или ложку-две изюма. Проглатываю всё это, читая утреннюю газету. Новости – просто ужас! Читать не охота! Там бросили бомбу, там уже идёт настоящая война, люди гибнут, как будто кто-то хочет от них избавиться и сделать нашу планету более свободной от венца творения – человека!

Всё это ужасно меня расстраивает и я, бросая газету, включаю радио! А из репродуктора несётся всё тоже!

К этому времени просыпается жена. Чтобы не прослыть лентяем, хватаю пылесос, метёлку на длинной ручке (для удаления паутины ночных пауков), тряпку и создаю видимость, что помогаю жене с дневной уборкой дома. Через полчаса, ссылаясь на боль в спине, ставлю назад в кухонный шкаф все «орудия пытки», завариваю крепкий кофе и иду в свою компьютерную комнату.

Каждое утро, как правило, на экране появляются штук десять разных посланий. Примерно половина – реклама пилюль, продлевающих жизнь или усиливающих потенцию, акций, гаран-

тирующих быстрое обогащение, и т.д. Остальные – от друзей, знакомых или новых посетителей моего сайта в Интернете. Избавившись (одним лишь нажатием клавиши) от первых, я провожу пару часов, отвечая на последние.

Жизнь идёт дальше!

Обед, послеобеденный отдых, опять компьютер или интересная книга. Перед ужином гуляю минут двадцать (дольше не могу – начинают «скрипеть» коленки, болеть спина).

Наступило время ужина. На маленьком столике – прямо перед телевизором. НОВОСТИ! Но если и есть новое, то это повторение газет и радио. Тогда, ухожу к компьютеру или к книге. Иногда смотрю интересные передачи по телевидению. Затем снова работа в Интернете, и – опять под одеяло: «Эх, дожить бы до утра!

Ну, а почему я так долго сижу за компьютером?

Дело в том, что я создал в Интернете сайт под названием «РОД – РОА. История Русского Освободительного Движения и Русской Освободительной Армии» (адрес сайта: ***http://roa2.narod.ru***). Он был создан мной без какой-либо выгоды для себя – лишь для того, чтобы донести до возможно большего числа людей правдивую информацию о Русском Освободительном Движении. Я преследовал при этом одну единственную цель – восстановление исторической правды. Я посвящаю свою интернет-страницу тем, кто погиб, стремясь, быть может, и наивно, но искренне, к освобождению Родины от сталинского и большевистского ига. Их было немало – тех, кто отдали свои жизни на поле боя или в лагерях Гулага за освобождение своей Родины, которая ОТКАЗАЛАСЬ от них в тот, самый тяжёлый момент, когда её помощь была им нужна больше всего!

Вспомним Приказ № 270, о том, что «военнопленных у нас нет. Есть только враги народа!» Отказ Сталина от помощи Международного Красного Креста обрёк миллионы неповинных людей на гибель в немецких лагерях для военнопленных и лагерях смерти.

Переписка с посетителями моего сайта очень интенсивная – оказывается, в мире немало людей, кого эта тема по разным причинам интересует. Одни благодарят меня за то, что я извлёк эту тему «из подполья, из забытья», другие пытаются высказать свое несогласие с трактовкой материала. Со всеми я пытаюсь найти общий язык. С одними мы расходимся, «как в море корабли» (в море

Интернета!). А с другими мы остаемся в дружеском контакте на долгое время.

Большинство откликов, конечно, приходят из России и США. Письма приходят и из других стран: из Аргентины, Испании, Канады, Бельгии, Франции, Англии.., Отовсюду, куда занесло тех русских людей, кому удалось выскользнуть из когтей СМЕРШа после Второй Мировой. Мне пишут уже их дети. С некоторыми корреспондентами мне пришлось вести довольно резкую полемику. Ведь очень трудно бывает донести до людей, замороченных пропагандой, факты и суждения, которые не вписываются в навязанные им жёсткие идеологические схемы.

Моими корреспондентами не раз ставился очень серьёзный вопрос: «КЕМ БЫЛ НА САМОМ ДЕЛЕ ГЕНЕРАЛ А.А.ВЛАСОВ?»

За последние четыре месяца мне пришлось прочесть несколько новых книг о генерале Власове, РОА и РОД (написанных с разных позиций) и поговорить с историками, посвятившими много лет, труда и настойчивости для того, чтобы «докопаться до истины».

Увы! Трудно разобраться в событиях происходивших чуть ли не шестьдесят лет назад!

Очевидцев почти не осталось, документация или подтасована, или её вовсе нет, а фантазировать человеку, занимающемуся такой сложной темой, просто не дозволено. Я считаю, что ответить объективно на вопрос о генерале Власове сейчас нет ещё возможностей!

Предлагаю вам своё, «солдатское» мнение[4].

По законам тех времен, мы все, включая генералов, не имели права попадать в плен!

Мы были обязаны застрелиться, сберегая для этого последний патрон. Однако это легко приказать, но не так просто выполнить! Несколько миллионов солдат Красной Армии оказались в плену вследствие идиотского командования, неразберихи на фронтах или подавляющего преимущества сил противника. Как Вы себе представляете эти миллионы, один за одним (или все вместе?) застреливающие себя «последним патроном»?

---

[4] *Интересующихся вопросом также отсылаю к воспоминаниям генерала Хольмстона-Смысловского, командующего Первой Русской Национальной Армией, созданной немецким командованием в конце войны (Приложение 4).*

Раздумья...

Да, были люди, которые так и делали в пылу боя. Но таких были единицы!

Большинство, особенно, когда пыл боя утих, и надежда остаться в живых не пропала, не застреливались, а хватались за эту надежду – в ожидании подходящего момента для побега.

Эти люди, по приказу «отца народов», оказались без защиты Международного Красного Креста и страдали от голода, издевательства и унижения в лагерях для военнопленных. Страдали долго, терпеливо, обдумывая причины их бесчеловечного существования. До тех пор, пока им не представилась возможность объединиться со своими братьями с целью попытки освободить их Родину от тех, кто был главными виновниками их жалкого существования, как в плену, так и до плена.

Повального желания воевать со своим народом у нас, бывших военнопленных, вступивших в ряды РОА, не было. Были такие, кто хотел отомстить за боль, страдания и унижения, перенесенные на своей же Родине, но и те всеми силами избегали «стрелять в простого солдата» и «приносить горе солдатской матери». Солдаты генерала А.А.Власова, верили в то, что он спасёт их от когтей СМЕРШа и уведёт под защиту Союзников.

Офицеры-пропагандисты РОА объясняли нам, что мы не должны стрелять, нужно только показать свою силу и убедить солдат Красной Армии, сомневающихся в правоте большевизма (а таких было тогда много). Убедить в том, что надо повернуть оружие против правительства, которое закабалило Россию и впутало её в эту кровавую войну, а потом расправиться с гитлеровской армией, сил которой никогда не хватит на то, чтобы захватить нашу Родину и удержать её в своих руках без согласия на то самого российского народа.

Пускай это звучит наивно ТЕПЕРЬ! Но тогда эта идея была нашей «соломинкой», за которую мы и ухватились. Но... было уже поздно! Гитлер оказал огромную услугу большевизму – своим запретом на создание РОА в 1942 году.

Я посетил Россию уже шесть раз. И мне довелось повстречаться с моими ровесниками, ветеранами войны с орденами на груди, которые смогли понять нашу надежду и наши планы освободить Россию от сталинского ига, а потом расправиться и с фашистами.

Но, побеждённый всегда виноват! Так случилось и с нами, не с «врагами народа», а с его сыновьями, от которых правительство этого народа отказалось по приказу Сталина.

Нужно ли ещё добавить, что мы не чувствовали себя ОТВЕРЖЕННЫМИ, а только ОТВЕРГНУТЫМИ – за то, в чём мы не были виноваты!

Простите, читатель, если я уже надоел Вам своей «пропагандой». Давайте теперь о другом!

РУССКАЯ ДИАСПОРА В АВСТРАЛИИ

Во время моих поездок по России мне удалось отыскать материалы, которые подтверждают, уточняют или объясняют некоторые события, которые были мной описаны в первом издании моих мемуаров. Удалось подобрать и несколько фотографий, которые можно было использовать как иллюстративный материал к тем «прошедшим событиям». Познакомившись со всем этим, мои друзья в Москве уговорили меня добавить к моим мемуарам страниц пятьдесят и переиздать мой «труд», полагая, что он будет интересен российскому читателю.

Почему-то этим друзьям показалось, что для меня, автора-самоучки, такой труд будет вполне «по плечу». Мне было предложено также собрать сведения о жизни русской диаспоры в Австралии. Пришлось поднатужиться, взять множество интервью у членов «этой самой диаспоры» и изложить результаты на следующих страницах.

Что из этого получилось, судите, читатели, сами.

Австралию, как принято считать, открыл англичанин, капитан Джеймс Кук.

Потеснив чуть-чуть аборигенов, он оставил на её берегах пару сотен первых иммигрантов (и добровольных, и не совсем добровольных). Это было давно! Более двухсот лет назад! С тех пор сюда перебрались тысячи, нет, миллионы людей всяких национальностей, вероисповеданий, этнических и географических корней, цвета кожи, политических или экономических «волн» – с намерением то ли разбогатеть и «удрать» назад домой, то ли построить себе и наследникам новую, нормальную жизнь и убежище на «новой родине».

Когда на берег Австралии вступила нога первого русского переселенца, точно установить мне не удалось. Но, по официальным данным, уже в 1901 году, в Австралии проживало ТРИ ТЫСЯЧИ ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ человек, ро-

дившихся в РОССИИ! (См.: «*Australian Weekend*» от 26.01.2002).

Издаваемый в Сиднее на русском языке журнал «АВСТРАЛИАДА» содержит статью, в которой упоминается имя одного из первых русских поселенцев в Австралии – Леандро (Леонида?) Ильина, который женился на аборигенке Китти. Результатом этого союза были пять детей, которые явились основателями русско-аборигенского клана в Австралии. По другим данным, первым русским в Австралии был некий Джон (Иван?) Потоцкий, поселившийся на Тасмании в 1804 году.

К сожалению, я не мог взять интервью у кого-нибудь из тех переселенцев – из них в живых не осталось ни одного. Но остались дети их детей. Вот у них то я и почерпнул те сведения, которые предлагаю вам!

За более точными историческими данными на тему «Русская диаспора в Австралии», прошу читателей обратиться к литературе, указанной в конце этих страниц.

То, что было раньше, довольно подробно описано Г.И.Каневской[5]. Мне, не имеющему, каких-либо научных степеней по истории русской диаспоры в Австралии, не следует выдавать себя за специалиста по этой теме! Но выполнить задание издателя заполнить столько то и столько страниц – надо!

Заниматься плагиатом, копируя труды людей, посвятивших себя розыскам в исторических архивах, не в моем характере! Мне пришло в голову предложить Вам, читатели, обобщённую информацию на тему: «Картина современной жизни русскоязычных иммигрантов в Австралии». Эти сведения, собранные с помощью друзей и знакомых, взявших с меня обещание не разглашать их имена, могут быть расценены просто как собрание невинных сплетен и чисто субъективных взглядов. Но... «не суди, да не судим, будешь», – ведь задание-то надо было выполнять!

Проживаем мы сегодня по всей Австралии и Тасмании, на коралловых рифах (островках), в крупных городах Австралии, в маленьких посе-

---

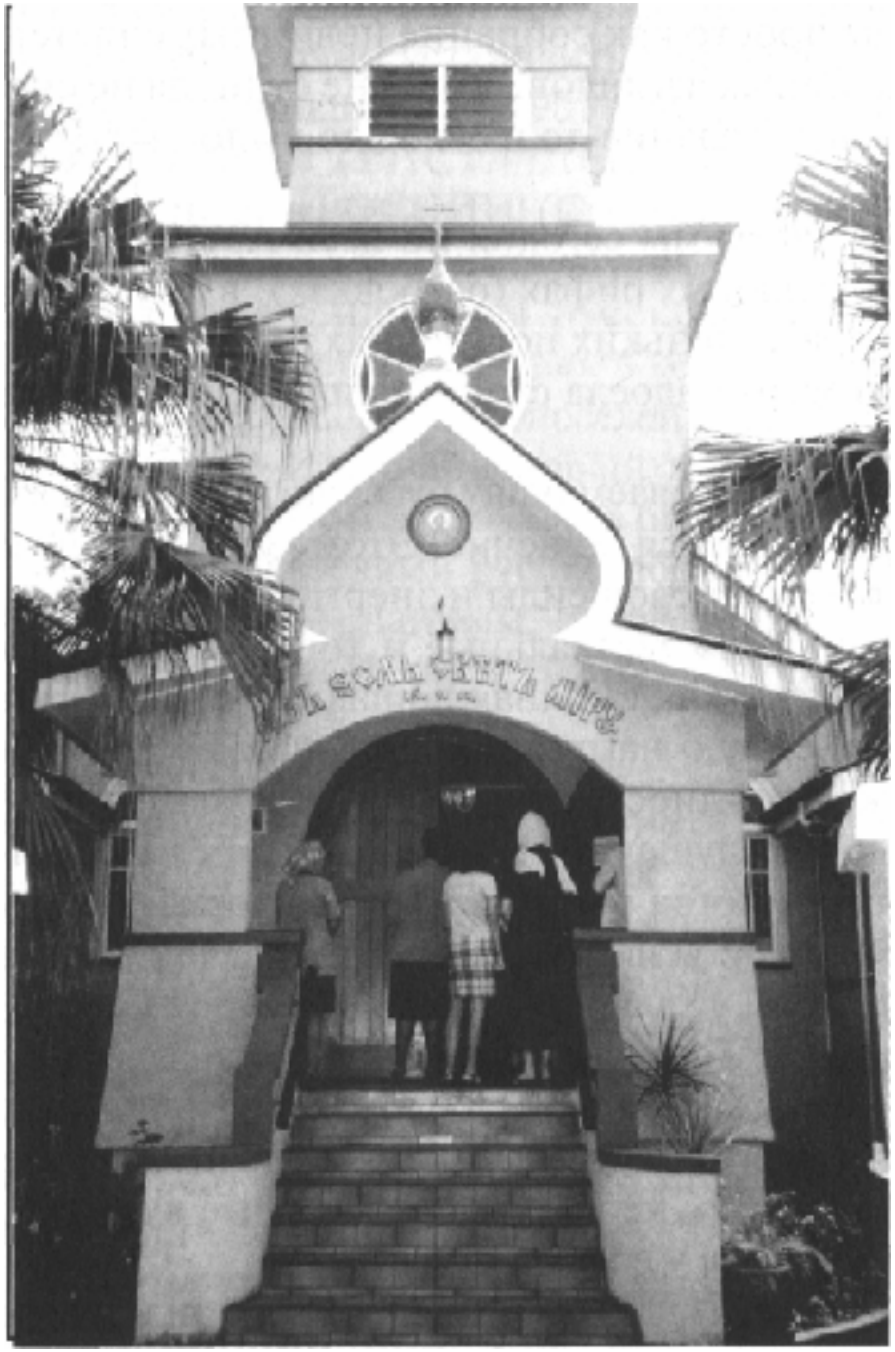
[5] *Каневская Г. И. Очерк русской иммиграции в Австралии (1923–1947 гг.). – Мельбурн : Ун-т Мельбурна. – 1998. – 84 с.*

лениях, а то и просто «бирюками», которым надоела суета цивилизации – даже в пустыне!

Мы поддерживаем нашу русскую культуру и язык, которыми мы гордимся, конечно! Этому мы обязаны тем среди нас, кто отдаёт свои силы и энергию безвозмездно. Тем, кто «сколачивает» театральные и хоровые ансамбли, выставки. Тем, кто, как вьючная лошадь, тащит на своих плечах общественную нагрузку – ведущих программ на русском языке на радиостанциях всех Австралийских Штатов. Очень многие слушают эти программы без оплаты членских взносов, иногда они даже требуют рекламы для своих литературных произведений или своего, так называемого, малого бизнеса. «Халява» существует и среди нас!

Мы пишем книги, воспоминания, издаём журналы, посылаем (иногда) наших детей в «русские школы», где бескорыстно трудятся истинные «героини нашего времени». Многим, конечно, не чужды религиозные чувства, но не у всех они есть и не у всех они одинаковы.

Несколько Православных Церквей прилагают все усилия не только для того, чтобы сохранить русские приходы, но и укрепить их численно – не все мы верующие, но активных атеистов среди нас мало!



Православный храм в г. Брисбене

Мы все понимаем, что человеку Вера нужна, как утопающему помощь. Кстати, первая русская православная церковь в Австралии была открыта в 1925 году в г.Брисбене. Это церковь Св.Николая Чудотворца, первым настоятелем её был протоиерей Александр Шабашев, а с 1929 года – архимандрит Мефодий (Шлемин). В 1933 году было решено приступить к постройке нового храма. Проект был разработан инженером Г.С.Мехоношиным, и в 1935 году строительство храма было завершено.

Храм Святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца в нашем Брисбене стал первым специально построенном русским православным храмом в Австралии. Посвящённый Святому Николаю, он также был возведён в память мученически убиенных императора Николая II и Его Семьи. В 1951 г. казаками-брисбенцами в храме был установлен киот-памятник императору Николаю II.

В нашем городе существуют и другие Православные Церкви. Не все они обходятся без разногласий, судя по информации, полученной от более активных прихожан, чем я. Сам я не достаточно знаю церковную жизнь русского Брисбена и поэтому не могу подробно рассказать читателю об этом.

Приведу только, как пример закулисных церковных разногласий, статью-письмо из российской «Литературной газеты» от 13.03.1992 г. Да, это было «давно», и не в Австралии, но «такое», к сожалению, оставляет следы навсегда!

К тому же, протопресвитер Александр Киселёв (вечная ему память!) для меня и таких, как я, был и остался ИКОНОЙ! Его помощью многие из нас остались в живых! Вот его письмо-обращение к Митрополиту Виталию, которое я цитирую:

Ваше высокопреосвященство, глубокочтимый Владыка Митрополит Виталий!

Надеялся я, что «инцидент» положенного Вами на меня запрещения совершать богослужения окончательно был изжит Вашим тёплым письмом, в котором Вы писали: «...благодарю Господа, вернувшего Вам силу духовную и мужество». О Вас я думал: мало ли что бывает, можно под горячую руку не только сказать, но и написать нечто без всякого к тому основания. Бог простит.

По возвращении Вашем из Австралии, Вы сняли с меня положенное Вами запрещение в священнослужении. Спасибо.

Но остаётся вопрос, кто гарантирует мне, что я вновь, столь же случайно, не попаду под подобную же напасть, могущую помешать мне умереть тем, кем я был всю мою долгую жизнь, – православным русским священником?

Однако дальнейшее, к сожалению, показало, что я просто оказался наивным человеком.

В понедельник 9 декабря с.г. во время всенощной престольного праздника Синодального Собора Вы через протодиакона сообщили мне, чтоб я не облачался и не участвовал в богослужении. Поражённый этим, я тут же в алтаре подошёл к Вам и спросил, чем вызвано такое Ваше распоряжение.

– Мне сообщили, что Вы причащались с Патриархом, – сказали Вы.

Я заверил Вас, что это неправда, что я строго соблюдаю Ваше распоряжение и ни в России, ни во время пребывания Святейшего Патриарха в Америке совместно с его Святейшеством не причащался.

– Да, – сказали Вы мне, – но Вы всю службу стояли в алтаре.

Я ответил, что мне, священнику, и положено стоять именно там, т.е. в алтаре.

– Однако, через это, Вы многих ввели в соблазн... но я допущу Вас участвовать в этом торжественном богослужении, если Вы дадите мне обещание, что больше не будете принимать благословения от Патриарха. Но ТОЛЬКО при этом условии.

– Нет, Владыка, такого обещания я дать не могу.

– Хорошенько подумайте, отец Александр, – посоветовали Вы мне...

Такого обещания я дать не мог. Оно противоречило бы всему православно-русскому пониманию уклада церковной жизни, на котором я с детства воспитывался и носителей которого я застал ещё в бытность мою в Рижской духовной семинарии и в ранние годы моего священства. Назову лишь несколько из них... (здесь о. Александр упоминает: архиепископа Иоанна, преосвященного епископа Евсевия, протоиереев о. Сергия и проф. М. А. Янсона, о. Кирилла Зайца и других).

Весь этот сонм выдающихся епископов и священников, носителей лучших дореволюционных традиций мышления и самосознания русского Православия, отвернулся бы от меня, если бы я

дерзнул забыть их заветы и выполнить Ваше требование не принимать благословения от Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси... А что же тогда следует делать? Протянуть Святейшему Патриарху руку для рукопожатия?!

Этим, собственно, и всё сказано. Я не беру на себя дерзость быть кому-либо судьей, тем паче православным епископам, но это не значит, что я лишаюсь права иметь собственное мнение по вопросам церковной жизни, за которую несёт ответственность не только каждый епископ, но и каждый священник и каждый мирянин. По совести не могу признать «юрисдикции» явлением богоугодным.

Я верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, верую в святость Православия, а не в ту или другую юрисдикцию.

Юрисдикционная борьба среди православных русских людей особенно преступна сейчас...

Протопресвитер Александр Киселев

О.Александр Кисилев – наш дивизионный священник († 2001). Донской монатырь, Москва, 1995 г.

Почему, автор, сам далекий от религии, уделил так много места приведённому выше эпизоду? Да потому, что отец Александр (вечная память этому честному и бескорыстному слуге Божьему!), спасал с огромным риском для себя сотни людей в послевоенной Германии 1945-46 гг.

Автор вновь встретился с о.Александром Киселёвым в 1995 году, посетив Донской монастырь в Москве. Узнав меня, о.Киселев благословил меня (после того, как я признался ему, что с религией имею мало общего), добавив: «Сигизмунд, некоторые неверующие, гораздо лучше многих "верующих"! Храни тебя Господь!»

Эту встречу мне не забыть! Я получил в подарок от о.Александра его книгу «Облик генерала Власова. Записки военного священника», в которой после автографа, добавил «+ Сигизмунду, Божьему рабу, да поможет Господь найти своего Отца Небесного. Прот. А.Киселев, Москва, 1995 г.».

Я преклоняюсь пред памятью о нём!

У нас в Австралии издаются на русском языке газеты, журналы, книги. Всё это на средства частных предпринимателей (периодические издания – подписчиков). Есть и специальные публикации на русском языке, оповещающие русскоязычную диаспору о новых законах, привилегиях для новоприбывших или уже получивших австралийское подданство граждан. Эти публикации издаются на средства Правительства (т.е. налогоплательщиков) и их можно получить (часто бесплатно) в магазинах «*Government Printer*», распространяющих официальные правительственные издания.

Этническое Радио «Ес-Би-Ес» (*SBS*) , существующее на государственные средства, делает передачи на более чем 50 языках. Часовые программы на русском языке идут в эфир несколько раз в неделю. Здесь и новости, и репортажи, и культурные программы из Москвы и Санкт-Петербурга. Так что русской музыки у нас достаточно. *SBS* по разным городам Австралии в разные часы дня передаёт через спутник телеканал НТВ или НТВ+ («Новости», «Сегодня»).Частная компания предлагает почти круглосуточное вещание этого канала, но за плату (абонентская плата – шестьдесят два австралийских доллара в месяц).

Различные авторы из среды нашей русской диаспоры, пытаются издавать свои книги, воспоминания и даже научные работы. По моему собственному опыту, наша диаспора поддерживает эти

начинания, скажем, очень скромно. Старикам не до чтения – они сами пишут мемуары. А молодёжь... у неё свой вкус и предпочтения, увы, с американским уклоном.

Часто, по приглашению разных «комитетов», или коммерческих предпринимателей, приезжают к нам в Австралию «звёзды» – исполнители русских песен, классической музыки, театральные коллективы прямо из России.

В столицах каждого штата есть русские общественные центры. В Мельбурне это «Русский дом». В Брисбене – «Русский общественный центр», открытый в 1972 году. Его предшественник «Русский клуб» начал свою работу ещё в конце 20-х годов прошлого века. В каждой русской организации есть председатели, комитеты управления, секретари, казначеи и прочие должностные лица, которые исполняют свои обязанности на добровольной основе. Эти люди работают, не покладая рук, стараются превратить русский общественный центр в такое место, куда бы тянуло каждого, кто не забыл ещё русский язык. Работа такого центра чем-то напоминает работу дома культуры в России. Здесь можно найти фольклорные ансамбли, кружки (как музыкальные, так и спортивные), литературные студии. Как надёжное средство собрать нас вместе и к тому же пополнить казну русского клуба или общественного центра время от времени здесь устраивается огромный прием со шведским столом. Конечно, на праздники – такие, как Новый год, Рождество, масленица, Пасха и др. Тогда столы в клубах «ломятся» под всякого рода домашними кулинарными произведениями.

Честь и слава тем добровольным работникам (и работницам), всем помощникам и помощницам, которые, в поте лица своего, не жалея сил и энергии, делают такие встречи интересными и запоминающимися!

Привлекают гостей и выступления местных (а также и приезжих) музыкальных или танцевальных ансамблей, солистов и хоров. Желудки гостей (и с ними казна клуба) наполняются, и все потом довольно долго вспоминают эти встречи.

Русские австралийцы обычно организовываются в группы по какому-нибудь доминирующему признаку: по происхождению, по временам прибытия на Австралийский материк, по вероисповеданию... Так есть среди нас «харбинцы», представители «второй» или «третьей» волн эмиграции, новоприбывшая молодежь...

Иногда, «при орденах», собираются ветераны войн, вспоминая «битвы, где вместе рубились они».

Другие объединяются в группы по своим интеллектуальным предпочтениям: это музыканты, программисты, спортсмены, хористы, коллекционеры, «революционеры». Ну, не революционеры, а такие «всё знающие», которых хлебом не корми, а дай им поспорить о том, как сделать наш мир (не нас!) лучше! Да, всякие бывают!..

Несмотря на то, что у каждого своя судьба и причина, по которой он оказался в Австралии, мы любим нашу Родину и стараемся поддерживать связь с ней через родственников, друзей, однополчан, школьных товарищей. А то и просто потому, что «там русский дух», забывать который в моменты невзгод нельзя!

Все мы знаем про общество «Надежда» в городе Брисбен, в которое входят не только члены нашей русской диаспоры, но и австралийские врачи и медицинские сёстры крупного госпиталя этого города. Это общество ставит перед собой довольно трудную задачу: помочь детям в России, страдающим ужасным недугом – «мышечная дистрофия». С этой целью общество привозит в Австралию врачей из России для ознакомления с последними методами лечения этой болезни, и отсылает их назад не только с пополненным профессиональным багажом, но и с новейшим оборудованием для больниц и госпиталей.

Мы преклоняемся перед руководителем этого проекта В.Н.Деревцовой за её преданность этому благородному делу. Приведу выдержку из статьи, опубликованной в журнале «Австралиада» № 20 за 1999 год.

ПРОЕКТ «НАДЕЖДА»

16 апреля 1999г. в Брисбен, по приглашению Проекта «Надежда», прибыла делегация от Министерства здравоохранения Российской Федерации для переговоров с Mater Misericordiae Children's Hospital, результатом которых было подписание 21 апреля договора о сотрудничестве. Договор является завершением пятилетней совместной работы Проекта «Надежда» и российской Ассоциации «Надежда», направленной на оказание помощи детям с нервно-мышечными заболеваниями. В Австралии, Проект возглавляется председателем Верой Николаевной Деревцовой; в России Ассоциация «Надежда» – организация родителей больных детей. В течение последних пяти лет Проект «Надежда» собирал деньги и устраивал приезды русских детей на лечение в

австралийских больницах, устраивал прием детей и их родных здесь, организовывал поездки русских врачей в Австралию и австралийских в Россию...

Русскоговорящих вообще то уважают в Австралии как хороших работников – будь то «*domestic help*» (прислуга) или высокой квалификации программисты, которые уже зарекомендовали себя как важный элемент австралийской экономики и бизнеса.

Бывают, конечно, и разного рода казусы. Например, встречаются женщины приехавшие «в гости», но любыми способами стремящиеся затеряться и остаться в Австралии. Просрочив визу, они, чтобы избежать депортации, меняют местожительство (а это значит – и мужчин, с которыми они сожительствуют за «кров и стол»), таким образом, оттягивая тот роковой день, когда их всё же берут на учёт и заставляют покинуть Австралию (часто на средства налогоплательщика). Такое бывает и с сильным полом, но мужчинам труднее найти «покровителей» и работу, кроме как по контракту на фруктовых или овощных фермах. Там ради привлечения дешевой рабочей силы работодатель не очень-то тщательно проверяет документы и легальность наёмного рабочего.

Да, все мы болеем, стареем, ломаются у нас кости, «скрипят» суставы, иногда у нас портятся зубы и ухудшается зрение! За «ремонт» всех этих органов надо платить! Вот тут то и выигрывают те, кто не «порхал» по жизни, как пресловутая «стрекоза», а, сберегая копейки, платил медицинскую страховку (чем раньше начнёшь – тем легче будет платить). Конечно, и без страховки вас не оставят «помирать в канаве», но, если ваша болезнь не является внезапной угрозой для вашей жизни, вам придется ждать (иногда месяцами) свободного места в «*public*» (государственном) госпитале.

В качестве справочного пособия по этой теме я могу порекомендовать недавно вышедшую книгу «нашего» доктора Павла Ангелуцы – «Австралия необычайная». Моё мнение – это замечательная настольная книга – путеводитель по коридорам нашей жизни в Австралии. Читается очень легко и содержит бесценную информацию!

Боюсь затрагивать вопрос о политических настроениях нашей диаспоры в Австралии! Боюсь не потому, что «могут посадить», а потому, что на эту тему говорят только в среде друзей и толь-

ко после рюмочки иль двух. Но не так давно мне пришлось ответить на вопрос из России, заданный мне по Интернету, как мы здесь относимся к монархизму. Предлагаю вам, читатель, мой ответ:

04/02/03

Уважаемый И.!

Прошло уже полтора месяца со дня моего контакта с Вами на тему о монархических настроениях австралийского зарубежья и РОА. Простите за задержку, но, будучи настроен нейтрально по этому вопросу, решил я быть объективным и собрать возможно больше информации на эту тему, от лиц, мне хорошо знакомых, друзей и просто представителей «разных волн» нашей австралийской диаспоры. Начну с РОА.

Как Вы, конечно, знаете, идеей РОА было «БОРОТЬСЯ ЗА НОВУЮ РОССИЮ», а не за монархизм. Конечно, были исключения среди «стариков». Они видели в Монархе то, что было надо «русскому мужику», который нуждался раньше в «ИКОНЕ», на которую он молился, когда «гром гремел», и которой прикрывалась крынка с молоком, когда «погода была хороша».

Не берусь судить, кто прав, а кто нет (ведь моя хата с краю!), а перехожу на собранную мною информацию за эти полтора месяца.

Да, наша «первая волна», иммигранты двадцатых-тридцатых годов, видели спасение и России и свое собственное, в Царе-батюшке! Но мало из них уже осталось среди нас!

«Вторая волна» была и осталась (за очень малым исключением) уже более безразлична к Монархизму. У неё был и остался только один враг – большевизм, против которого нужно было бороться, и от которого надо было укрываться. Ведь если ты открыто боролся против него, то за тобой охотились в прямом смысле этого слова, всеми правдами и неправдами старались очернить тебя, а если можно, то и «избавиться» от тебя! Да, было такое время, когда наша «Родина» вела себя, как проститутка, стараясь заманить намеченного «клиента» в свою «спальню», из которой выхода не было, кроме как в могилу!

Говорить о «третьей и четвёртой» волнах иммиграции не приходится. Открытие архивов, множество статей, книг и «Реквиемов» о Монархах России, сделали свое дело. Люди начали смотреть на жизнь по-другому! Как мне сказали знакомые, к монархизму их «не тянет». Что они предпочи-

тали бы – «новый мировой порядок» или что иное, этого мне не сказали, а я не спрашивал.

Да, и с Солоневичем и с его «Народной монархией!» друзья мои знакомы. Читают и «Нашу Страну», но не из-за пристрастия к монархизму, а скорее из-за интересного материала, попадающегося в этой газете. На сайт «Монархист» выходит только молодежь (из-за любопытства!), у «стариков» компьютеры не стоят впереди телевизора, на котором, кстати, было очень много документальных программ (производства В.В.С., Англия) о «Царской Семье», об её уничтожении, об «Анастасиях» и на другие подобные темы. Простите, Игорь, за такой равнодушный тон о теме, столь близкой Вашему сердцу, но я не люблю кривить душой! Сердечный Вам привет и наилучшие пожелания! Сигизмунд.

Мои московские друзья интересуются, есть ли «шероховатости» в отношении между «волнами» иммиграции? Да, есть! Не очень «шершавые», но, как и в каждом людском обществе и везде, они, к сожалению, существуют.

Расскажу об этом на своем личном опыте.

Как Вам, читатель, уже известно, судьба моя (и моё вполне сознательное решение) привела меня в ряды РОА.

И поэтому я навсегда окрещён «власовцем» и «коллаборационистом» .

Мои знакомые из «первых волн», не то, что чуждаются меня, но не забывают, кто я такой, и стараются не затрагивать этот вопрос, как тему, им не совсем известную.

Среди эмигрантов «второй волны» я, конечно «свой» человек, но, не все подобные эмигранты открыто признаются в своей такой «кастовой принадлежности». Ведь многие прибыли в Австралию с «выдуманным» прошлым, с фальшивыми документами! Мои отношения через Интернет с россиянами или с моими корреспондентами в других странах – гораздо сердечней!

А вот «третья волна» нашей диаспоры, вежливо, но настойчиво даёт мне понять, что «ты не наш!».

Как пример, приведу один случай. Одна из австралийских этнических радиостанций предложила мне прочитать свои воспоминания по радио, планировалось несколько передач. Но этот проект не был осуществлен – через какое то время мне объяснили, что нашлись люди из «третьей

волны», которые заявили протест против моего выхода в эфир. Их доводом было то, что они как налогоплательщики не согласны поддерживать радиостанцию дающую возможность «коллаборанту» выступать перед радиоаудиторией! Моё возражение, что я платил и плачу налоги уже много лет до их прибытия сюда, принято во внимание не было. Вот тебе и «свобода слова в Австралии»!

Наши русские иммигранты последних «волн» в Австралии иногда отличаются или на поприще криминала, («отмывание денег» и другие непривлекательные дела), или, чем все мы гордимся, конечно, своими спортивными достижениями в разных видах спорта. Один Константин Цзю чего стоит – трёхкратный чемпион мира по боксу! Или Катя Петренко – чемпионка по художественной гимнастике! Об этом, как всегда, местные газеты и средства информации упоминают не так громко, как о более сенсационных событиях. У нас в Австралии сложилась так называемая многонациональная культура, поэтому в прессе не принято упоминать национальность насильников, воров и прочих преступников. Мы догадываемся лишь по русским именам, о ком идёт речь.

Не хочу набрасывать тень на моих сородичей! Как было сказано выше, наши русские люди из всех волн (как и представители других национальностей) оставили и оставляют неизгладимый отпечаток во всех сферах австралийской жизни, действуя весьма положительно на все стороны жизни этой страны. Кухня, рестораны, деликатесы, кафе-бары, технология, литература, сельское хозяйство, изобретательская деятельность и электроника – во всех этих отраслях можно найти «следы русских»! Это всё способствовало значительному улучшению этих важных областей австралийской экономики.

Помню, как в 1949 году, по прибытии в Австралию, после нескольких недель употребления жирной пищи, жареной баранины и толстых сосисок с поджаренной картошкой, всякой рыбы, опять жареной в животном жире, в котором до этого или после, жарились чипсы, нас начинало тошнить от одного вида такой «национальной» пищи. Наши слюнные железы скучали по солёным огурчикам, квашеной капусте, подсолнечном масле, простокваше и т. д.

Ура! Теперь всё это есть! Выбирай, что хочешь!

Вспоминаются слова одного из гостей, посетивших нас в 1993 году: «Ох, как трудно посещать ваши магазины – только выберешь, что тебе нравится, а на следующей полке уже видно что-то другое, ещё лучшее!..»

Я только что упомянул про «гостей». Давайте поговорим и о них.

Трудно стало с посещением нашего большого острова жителями из африканских стран, Малайзии, Китая и... России! В Австралии, как и в США, существует так называемая квота на иммиграцию. Это и понятно – открой Австралия «ворота», и ни австралийцам, ни новоприбывшим не осталось бы места для житья и работы. Появились бы и бездомные нищие, которые сейчас у нас встречаются очень редко.

Нас, австралийцев, всего около двадцати миллионов, и живём мы все (кроме аборигенов старой закалки) по побережью – там, где достаточно влаги для существования. В Австралии – всего довольно, кроме воды! Вот, подумайте, что бы случилось, если наше правительство разрешило бы бесконтрольный поток иммигрантов из вышеупомянутых стран? Мы – избалованный судьбою народ, не смогли б противостоять нахлынувшим людям, привыкшим к ужасным условиям, способным выжить в любой среде, при любых обстоятельствах.

Скучаем ли мы по России? Это «БАЛШОЙ» вопрос!

Кто очень, а кто и нет! Все мы, кто родился и жил в России, хотели бы посетить берёзовый лес, поля с мягкой душистой травой, провести встречу Нового года и празднование Рождества со снегом, санями, игрой в снежки и т.п.

Но «старики» уже привыкли к новой обстановке. Люди «среднего возраста», зная, что изменить природу нельзя, не очень уж сетуют на отсутствие суровых морозов, а хорошо зарабатывающая молодежь, уживается с жарой (благодаря кондиционерам) и наслаждается относительным теплом в продолжение всех двенадцати месяцев в год.

Конечно, болит душа у тех, у кого остались родные в России (перевезти их сюда трудно!) Но не невозможно! Наши совершенно другие условия быта (если этот быт удалось устроить) возмещают многим то, что они считают «родным». И это не только у русских! Даже моя супруга, немка по национальности и рождению, последний раз, вернувшись домой после посещения её друзей и родственников в Германии, заявила мне

откровенно: «На родину меня больше не тянет – там уже совсем другие люди!»

Сразу же, после «перестройки», некоторые предприимчивые люди начали устанавливать связи с коммерческими кругами в России. Кто прогорел, не подозревая, что «новоявленные капиталисты» куда хитрее и бессовестнее, чем ожидалось, а кто и уцелел, попав на честных предпринимателей. Теперь, в Австралии, даже существуют государственные и частные организации в помощь деловым контактам между Россией и Австралией. Например, *Russian-Australian Chamber of Commerce & Industry* – Российско-австралийская торгово-промышленная палата.

Много русских-австралийцев бескорыстно стараются помочь не только родным, оставшимся в России, но и различным организациям, как церковным, так и другим, которые занимаются гуманитарной деятельностью в России. Пострадавшие от Чернобыльской катастрофы, детские дома, инвалиды войны, дети или взрослые, которым нужна срочная операция или деньги на необходимые лекарства, – этот список может быть продолжен. Среди нас есть немало тех, кто отдаёт свои силы, средства и энергию, стараясь помочь тем в России, кому эта помощь нужна!

Я расскажу об одном из таких людей.

Весной, 1950 года, когда в Австралию прибывала «вторая волна», состоявшая из людей, которых правители их Родины старались заполучить назад по двум причинам: Первая – избавиться от неудобных свидетелей недавних трагических событий, а вторая – пополнить дешёвую рабочую силу концентрационных лагерей, из которых угнали на фронт всех, кому ещё можно было доверить трёхлинейную винтовку «образца 1891 г.».

Среди ступивших на австралийскую землю в порту г.Мельбурна была и семья Игоря Смолянинова (см. журнал «Австралиада», 1997, № 12, с. 29).

Игорь, поэт по призванию, в 1970 году был удостоен премии за свои стихи и стал лауреатом 1-го фестиваля, в котором участвовали русскоязычные поэты из всех городов Австралии. Будучи долгое время вице-председателем Русского Дома в Мельбурне, Игорь Смолянинов организовывал благотворительные концерты, собирая средства для помощи нуждающимся детям в России (подробнее об этом рассказано в уже упомянутом номере журнала «Австралиада» за 1997 год).

Об отношении Игоря Смолянинова к России лучше всего расскажет его стихотворение:

РУСЬ МОЯ

По чужим дорогам незнакомым,
По камням, по пыли, по снегу,
Я пройду поэтом бестолковым,
Но тебя в душе я сберегу.

Дорогую нищенскую юность,
Как любовь невесты, сберегу,
И весны серебряную лунность,
И зимы морозную пургу.

Вечера твои...твои закаты...
Скошенную нивы полосу,
Сарафан твой скромный, небогатый,
Русую до пояса косу.

Ведь тебя я знаю не по книгам:
По лишеньям знаю, по труду.
Ты монгольское разбила иго
И теперь фашистскую орду.

И тебя всё так же распинают,
Унижают, судят и казнят...
Но страдания тебя лишь очищают,
Всепрощение грядущее сулят!
О тебе, желанная, мечтаю,
За тебя я истово молюсь...
Ты страдалица, Великая, святая
Русь моя, истерзанная Русь!!!

Игорь Смолянинов – член Союза писателей России. Его стихи известны – как в России, так и у нас в Австралии. Несмотря на свой преклонный возраст, Игорь (так по-австралийскому обычаю зовём мы его – с огромным уважением к его таланту и настоящей русской душе) отдаёт все свои силы, постоянно пытаясь хоть как-то помочь нуждающимся в России.

С его разрешения привожу стихотворение, в котором Игорь высказал свои чувства, понятные и близкие многим русским австралийцам:

ОБЕТ

Но, не вкушая этих новых благ,
Тоскуют в зарубежье эмигранты...
Кумач сменил – трёхцветный русский флаг,
Затихли Спасские советские куранты,

Проходят годы, месяцы, часы,
К концу подходят трудные дороги,
Пришла пора всё бросить на весы,
Всё подсчитать и подвести итоги...

И вот пакую старый чемодан...
И никаким стращаниям не внемлю,
Я верю: не сошлют на Магадан,
И разрешат поцеловать родную землю...

А Родина встречает с холодком,
Встают неофициальные преграды –
«Ты, парень, с нашей жизнью не знаком,
А вот валюте мы, конечно, рады!..»

Ведь я пришёл с открытою душой –
Не для того, чтоб местью насладиться.
Надеясь, что с силёнкой небольшой
Смогу России чем-то пригодиться...

Я мести и реванша не ищу,
Укоров горьких не несу Отчизне,
Но не могу простить, и не прощу,
Что был, так зверски, вычеркнут из жизни!

Что был в своей родной стране
Затравленным, голодным, унижённым.
Что теми, кто служили сатане,
Был заклеймён изгоем прокажённым!

За то, что уничтожили родных...
И сделали из них «врагов народа».
Что их сослали, старых и больных
По воле ненасытного урода.

Кровавые и страшные дела,
Подвластные чужой, враждебной воле!..
Та рана до сих пор не зажила,
И я сейчас ещё готов кричать от боли!

Но, после долгих лет скитаний и чужбины
Мне говорят: «Нет дыма без огня!»
Какие-то бездарные кретины...
Пытаются классифицировать меня?!

Но только с логикой кретины не в ладу...
Напрасно тратят время и бумагу.
Я ни в какие их разряды не войду
И ни в какие рубрики не лягу!

Во-первых – я совсем не эмигрант!
Не беженец, и не изменник-перебежчик!
Я не купец, не бывший фабрикант,
Не белый офицер, не барин, не помещик!

Я не видал самодержавного царя...
И знамя русское не вилось надо мною...
Я мир узрел, когда кровавая заря
Взошла над разорённою страною.

Вот там я рос и жил, и не моя вина,
Что молодость всегда смеётся звонко.
И вот, когда нагрянула война,
Я был влюблённым в Родину мальчонкой!

Потом, в кольце, под вражеским огнём...
Без амуниции, без пищи, без надежды...
Ведомые преступником-вождем,
Нас отдали врагу советские невежды!

Так что же, «бывшие»? Какого вам рожна?
Вам у кормушки удержаться удаётся.
И если вам валюта лишь нужна...
Мы подождём, пока народ проснётся!

Но мы вернёмся! Пусть не для побед,
Речам и лозунгам не внемля,
Что бы исполнить русский наш обет,
И кости положить в свою родную землю!

Кстати, когда я писал эти строки, наш Игорь только что завершил одно очень удачное мероприятие – благотворительный концерт в городе Сидней. Участвовали любительские силы общин Мельбурна и Сиднея. Доход в пользу детей России превзошёл все ожидания. Игорь не спит!

Я так «расписался» о своем хорошем друге не потому, что среди нас нет других «Игорей» Они есть! Но писать здесь о каждом просто невозможно, ну я и выбрал того, кого знаю лучше других. А о многих «других», читатель сможет узнать из разных журналов, издаваемых русской диаспорой в каждом штате Австралии.

Среди них пользуются популярностью журнал «АВСТРАЛИАДА», издаваемый с 1994 года в г.Сиднее, Бюллетень русского этнического представительства штата Виктория «ВЕСТНИК», другие журналы на русском языке.

Обложка одного из номеров «Австралиады»

Коль речь зашла о журналах и газетах на русском языке на нашей новой родине, постараемся узнать о самой первой русской газете в Австралии.

В уже упомянутом журнале «Австралиада» (№ 15 за 1998 г.) можно прочесть:

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ГАЗЕТЫ В АВСТРАЛИИ

В Москве, на Тверской, в одном из тихих залов Музея Революции, редкие посетители не без удивления замечают в витрине русскую газету 1912 года со странным названием «ЭХО АВСТРАЛИИ».

Заголовок её нарисован от руки – карта полушария с контуром Австралии, слева – пальмы и горная цепь, справа – море, пароход и далёкий маяк. Это редчайшее издание, возможно, единственный уцелевший экземпляр первой русской газеты, издававшейся в Австралии 85 лет назад.

Постоянные читатели «Австралиады» уже имели возможность получить некоторую информацию о ней и её преемницах – «Известия Союза русских эмигрантов» («Известия Союза русских рабочих») и «Рабочая жизнь», выходивших в Брисбене в 1912 – 1917гг.

Мне бы хотелось более подробно остановиться на содержании этих изданий, сохранившихся только в архивах России и Украины, и рассказать об истории их возвращения на родину.

Появление их в это время было не случайным. В 1910-х годах в Австралии, и прежде всего в штате Квинсленд, начала быстро расти многочисленная колония выходцев из России. И для них, и особенно для российских политэмигрантов, скрывавшихся в Австралии от преследования царских властей, своя русская газета в чужой стране была важным источником информации и пропаганды.

Исследуя проблему российской эмиграции в Австралии, автору этих строк довелось изучать прессу русских эмигрантов, содержащую разнообразные сведения об их жизни на Пятом континенте. Трудность состояла в том, чтобы разыскать эти газеты, упоминания о которых лишь изредка появлялись в отечественной историографии. Именно в фондах Музея Революции в Москве мне удалось обнаружить комплект газеты «Эхо Австралии».

Под её заголовком указывалось, что это «единственная русская газета в Австралии, издающаяся еженедельно по четвергам». Цена одного номера составляла 4 пенни, а печаталась она в издательстве И.Миргородского. Создателем, редактором и практически единственным сотрудником газеты был революционер Ф.А.Сергеев (Артём), бежавший в Австралию из сибирской ссылки...

А. Савченко

Ну, кажется, что «обо всем и понемногу» я уже упомянул. Пора и честь знать!

Но не хочу я, уважаемые читатели, расставаться с Вами, пока не уверю вас всех, что наша русская диаспора в Австралии не только сетует на свою жизнь и плачет, как Вертинский, о прошлом. Нет, мы о нём и шутим, иногда. Вот тот же Игорь Смолянинов, в той же «Австралиаде», в № 25 за 2000 год, поместил следующий фельетон:

СИДНЕЙ ПРОШЛОГО ВЕКА

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЭМИГРАНТА

Когда-то, дорогие читатели, я с гордостью считал и называл себя «сиднейцем». Когда-то, в ушедшие, золотые времена! Вы спросите, когда это было? В каком году?

Отвечу на этот вопрос ностальгическими воспоминаниями, из которых вам станет ясно, о какой части прошлого столетия я веду своё воспоминание.

Из вышесказанного у вас может сложиться впечатление, что я принадлежу к случайно уцелевшим ископаемым?! Это, пожалуй, не совсем так. Я, конечно, далеко не первой молодости, да, пожалуй, и не второй. При ходьбе поскрипываю и потрескиваю, но память пока ещё действует. Из поручений жены часто выполняю половину. Если иду за покупками без брюк, почти всегда у калитки спохватываюсь. Так что память ещё работает и вот, как видите, позволяет иногда предпринимать экскурсии в прошлое. Ну, что ж! Приступим к повествованию.

*В те далёкие, сказочные времена я жил в самых «фешенебельных» районах Сиднея. Сперва в **Newtown**, затем в **Paddington** и, наконец, в Ливерпуле. Правда, должен признаться, что в «прекрасном» **Redfern** мне жить не привелось. Тогда ещё во все концы города катили зелёные двухэтажные автобусы, и за шесть пенсов можно было проехать насквозь весь город.*

В любом баре можно было солидно пообедать с пивком за два шиллинга. Просто неправдоподобно! Сказки, да и только! В то время средний недельный заработок равнялся семи гинеям (1 гинея = 1 фунт и 1 шиллинг) Билет в кино стоил 2 шиллинга. Телевидения с рекламными пытками в те прекрасные времена ещё и в помине не было. Можно было пригласить даму сердца в кино и угостить её в кафе каким-нибудь «паем» (пирожок с мясом и с томатным соусом) и даже отвезти домой на такси без болезненного финансового ущерба.

*Да, были такие сказочные времена! Конечно, современные, мгновенные и острые ощущения ещё были неизвестны: и не то что «**instant love**», а даже «**instant coffee**» ещё не было.*

«Кингс Кросс», по сравнению с сегодняшним днём, можно было бы назвать местом слегка де-

*кадентских развлечений... Купить килограмм марихуаны, не моргнув глазом, прямо на тротуаре, было, конечно, невозможно – хотя бы потому, что о ней тогда не знали. В тёмных закоулках не стояли очереди за уколом героина, и любители мужских прелестей не ощупывали, открыто, при людях, худосочных подростков. Прекрасные нимфы никого не затаскивали силой в свои вертепы, а только лишь вежливо и томно приглашали, суля сказочные утехи за пару фунтов. Не гремели дико барабаны и не тряслись в падучей косматые страшилища; вместо этого играли автоматы «**Juke-box**», и люди нормального вида танцевали что-то похожее на человеческие танцы. Одним словом, по сегодняшним масштабам, «Кинг-Кросс» того времени был скучным местом.*

В те дни вы могли где-нибудь в кафе забыть ваши очки или даже бумажник, и вам их спустя несколько дней возвращали. Можно было вечером выставить пустые бутылки для молочника, который по утрам развозил молоко клиентам на большой колымаге, запряженной парой лошадей, и оставить в бутылке деньги за неделю, и никто их не трогал. Гуляя в «Гайд-парке», вы могли забыть зонтик или шляпу и, вернувшись пару часов спустя, найти свое имущество на том же месте...

Да, сказочные, далёкие времена, ушедшие безвозвратно в прошлое...

В те далёкие дни люди не носились, как ошалелые, в очень дорогих и очень скверных жестяных «гробах на колесах» и не убивали друг друга на дорогах и городских улицах. В те дни сиднейский пешеход ещё был человеком и мог по желанию в любом месте, в любое время дня и ночи, пересечь улицу по перпендикуляру, под косым углом, зигзагообразно – как угодно!

В летнюю пору, в воскресный день, в «Гайд-парке», можно было соприкоснуться с культурой и искусством – послушать темпераментного итальянского скрипача Сёму Катца или завывания шотландской волынки. Посмотреть прихотливые полотна сиднейских художников, там же выпить стакан-другой дешёвого вина.

*Заглянуть можно было и в «белый» русский клуб на «**Georg street**». Вы спросите, почему «белый»? Да потому, что напротив был другой – «красный». Иногда эти клубы обменивались мнениями и «комплиментами», после которых часто обе стороны носили неделями милые сувениры в виде распухшего синего глаза или расплющенного багрового носа. Так вот там, в клубе, можно было «забить козла», попивая пивко, послушать какой-нибудь доклад на родном языке. С некрасовским пониманием оценить все достоинства солидных русских дам и фривольно помечтать, послушать последние, свеженькие сплетни и т.д. Одним словом, получить моральную зарядку на целую неделю.*

*Можно было сойти на станции «**Circular Quay**», сесть на старую, растрёпанную, как галоша, «ферри» (катер), и прокатиться на пляж «Бондай». Там в баре, на набережной, попить пивка, побродить по пляжу, полюбоваться на стройных загорелых сирен и помолодевшим, с разыгравшимся воображением, на той же галоше вернуться под вечер в город. И всё это буквально за гроши! Неправдоподобно!*

Если вы были счастливым обладателем автомобиля, вы могли оставить его где угодно и на неограниченное время. Правда, вернувшись, вы иногда не находили автомобиля. Что же это? Украли? Упаси Боже! Это заботливые блюстители закона увезли его в специальное депо, где вы потом, уплатив небольшой штраф, получали своё сокровище целым и невредимым. Вот как беспокоились о гражданах городские муниципалитеты в былые времена – не то, что теперь! Если, вернувшись к припаркованной вами машине, вы обнаруживаете, что, по счётчику-грабителю вы просрочили разрешённое в этом месте время стоянки на десять минут, то обнаруживаете, что другой, живой «грабитель» наклеил, вполне законно, на ваше ветровое стекло билетик – штраф на шестьдесят долларов, что равняется чуть не трети вашей недельной пенсии!

Дышали люди в те сказочные времена преимущественно воздухом. Сегодня это... выхлопные газы. Цветочницы стояли на многих углах центра города и за «флорин» (два шиллинга) можно было купить даме сердца, а иногда и жене, шикарный букет живых цветов. Даже солнце светило ярче когда-то в Сиднее. Теперь ему трудно пробиваться через густой рыжий «смог», вися-щий покрывалом над городом.

Да, господа, я тоже когда-то был сиднейцем и могу сказать, что полвека тому назад, когда «технический прогресс» ещё не превращал людей в бездушных роботов, когда ещё не было похитителей разума – ТВ и всемогущественных компьютеров – гораздо веселее и привольнее жилось обитателям этого, некогда солнечного, замечательного города!

И.Смолянинов,
член Союза писателей России

Как вы, читатели, уже поняли, мы не всегда сетуем! Мы, иногда, и шутим! Смеяться полезно! Наверное, потому те, кто смеется часто, живут дольше тех, которые берут все близко к сердцу и часто плачут!

Вообще-то, мы не хуже и (вот тут-то я и наживу себе врагов!) не лучше других национальных диаспор! Итальянцы, французы, англичане и немцы, и греки также уверены, что их язык, музыка и их культура являются лучше всех остальных, включая русских. И они начинают слег-

ка забывать свои корни, хотя и продолжают уверять себя и всех, что за всё, что является для них традиционным, – «мы все, мы как один умрём»! Но не умирают! А выписывают своих маман, мутерн, мама-миа и матерс, а также бабушек и дедушек для проживания в «новом государстве» где им, действительно, «жить стало лучше, жить стало веселей», чем на их бывшей родине!

Мне недавно подарили очень интересную книгу «Эмиграция и репатриация в России», авторы В.А.Ионцев, Н.М.Лебедева, М.В.Назаров, А.В.Окороков, издание Попечительства о нуждах российских репатриантов, Москва, 2001 г.

На с.120 книги я наткнулся на следующие слова (как мне показалось, не к месту): «...особенности русской психологии – желание получить всё и сразу, здесь и теперь...»

Они заставили меня задуматься, а после раздумья и заколебаться – а не так ли это и на самом деле? Продолжая читать, к своему ужасу, прочёл на с.128 слова журналиста А.Нежного о русской интеллигенции, которую чуть ли не насильно заставляли покинуть Родину за «инакомыслие» (в начале 70-х годов):

Уезжали и уезжают не от России – от неё вообще не возможно уехать. Бегут от государства, бегут от власти, у которой нет ничего святого; бегут от домоуправления, райкома, обкома, радиовещания, от сексотов, очередей, лагерей, от бесстыдной лжи и холодной жестокости, от чудовищного бескультурья и победоносного хамства – бегут, чтоб спасти от монстра свои смертные тела и бессмертные души, бегут, проклиная и плача.

Я не удержался и прочёл этот параграф своему старому другу по телефону. После долгой паузы последовал его вопрос: «Так если всех порядочных людей принудили тогда выехать из России, то те, от кого они тогда бежали, теперь тоже перебираются к нам?» Ух, какой вопрос! Перед ответом, надо подумать!..

Это неоспоримо, что последняя эмиграция имеет огромный опыт к «приспособлению» к любым ситуациям, и нашим «старым волнам» за ними не угнаться! У них выработался опыт к «выживанию». «Старики» завидуют, что все новоприбывающие сразу же хотят начать бизнес, любыми способами берут средства в долг, не заботясь, как же этот долг отдавать потом. А может, и не отдавать – ведь судиться за пару тысяч тому, кто одолжил, будет стоит больше, чем он, может быть, получит назад.

Позвольте привести пример личного контакта с одной особой женского пола, прибывшей по гостевой визе в Австралию «на отдых».

Встретился я с нею в Сиднее.

Молода (около сорока), хороша, миловидна! Рассказала она мне о своих попытках и стараниях «подцепить мужика» и остаться в Австралии.

Посочувствовав этой «даме», я упомянул о своем приятеле-австралийце, который был бы не прочь познакомиться с милой русской женщиной с целью найти себе компаньона на всю оставшуюся жизнь (ему уже 62 года). Когда она ухватилась за это предложение, я счёл необходимым посвятить её в состояние его здоровья. (Он страдает болезнью, которая лет через десять может окончиться тем, что ему можно будет передвигаться лишь в коляске). «А как у него обстоит с финансами?» – последовало с её стороны. Я честно ответил, что он очень состоятелен.

«А, вот и хорошо!» – заявила, готовая на всё авантюристка. – Я поживу с ним до получения гражданства, перекачаю половину его состояния в свой банк, а потом найду себе другого». Что мог я ответить такой пройдохе?

Вообще, такие нюансы, хоть и являются «ложкой дёгтя» в нашей общественной жизни, но жизнь нам они не портят. Мы уживаемся с ними, хотя и сетуем, иногда!

В Брисбене была опубликована интересная книга – «Австралийские ветры» – автор и издатель Михаил Свиридов (её можно заказать прямо у автора по телефону 61-7-3354 4179). Там же, а также и по телефону в Москве (095) 140-34-62, можно заказать и другое замечательное издание – книгу доктора Павла Ангелуцы «Австралия Необычайная».

В этих книгах читатель найдёт множество полезных сведений, как о жизни, так и о «выживании» на Пятом Материке. Я, после пятидесяти с лишним лет жизни в Австралии, считаю себя «старым волком», но и мне удалось найти много полезного и интересного в этих двух изданиях.

Эти книги очень заинтересуют всех новоприбывающих, как и уже прибывших!

Заказать литературу по теме «Русская диаспора Австралии» желающие могут через Интернет по адресу: ***www.mssiansinaustralia.com***. Также советую заглянуть на сайт по адресу: ***www.russiansinaustralia.org.au.***

А на журнал «Австралиада» можно подписаться по адресу: *Австралия, «AUSTRALIADA», p.o. box 196, Woy Woy, NSW, 2256*.

Москвичам будет удобнее всего посетить Государственную Библиотеку в Москве. Там находятся все изданные номера журнала «Австралиада».

На этом, уважаемые читатели, разрешите закончить мою попытку поделиться с вами информацией о русской диаспоре в Австралии. Все сведения, что удалось заполучить от тех, кто согласился поделиться таковыми со мной, РТЗЛОЖИЛ я для вас на этих страницах.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Какой же вывод можно сделать из предыдущей главы?

Для большинства из нас наша Родина является теперь уже только отчизной!

И в то же самое время... ох как трудно это объяснить!

Многим из нас всё ещё хочется «заглянуть домой ещё разок»!

Не затем, чтоб откушать паюсной икры или маринованных белых грибков. Не для катания на переполненных автобусах, метро или такси. Не для посещения Третьяковки или Русского музея, где на иностранцев уже посматривают, как на доходную статью.

Нет. Просто хочется вспомнить прошлое в круге друзей, с которыми провели, хоть и не «самую счастливую» (как мы поняли теперь), но НЕЗАБЫВАЕМУЮ ЮНОСТЬ! Потому, что это была НАША ЮНОСТЬ!

Говорю об этом чувстве с полным основанием! Так как говорю о самом себе!

Вернувшись домой, в Австралию, в конце 2001 года я съездил в Сидней навестить друзей. Поделился впечатлениями и новостями, взял несколько интервью (уже шла речь о переиздании моей книги). В Сиднее «тряхнул стариной», прогнав новенькую «*BMW*» с мотором в тысячу кубических см. вокруг квартала. Эта сумасшедшая затея была «навязана» мне сыном хорошего знакомого, только что купившего эту громадину. Мне, «выросшему на мотоцикле», не хватило силы воли категорически отказаться. Как я удержался на поворотах, как доехал назад, до его дома целиком – вспомнить не могу! Адреналин «очистил» мою память! Помню только – долго дрожали руки (чересчур крепко держался за руль)! А ведь раньше такого со мной не случалось! Старость?

Вернувшись в Брисбен, где меня уже ждали приехавшие с севера сын, внук и внучка, мы заправились бензином и поехали навестить нашу

Труда сыном Яном и его семьёй. 2001 г.

Мне 80 лет!

«дачу» – на озере Валлагут, в Новом Южном Уэльсе.

Стоит она «позабытой и позаброшенной» с тех пор, как мы переселились в Брисбен. Сдав за минимальную плату дом в аренду одинокой матери с четырьмя пацанами при условии, что она будет выплачивать налог на недвижимость и держать эту маленькую усадебку в порядке, мы вернулись с облегчённой совестью домой. То, что арендная плата поступает нерегулярно и не покрывает себестоимость ухода за участком – это уже другая история!

Мои друзья в Москве уже начали хлопотать о «Приглашении» для меня, которое необходимо для получения визы. Приглашение было получено и выслано вместе с просьбой на визу в посольство РФ, в Канберре. Через неделю от посольства пришел отказ – анкета заполнена неправильно! Нужна ещё «ЗЕЛЕНАЯ СПРАВКА» – о представлении мне «крыши над головой» (оказывается, иностранцам не разрешается ночевать под мостом или на вокзальной скамейке!).

Начались хождения по мукам: а время уходило. Нарушилось все расписание запланированной поездки. ОВИР работает не на «страх, а за совесть», а совести у ОВИРа нет! Хоть эта «зелёная справка», была, наконец, и получена, всё же пришлось отложить поездку до следующего мая-июня 2003 года. Провести зиму в непредсказуемых условиях Петербурга, мне не хотелось!

Вот так я и живу! Но... «где «жизнь – там и надежда!» Позволит мое здоровье – полечу в Россию, прилечу! Нет? А на «нет» и суда нет!

Я оптимист. На всякий случай уже веду переговоры с коллекционерами искусства аборигенов Меланезии о продаже ещё последней оставшейся у меня коллекции деревянных тотемных фигурок. Вырученная сумма, надеюсь, покроет расходы на поездку и переиздание книги.

САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ...

Как-то, уже давно, довелось мне побывать в Гонконге.

Показал мне гид дворец-замок, который невозможно было охватить взором. Владельцу этой огромной постройки было предсказано: его жизнь придёт к концу, когда закончится постройка задуманного им жилища. Так вот он и надстраивал свой дворец, добавляя то один флигель, то другой. Чем это всё закончилось, легенда не сообщала.

Что-то вроде того получается и с моими мемуарами!

В начале этой книги я предупредил читателя, что все приведенные факты будут настолько правдивы, насколько это позволит моя угасающая память.

Уже после того, как рукопись была сдана в издательство, друзья выслали мне из России множество документов, которые подтвердили, что память моя, действительно, затуманилась за все эти годы.

Я так гордился, что я – ленинградец (петербуржец)! А выяснилось, что родился я в Саратове, как это зарегистрировано в копии «Выписи о рождении» Сарзагса под № 54 от 22 апреля 1927 г. Ниже я привожу её полностью.

В Ленинград я попал, когда мне уже было 7-8 лет вместе с мамой, которая переехала из Саратова в «город на Неве» вместе с её службой. Это следует из выписки из Домовой книги.

Так что теперь я горжусь и действительным местом моего рождения – Саратовом, городом на Волге!

Надеюсь, что теперь, ЗИГЗАГИ моей Судьбы перестанут «зигзагить», а сама Судьба пойдёт по прямой к положенному ей окончанию.

НО СПЕРВА Я НАДЕЮСЬ ПОСЕТИТЬ СВОЮ РОДИНУ ещё РАЗ!

Копия "Выписи о рождения". Лицевая и оборотные стороны

ул. Плеханова (бывш. Казанская) дом 6 кв 44
(выписки из домовой книги - паспортный стол (ул Рубинштейна, 8)

Ф. И. О. уроженец	Дата рождения, национальн.	Когда и откуда прибыл	Паспорт, выдан дата	Место работы	Куда, когда выбыл, причина	Примечание
Киршфельдт Валерия Антоновна г. Ленинград	1873 г 6 мая немка (?)	10.12.30 г поселок Володарского	6 отд ЛГМ 7.03.36 г. серия ЛЭ № 501288	пенсионерка, на иждивен. дочери Дичбалис. рук. группы Мурманской ж.д	Умерла 28.06.1941 (справка о смерти)	
Дичбалис Янина Николаевна г. Ленинград	1900 27 декабря полька (?)	29.09.30 г г. Красногвардейск [с 1944 г. Гатчина]?	6 отд ЛГМ 7.03.36 серия ЛЭ № 501273	Руководитель группы. Дирекция Кировской ~~Мурманской~~ ж.д	Умерла 9 июля 1936 г (Запись 13.VII-36	
Дичбалис Сигизмунд Анатольевич г. Саратов.	1922 18 января поляк (?)	10.12.30 г лен. обл. ст. Володарского	—	Учащ. сер. 12 ср. шк. ул. Дзержинского дом № 14. допризывник	Выписан 3 июля 1941 г в ряды РККА	

Выписка из Домовой книги

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Янина Дичбалис

АВТОБИОГРАФИЯ

Родилась в б.Петербурге 27декабря 1900 года, мать моя ушла от отца, когда мне было 2 года и растила меня на собственный заработок, работая по хозяйству до 1908 года, когда вышла замуж вторично за великолукского мещанина Николая Киршфельдта, он служил тогда письмоводителем 2 уч. Адмиралтейской части.

В 1909 году я была принята в женскую гимназию, которую успешно окончила в 1917году в мае месяце, через 5-6 дней после выпускных экзаменов, я поступила в качестве счетовода в Службу Сборов Ряз.Ур.ж.д., а в 1918 году в июле была перемещена вместе с учреждением в гор.Саратов, где находилось Управление РУЖД. Я переехала туда вместе с матерью и отчимом (который ввиду своей болезни уже нигде не работал около года). Через 1/2 месяца после нашего приезда в гор. Саратов отчим умер от порока сердца. В1919 году я была принята в Сар.У-т, на Медфак, одновременно продолжала работать в Управлении РУЖД, откуда была уволена 30 марта 1920 года как мобилизованная Уездвоенкомом на борьбу с тифозной эпидемией, работала сестрой в госпитале Приволжского сектора ВОХР до 31 декабря 1920 года, когда была вновь направлена в распоряжение Сар.У-та для окончания образования.

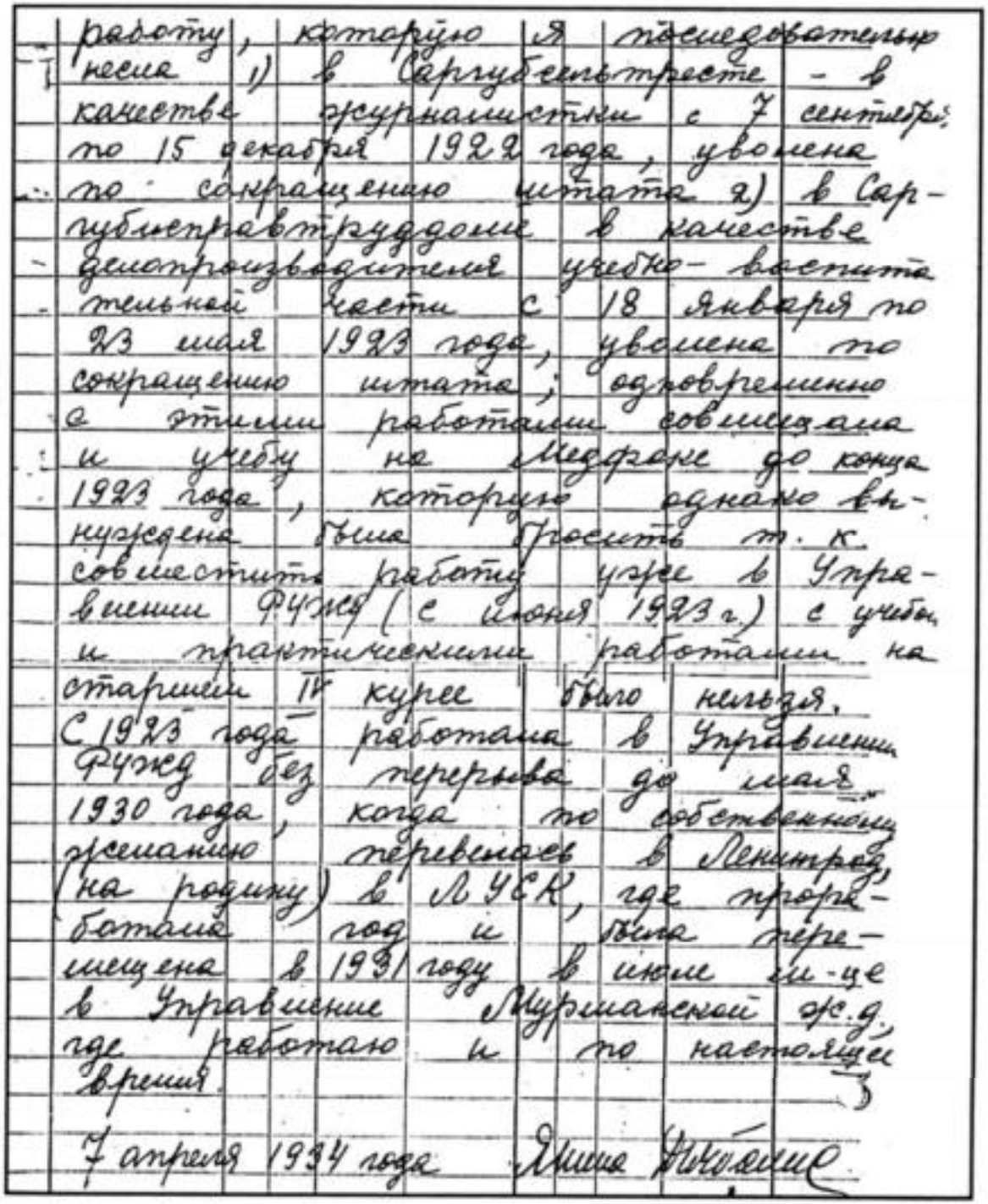
В ноябре 1920 года вышла замуж. Первую половину 1921 года была занята только учёбой. С 10 июня по 15 сентября 1921 года работала в качестве лекпома приёмного покоя 37 отдельного б-на ВЧК, поступив добровольно для борьбы с холерной эпидемией. С 15 сентября 1921 года была опять отозвана Сар.У-том для продолжения образования.

18 января 1922 года у меня родился сын. В августе 1922 года я осталась одна с сыном 7 месяцев и престарелой матерью на руках, не имея никаких источников к существованию, я должна была вновь взяться за конторскую работу, которую я последовательно несла: 1) в Саргубсельтресте – в качестве журналистки с 7 сентября по 15 декабря 1922 года, уволена по сокращению штата; 2) в Саргубисправтруддоме в качестве делопроизводителя учебно-воспитательной части с 18 января по 23 мая 1923 года,

уволена по сокращению штата; одновременно с этими работами совмещала и учёбу на медфаке до конца 1923 года, которую, однако, вынуждена была бросить, т.к. совместить работу уже в Управлении РУЖД (с июня 1923 г.) с учёбой и практическими работами на старшем IVкурсе было нельзя. С 1923 года работала в Управлении РУЖД без перерыва до мая 1930 года, когда по собственному желанию перевелась в Ленинград (на родину) в ЛУСК, где проработала год и была перемещена в 1931 году в июле мце в Управление Мурманской ж.д., где работаю и по настоящее время.

7 апреля 1934 года

/Подпись/



работу, которую я последовательно несла 1) в Саргубсельтресте - в качестве журналистки с 7 сентября по 15 декабря 1922 года, уволена по сокращению штата 2) в Саргубисполкоме в качестве делопроизводителя учебно-воспитательной части с 18 января по 23 мая 1923 года, уволена по сокращению штата; одновременно с этими работами совмещала и учебу на медфаке до конца 1923 года, которую однако вынуждена была бросить т.к. совместить работу уже в Управлении РУЖД (с июня 1923 г.) с учебой и практическими работами на старшем IV курсе было нельзя. С 1923 года работала в Управлении РУЖД без перерыва до мая 1930 года, когда по собственному желанию перевелась в Ленинград (на родину) в ЛУСК, где проработала год и была перемещена в 1931 году в июле м-це в Управление Мурманской ж.д. где работаю и по настоящее время.

7 апреля 1934 года Ирина Николаевна

Приложение 2

И.В.Бюлер

МИР ТЕСЕН!

Дорогие друзья, по просьбе автора дополняю книгу Сигизмунда Дичбалиса, по нашему, Саши, «Детство, отрочество, юность», написанную им в Австралии и изданную в Санкт-Петербурге с положительным отзывом А.И.Солженицына.

С.Дичбалис был моим хорошим знакомым (довоенным сослуживцем). Уточняю некоторые сведения. До войны в 1940–41 годах мы с ним работали на Ленинградском мотоциклетном заводе (бывший завод «Промет», а теперь «Россия») в качестве обкатчиков новых мотоциклов «Л-8», которые в то время производил завод. Производство было передано с завода «Красный Октябрь». В наши функции входили обкатка, устранение неисправностей, сдача мотоциклов отделу технического контроля и далее – военной приёмке, т.к. мотоциклы шли только в армию. Работали на заводе С.М.Сергеев, В.М.Качурин, И.К.Константинов и другие. В своей книге Саша описывает: «Двое из нас пошли в военкомат...»

Так вот, вторым был я – Бюлер Игорь Владимирович, ваш покорный слуга. Далее было так. После бани нас отправили на стадион ГОМЗа, где мы выбрали по мотоциклу. В мотоциклах в то время мы разбирались довольно сносно. Саша выбрал мотоцикл «*Мотогуцци*» – итальянский, а я – *БМВ*, немецкую модель «Р-12». Из казарм пересыльного пункта, расположенного на пр. К.Маркса (теперь Большого Сампсониевского), д.65, нас направили в часть. Саша забыл номер дивизии. Это была не 21-я или 27-я, а 70-я Красновская дивизия, позднее переименованная в 45-ю гвардейскую. Попали мы в роту регулирования 329-го стрелкового полка. Позднее полк стал 134-м стрелковым полком. Дивизия в начале войны располагалась на Карельском перешейке, а штаб дивизии – в районе поселка Бабошино (под Выборгом).

Главным судьёй мотокросса, где мы выступали за команду завода (22 июня 1941 года), был заслуженный мастер спорта Павел Петрович Воротилкин.

Дополнения написал Бюлер И.В. Тел. 247-36-13.

Текст согласован по телефону с автором 12 июня 2000 года.

И.В.Бюлер. Фотография наших дней

Приложение 3

(«Новый часовой», 1996, № 4, с. 144, 145)
Докладная записка П. Н.Кубаткина

…Разведывательная служба занимается закордонной работой, заброской агентуры и радиофицированных групп на советскую территорию и, как правило, с разведывательными заданиями.

Выброску агентуры с контрразведывательными заданиями 1-С не ведёт.

Общей специальной подготовкой кадров разведчиков занимаются разведывательные школы, находящиеся в Прибалтике и друг. местах.

Конкретные задачи перед прибывающими группами разведчиков в зависимости от интересов армии ставит уже отдел 1-С на месте. Он же приводит их выброску, причем главным образом с Сиверского аэродрома в Красногвардейском районе области.

Разведывательной службе подчиняется радиослужба. Радиослужба занимается обеспечением радиосвязи с группами, заброшенными в советский тыл, ведением радиоигр и пеленгацией.

Начальником радиослужбы отдела 1-С 18-й армии является обер-лейтенант фон-БРЕМЕН, прибалтийский немец.

Контрразведывательная деятельность 1-С 18-й армии ведётся среди гражданского населения, имеющего соприкосновение с воинскими частями, входящими в состав 18-й армии.

Для ведения этой работы 1-С 18-й армии активно использует предателей и изменников Родины из числа гражданского населения, военнопленных и партизан.

Отдел 1-С штаба 18 армии в корпусах, входящих в состав армии, имеет «русские группы», именуемые иначе «антипартизанскими» группами. В функции этих групп входит негласная агентурная разведка среди местного населения, выявление лиц,

связанных с партизанами, выявление районов действия партизан, групп разведчиков и их уничтожение.

Особое внимание 1-С 18-й армии уделяется сохранению железнодорожных магистралей, обеспечивающих снабжение и связь армии с тылом. С этой целью 1-С созданы на важнейших железнодорожных коммуникациях негласные резидентуры, которые ведут освещение железнодорожников и разработку личного состава.

Широкая сеть негласной агентуры, сведённая в резидентуру, возглавляется также лицами из числа предателей.

При штабе 1-С 18-й армии имеется отряд, несущий охрану штаба, командиром отряда является – ФЕОФАНОВ Алексей Александрович – капитан немецкой армии, около 46-ти лет, владеет русским, немецким, эстонским языками. В прошлом белый офицер, ранее проживал в СССР. Находился в лагерях, откуда бежал якобы при содействии начальника тюрьмы. Служил у Колчака. Проживал в Эстонии. До прихода в Эстонию Красной Армии служил офицером эстонской армии, затем эвакуировался в Германию, где работал на гражданской службе. Был переводчиком германской армии. Враждебно настроен к Советской власти.

В отряде ФЕОФАНОВА четыре взвода по 25 человек, в трёх взводах по одному русскому пулемёту, четвёртый взвод – хозяйственный.

Контрразведывательной службе подчиняются «русские» группы при 28, 1 и 38 корпусах.

В задачу «русских» групп корпусов входит ведение негласной «агентурной работы среди местного населения, проживающего в районе дислокации корпусов, а также выявление и физическое уничтожение групп партизан и разведчиков. 1-С 28-ГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА

Штаб 1-С 28-го армейского корпуса находится в дёр. Трубников Бор, юго-восточнее гор. Любани.

Начальником 1-С 28-го армейского корпуса является – майор СКАВРОНСКИЙ, немец.

Его помощник – лейтенант, известный под псевдонимом «Гуг Гугович».

В ведении 1-С 28-го армейского корпуса входят две «русские» группы.

Первая группа – 11 человек, дислоцируется в поселке Слудица. – Командир группы известен под кличкой «ШМЕЛЕНГ» –

ТУЛИНОВ Алексей Георгиевич – 1914 года рожд., перебежчик, до отечественной войны жил в Москве, служил во флоте. В Москве осталась его жена и ребёнок. По его рассказам, ещё до войны он якобы занимался шпионажем. Вновь женат на жительнице пос. Вырица – по имени Надя. Имеет от неё одного ребёнка.

Из числа группы известны:

КРЮКОВ Петр – москвич, радист Разведывательного Отдела Ленинградского Фронта. В Москве проживал в районе заставы Ильича.

Андрей «ШПАК» (кличка) – фамилия не установлена, служил в торговом флоте, проживал в Ленинграде с женой и дочерью.

КУЗЬМИН Василий – проживал где-то в Ленинградской области, отец сейчас староста одной из деревень.

«САША» – (кличка), фамилия не установлена, из Ленинграда.

Вторая группа – 13 человек, дислоцируется вместе со штабом корпуса.

Командир группы – фамилия неизвестна, русский, быв. капитан Р.К.К.А.

Помощник – ВАСИН Алексей Алексеевич – 1921 года рожд., москвич, до отечественной войны жил под Москвой, где осталась его жена. Был членом группы Соколова. Васин в прошлом советский разведчик. Задержан Соколовым и впоследствии завербован в группу.

1-С ПЕРВОГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА.

1-С первого армейского корпуса дислоцируется в гор. Любани.

Начальником 1-С первого корпуса является – обер-лейтенант МЮЛЛЕ, по национальности немец.

В ведении 1-С корпуса имеются также две «русские» группы».

Первая группа – 12 человек.

Командир группы – ВОЛКОВ Иван Иванович – 35 лет, ленинградец, работал

мастером на одном из заводов Ленинграда. Попал в плен в 1941 году. За боевые операции с партизанами неоднократно награждён.

Помощник Волкова – по имени Николай. В бою с партизанами ранен, дважды награждён.

Данных о второй группе не имеется.

ГРУППЫ НЕГЛАСНОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ СРЕДИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Разветвлённая сеть негласной агентуры занимается освещением населения, проживающего на территории занимаемой 18-й армией, а также выявлением связи местного населения с партизанами.

Известны следующие такие агентурные группы:

Группа ЖЕНИ АНДРЕЕВОЙ – бывшая студентка 1-го курса Института имени Лесгафта. Отец её работал в Ленинграде на почтамте. В прошлом советская разведчица.

Известно, что в задачу группы входит освещение населения ст.Сиверская и дер. Курвицы. Ранее группа находилась в гор.Красногвардейске, расшифровалась в работе, в связи с чем командование 1-С армии вынуждено было перевести группу на ст.Сиверская.

Из состава группы известны:

1. «БОРИС» – фамилия неизвестна, 1915 года рождения, по специальности шофер, является мужем Андреевой, в прошлом советский разведчик. Вместе с Женей сдались добровольно в плен.

2. «ИГОРЬ» (кличка) – фамилия не установлена, боксёр, студент одного из Ленинградских Институтов. Проживает в Сиверской.

Фрагмент докладной записки П. Н. Кубаткина (советская контрразведка) о контразведывательных службах 18-й армии Вермахта («Новый часовой», 1996, № 4, с. 144, 145)

Приложение 4

Б. А. Смысловский

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕНЕРАЛЕ ВЛАСОВЕ [6]

2-го августа 1946 года по приговору московского суда был казнен генерал А.А.Власов и его ближайшие сотрудники. «...» Я знаю закулисную сторону политического рождения генерала Власова, когда он из героя Советского Союза, пройдя через проволоку лагеря военнопленных, пришёл к славе нового жертвенного служения той же многострадальной родине. По многим причинам, я предпочитаю пока умолчать и не рассказывать всех деталей техники зарождения РОА и выхода генерала Власова на свободу. Пока этого не нужно. Официальная биография генерала Власова и история РОА хорошо известны, и об этом, как уже сказано, я не собираюсь писать, но думаю, что, рассказывая объективно о наших встречах и разговорах, я тем самым помогу истории осветить беспристрастно внутреннюю сторону личности генерала Власова.

Первый раз я встретился с генералом Власовым по поручению немецкого Главного командования сухопутных войск (ОКВ), и мы поговорили около двух часов. Разговор, как принято говорить, совершенно не клеился. Власов был тогда в форме советского генерала и, если память мне не изменяет, в лампасах, но без погон. Я же – в форме немецкого полковника. Власов говорил со мной с тем хорошо скрытым недоверием, с каким привыкли говорить подсоветские люди, прошедшие полную школу революционного коммунизма. Старался больше слушать, чем высказывать своё собственное мнение. В моей манере говорить, как он мне потом сказал, была сдержанность и обдуманность каждого слова, воспитанная суровой дисциплиной Германского Генерального Штаба. Я приехал слушать Власова, а не говорить сам. Он же не хотел говорить, а только слушал, а потому, как я уже сказал, в течение нашего первого двухчасового свидания мы так и не смогли найти общего языка. Власов сухо, очень сухо относился к возможности говорить с кем-

[6] *Выдержки из статьи, опубликованной в журнале «Суворовец», №№ 30 (45) – 38 (53), август-октябрь 1949 г. Текст подвергнут незначительной корректуре.*

нибудь, кто носил германскую форму и, конечно, с особенным подозрением, если носящий эту форму был по происхождению русским. У генерала Власова во всём ещё сказывалась привычка на многое смотреть сквозь очки советского воспитания, а на немцев – как на исторических врагов России. Мне чрезвычайно трудно было перейти Рубикон не столько русско-немецкий, сколько бело-красный. Мысль, что я говорю с крупным советским генералом, в молодости воевавшим против нас, белых, сыгравшим большую или меньшую роль в причине нашего великого исхода и двадцатидвухлетней эмиграции, а потом долго и успешно строившим Советскую армию, – мысль эта камнем стояла поперёк горла, и мне было очень трудно взять себя в руки и скользить по объективной политической плоскости, как мне было приказано. Мы оба пробовали и хотели, но нам это ни в какой мере не удалось. Мы расстались ещё суше, чем встретились, и несколько месяцев об этом свидании не думали, тем более что носило оно исключительно секретный и военный характер. Власов, прощаясь со мной очень вежливо, думал: что же, в конце концов, хотел от него узнать этот полковник, и где кончается его германский мундир и начинается русское сердце? А я унёс с собой горечь неудавшегося выполнения задачи и неразрешимую проблему: как глубоко сидит во Власове пройденная им коммунистическая школа, и где же начинается его русская душа?

Это было в конце 1942 года в Охотничьем домике, вблизи города Н. в восточной Пруссии. Свидание это определило до известной степени взаимоотношения генерала Власова с Вермахтом. Впоследствии генерал Власов, установив контакт с политическими кругами Германии, начал строить свое Освободительное Движение, непосредственно опираясь на Германское Правительство.

Второй раз я виделся с ним, кажется, в апреле или мае 1943 года во время его объезда участка Северного фронта, т.е. Пскова и Риги. На этот раз, после хорошего ужина, мы поговорили до 4-х часов утра. Разговор с официального тона сорвался следующим эпизодом. Власов долго и интересно рассказывал мне о некоторых своих боевых операциях против немцев и, увлекшись, показывая на карте ход боя, воскликнул: «Вот здесь мы вам здорово наклали!» «Кому вам? – спросил я холодно. – Значит, вы – коммунисты – разбили здесь кровавых фашистов?» Андрей Андреевич спохватился и рассмеялся. «Нет, я думаю иначе, –

сказал он, – здесь русские разбили немцев». «Русские всегда были непобедимы!» – сказал я. «Ну, ясно!» – подтвердил Власов и мы, оставив фашистко-коммунистическую тему, перешли на чисто русскую и, таким образом, нашли язык, который позволил нам весьма интересно проговорить всю ночь.

Власов говорил некрасиво, но удивительно просто и, я бы сказал, очень ясно. Много было логики и веры в то, о чём он говорил. Власов не любил пустословить и говорить вот так, зря, на любые темы. Он брал жизнь и относился к исполнению своего долга весьма серьёзно. Рассказывал только то, что, по его мнению, заслуживало внимания, и задерживался только на темах, которые его интересовали или в которых, по его личному убеждению, он хорошо разбирался. Там, где он не чувствовал себя компетентным, он избегал задерживаться и переходил на другую тему. Зато там, где он считал себя специалистом, он говорил весьма интересно, авторитетно и с большим знанием дела. Чувствовалась хорошая военная и политическая школа, а также навык разбираться в крупных вопросах, в особенности, в вопросах организационного характера. Он был, безусловно, прекрасным организатором и отлично знал военное дело.

Ему, конечно, трудно было разобраться во всех сложностях немецкого государственного аппарата, да и в общей политической обстановке. Взаимоотношения между отдельными западными державами были ему не известны и мало понятны. В этом отношении, сидение «за чертополохом» сказывалось на каждом шагу. Многое, о чём я говорил ему, его искренне удивляло, а многому он просто не верил. В его отношении к Германии просвечивало на каждом шагу недоверие. Зато по отношению к западным демократиям он обнаруживал иногда наивно-детскую доверчивость. Чувствовалось, однако, что он всё больше и больше сбрасывает с себя «вериги» политграмоты и начинает вставать во весь свой большой русский рост. Одной из характерных черт Власова была чисто русская способность глубокого анализа. Власов был русским, насквозь русским. Плоть и кровь русского хлебопашца, а потому он не только знал, но понимал и чувствовал чаяния и нужды русского народа удивительно ясно, больше того – резко.

Революция и партия, конечно, наложили на него сильный отпечаток. Он плохо разбирался в во-

просах государственной стратегии и исторической политики. История тысячелетней динамики российского народа была совершенно чужда ему, и ему, безусловно, нужно было побывать в Европе, чтобы на многое взглянуть иначе, значительно шире, глубже и с иной точки зрения.

Проще – он не знал жизни по ту сторону «чертополоха», т. е. политических, военных, социальных и исторических взаимоотношений, а также техники и метода западной демократии. В военном отношении он был превосходный тактик, но не глубокий стратег. Ему нужно было ещё поучиться, чтобы проникнуть в «тайну магии» вышеупомянутых наук и вопросов, а также русских исторических задач, геополитических законов и доктрин государственной стратегии. Зато, повторяю, во всех иных вопросах, касающихся тактики военного дела, организации, политической сноровки, понимания психологии народов России, их быта и стремлений, Власов, безусловно, стоял на высоте того исторического задания, которое ему пришлось выполнять. Психологически он «разгрызал» людей замечательно и, например, мне он указал на целый ряд моих личных недочётов, которых я сам в себе не замечал. В этом отношении я был ему очень благодарен, ибо впоследствии, когда мне пришлось формировать Первую Русскую Армию, и ко мне пришло приблизительно 20 % «старых», а 80 % «новых», критика генерала Власова моей психологии мне пригодилась.

«Вы, полковник, широко охватываете стратегические и государственные вопросы, – говорил генерал Власов, – но Вы слишком узко сидите в казарме. Я верю вам, что вы любите Россию, вернее, вы влюблены в её историю, но вам слишком импонирует германская сила и германский удар. Вы не хотите понять, что русского вопроса нельзя разрешить войной или ударом даже 50-ти прекрасных броневых дивизий. Его можно разрешить только продолжением *народной* революции, т. е. тем, чего вы так не любите, и мысль о чем приводит вас в содрогание. <...> Вы мечтаете о возрождении России, но, прежде всего, вы думаете о возрождении Марсового поля, красивых полков, крепкой казармы и славы старых знамён. А потом уже вы думаете о воле народа, о государственном образе правления, о парламенте и проведении всех тех хозяйственных и социальных реформ, которые так необходимы нашему измученному народу. <...> Вы – солдат не только по профессии, а и по натуре, да ещё *развращённый* прусским милитаризмом. Я тоже солдат, но толь-

ко по профессии, а не по натуре, и не вышел, как вы, из сугубо военной касты. Я не оторвался от поля и от фабрики, и всё это – для меня живое тело, а для вас – это только изучаемая абстракция».

Я не остался в долгу и говорил ему о его недостатках. «Вы не были вне Советской России и вам непонятна европейская обстановка и западные методы работы. Революционная Россия не нужна. Она от всех этих социалистических экспериментов устала. Партизанщиной и восстанием вы ничего не сделаете. На Запад также мало надежды, как и на розенберговскую политику. <...> Победа германских армий должна привести нас в Москву и постепенно передать власть в наши руки. Немцам даже после частичного разгрома Советской России долго придётся воевать против англо-саксонского мира. Время будет работать в нашу пользу, и им будет не до нас. Наше значение как союзника, будет возрастать, и мы получим полную свободу политического действия».

Генерал Власов не соглашался со мной. Он считал, что РОА – это только точка опоры для национально-революционного пожара, для организации крупнейшего партизанского движения, саботажа и новой гражданской войны. Нельзя допускать немцев слишком глубоко в Россию. «Вы поймите? – говорил он, – что мы живём в эпоху не профессиональных войн, а революционных движений. Народ – это не статист, а активный участник исторических событий».

Я не соглашался с ним, и пробовал доказать ему, что личности делают историю. Толпа остается всегда толпою и, в конце концов, идёт за победителем. Андрей Андреевич возмущался. «Позвольте, – говорил он, – ведь вот, большевики победили, однако, русский народ не воспринял коммунизма». «Воспринял или не воспринял, а потом изжил – всё это не играет никакой роли. Исторический факт налицо, что в Москве сидит коммунистическое правительство и управляет двухсотмиллионной массой», – возражал я. «Вы слишком заражены германским фюрер-принципом», – нападал Власов. «А вы, генерал, слишком тонете в доктринах революции», – парировал я.

В конце концов, мы оба решили, что без водки этого дела не разберёшь, и, уходя от Власова под утро, я чувствовал, как говорят моряки, что слишком ложусь на борт, но что Андрей Андреевич Власов, безусловно, большой и умный человек. Часто потом, вспоминая наш интересный разговор, я думал: прав ли Власов, что Белое Движение захлебнулось оттого, что не сумело

продолжить революции Керенского против активно выступившего большевизма, или был прав я, когда доказывал ему, что Белое Движение проиграло, ибо в критический момент на решающем Орловском операционном направлении генералу Деникину не хватило десяти хороших дивизий? Ведь были в Советской России потом всевозможные восстания и народные движения? Все они тоже окончились полной неудачей. Вопрос – живём ли мы в эпоху, когда надо вести войну при поддержки политики или политику при поддержке бронированного кулака – этот вопрос разрешила сама жизнь. Над ним теперь нечего философствовать. Я должен откровенно признаться, что генерал Власов был во многом прав. Расчёт Власова на революцию был правилен. Обескровленная Германия и западные державы, победители и побеждённые, не смогли бы полностью заниматься русским вопросом, и начавшееся движение РОА, обрастая партизанщиной, всевозможными восстаниями, могло бы вылиться в широкое революционное движение.

Моё третье свидание с Власовым состоялось в одной из пригородных вилл Берлина в конце 1944 года. Мы не виделись больше года и взаимоотношения испортились, как принято говорить, вконец. Мы были разные люди и по характеру и по воспитанию. Военное образование получили в диаметрально-противоположных школах, а потому вполне понятно, что нашим врагам, вернее друзьям, легко было начать грязнейшую интригу и вырыть между нами, как потом оказалось, непроходимую пропасть. Свидание это тщательно подготавливалось заместителем Власова, начальником штаба Вооружённых Сил КОНР генералом Трухиным и командиром третьей формирующейся дивизии РОА генералом Шаповаловым. Разговор продолжался около четырёх часов. Мы не сговорились.

Сегодня, когда я пишу эти заметки для истории, я считаю своим долгом передать чистую правду, даже тогда, когда она может сделаться обвинительным актом против покойного Власова или, вернее, против меня самого. Я знаю, что всем не угодишь. Поклонники Власова в обиде на меня за то, что я слишком мало воспеваю его и созданное им Движение, а его враги, наоборот, не могут простить мне того, что я, говоря историческую правду, часто хвалю Власова, подчёркиваю его таланты и бесспорную значительность Русского Освободительного Движения.

Мы не сговорились и расстались очень сухо с оттенком неприязненности. Не сговорились мы по трём следующим вопросам.

Политически – я не разделял его взглядов и выдвинутой им программы в так называемом Пражском Манифесте. Мне казалось, что с этим идти в Россию нельзя. Она сильно устала от всяких социалистических экспериментов, и что лучше всего осуществлять исключительно военную акцию, не предрешая никаких политических вопросов и не навязывая народу приготовленных в эмиграции программ и форм.

Второе. Я считал, что мы должны воевать только на Востоке. Поэтому я был против того, чтобы генерал Власов написал бы воззвание, призывающее русских солдат бороться не только против коммунистического, но и против западно-капиталистического мира. Я считал, что этим он сжигал мосты к будущим разговорам с англосаксами.

Третий вопрос, на котором мы расходились – это было отношение РОА к Германии. Конечно, германская восточная политика была самоубийством. Это историческая правда, благодаря чему Германия проиграла войну. Наряду с этим, я считал, что германская армия была нашим союзником, снабжавшим нас оружием, деньгами и военным снаряжением. Мне казалось, что мы, русские офицеры, должны быть лояльными по отношению к германской армии до конца.

Доведённый моим упорством почти до бешенства, Андрей Андреевич воскликнул: «Это преступление русскому думать так, как думаете вы. Победоносная Советская Армия находилась в это время в двух переходах от власовских полков. Я отдаю на суд истории этот трагический финал нашего третьего свидания.

Власов, герой Советского Союза, явился продолжателем Белой Идеи в борьбе за национальную Россию!

Сложись политическая обстановка иначе, и пойми немцы Власова, РОА одним только своим появлением, одной пропагандой, без боя могла потрясти до самых основ всю сложную систему советского государственного аппарата. Его борьба и его кровь, а потом кровь его многострадальных бойцов во всех лагерях Германии открыла глаза Западному миру на то, что в Советской России далеко не всё благополучно. Восстали и вместе с немцами начали борьбу, а теперь, не желая возвращаться на родину, кончают жизнь самоубийством и кто же? Не контрреволюционные

золотопогонники, а коммунистические генералы, советские офицеры и колхозники. Это была песнь без слов, ясная и понятная каждому честному иностранцу.

Генерал Власов – БОЛЬШОЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК, прекрасный солдат и организатор, патриот и человек воли. Он в полном сознании, как было сказано, пошёл по тернистой дороге к Голгофе русской революции и отдал жизнь и кровь на благо, и величие своей родины. Перед лицом такой жертвы простятся все его личные недочёты и ошибки. Он встаёт во весь свой могучий рост национального героя. Русское свободное зарубежное воинство, оказывая его памяти воинские почести, скажет:

«И ТЫ БЫЛ ОДНИМ ИЗ НИХ –
РУССКИЙ СУВОРОВСКИЙ ЧУДО-БОГАТЫРЬ!
АНДРЕЮ АНДРЕЕВИЧУ ВЛАСОВУ – ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ РОА – ВЕЧНАЯ СЛАВА!»

СОДЕРЖАНИЕ

А.В.Попов ВВЕДЕНИЕ *6*
Часть I. ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ *10*
(не по Льву Толстому) *10*

А.В.Попов
КАК ЭТО ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ. ЗИМА 1922 ГОДА . 18 ЯНВАРЯ 10
ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСКИХ ЛЕТ 12
ПОСЛЕ СМЕРТИ МАМЫ 22
МОИ СПОРТИВНЫЕ УСПЕХИ 24
РАБОТА НА ЛМЗ 30

Часть II. ИЗМЕННИКИ ИЛИ ПАТРИОТЫ? *37*

1941 ГОД. НАЧАЛО ВОЙНЫ 32
ОСЕНЬ 1941 ГОДА. Ленинградский фронт, где-то за Новгородом 37
В ПЛЕНУ 42
«СТАРШОЙ» – ЗАГАДКА 54
АНТИПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД КАПИТАНА ФЕОФАНОВА 66
ОТСТУПЛЕНИЕ 71
ОСЕНЬ 1944 – НАЧАЛО 1945 ГОДА 80
РУССКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМИЯ 82
ПРАЖСКАЯ ВЕСНА 1945 ГОДА 91
НА ЗАПАД! 95
В ФИЛЬТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ СМЕРША 101
ПОБЕГ 107

Часть III.ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ. 112

ГЕРМАНИЯ (АМЕРИКАНСКАЯ ЗОНА)....112
АВСТРАЛИЯ, АВСТРАЛИЯ!....129
НОВАЯ ГВИНЕЯ 141
ЯПОНИЯ, ГЕРМАНИЯ, НОВАЯ ГВИНЕЯ... 164
СНОВА АВСТРАЛИЯ....205

Часть IV. РУССКИЕ В АВСТРАЛИИ....*229*

НА РОДИНУ! 217
МОЙ САЙТ «РОД – РОА» 229
РУССКАЯ ДИАСПОРА В АВСТРАЛИИ....235
ПОСЛЕДНИЕ ЗАМЕЧАНИЯ....259

ПРИЛОЖЕНИЯ....*265*

САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ... 262
Приложение 1 266
Приложение 2 268
Приложение 3 270
Приложение 4 274

Дичбалис Сигизмунд Анатольевич

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

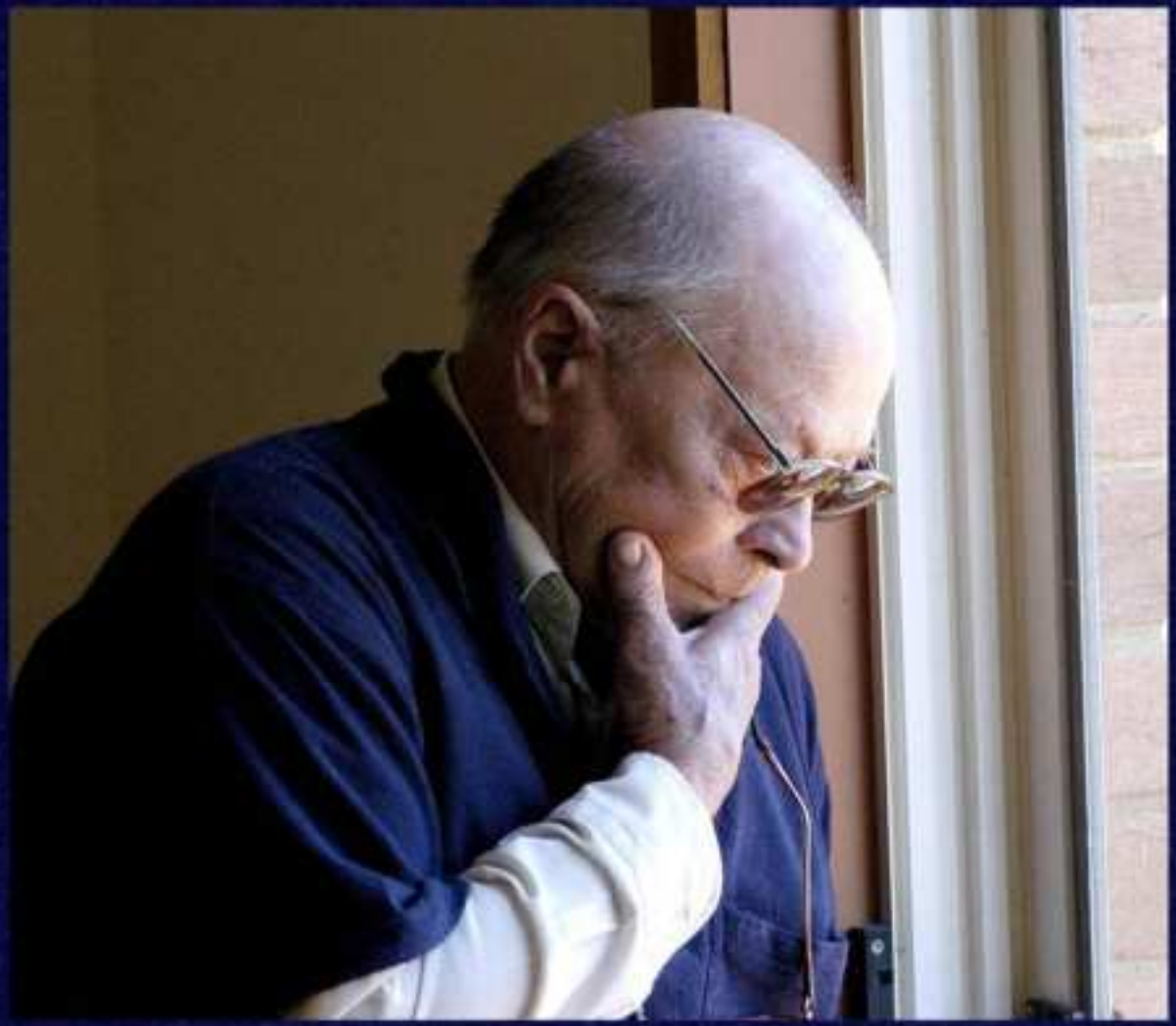
Воспоминания

Отв. за выпуск *А. К. Тюленев*
Редактор *В. Г. Федорченко*
Корректор Я. *Б. Новикова*
Художник *С. А. Голубева*
Подписано в печать 31.03.03 г. Печать офсетная. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 18,5. Заказ № 140т

Издательство ИПВА
103031, Москва, Кузнецкий мост, 20.
Тел. 924-89-61, факс 928-92-45.
E-mail: rdl464@elnet.msk.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»
г. Красноармейск Московской обл.

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ СИГИЗМУНДА ДИЧБАЛИСА
Ленинград
(Санкт-Петербург)
Саратов
Эрланген
Маданг
Фримантл
(Перт)
Брисбен
Сидней



Жизнь автора книги, живущего сейчас в Австралии, полна приключений и трагических ситуаций. Его воспоминания помогают стереть некоторые «белые пятна» в истории России XX века, позволяют по-новому взглянуть на трагические и славные страницы ее недавнего прошлого через призму судьбы одного человека.